

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2007

ISSN 0131-2812

Журналу “Проблемы Дальнего Востока” — 35 лет

●
Россия-Китай-Индия:
продолжение
научно-практического диалога

●
Китайская Народная Республика
в 2006 году

●
Азиатские страны в поисках
оптимальной интеграционной
модели

●
Историография манихейства
в Китае

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2007

Март - Апрель

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ЖУРНАЛУ "ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА" — 35 ЛЕТ

Поздравления с юбилеем..... 6

ДОКУМЕНТЫ

Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Индии, России и Китая..... 17

РОССИЯ-КИТАЙ-ИНДИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

М. Титаренко. Уроки развития международной обстановки в 2005—2006 гг. и сотрудничество России, Китая и Индии..... 19

С. Уянаев. Транспортные маршруты в Азии: значение для России, Китая и Индии..... 26

С. Лузянин. Региональные и глобальные ресурсы сотрудничества России, Индии, Китая в центральноазиатском ракурсе..... 33

ПОЛИТИКА

В. Портяков. Китайская Народная Республика в 2006 году..... 42

Л. Бадалян, В. Криворотов. Россия и Китай: перспективы взаимодействия в новых энергетических условиях..... 57

ЭКОНОМИКА

А. Абалкина. Азиатские страны в поисках оптимальной интеграционной модели..... 74

© Российская академия наук, 2007 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2007 г.

2.4 экз.

В. Фроленков. Экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления.....	84
А. Тарасюк. Экономический потенциал Северо-Восточного Китая и его влияние на развитие сотрудничества с приграничными регионами России.....	97

ИСТОРИЯ

Луань Цзинхэ. Китайско-советский Договор о дружбе и союзе 1945 г. и Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом 1950 г. (сравнительный анализ).....	109

РУССКИЕ В КИТАЕ

В. Романовский. Н.В. Устрялов — профессор Харбинского юридического факультета.....	125

ОБРАЗОВАНИЕ

Лю Цзайци. Высшие учебные заведения в Китае в условиях совместного управления центра и регионов.....	132

КУЛЬТУРА

Е. Бабкина. Своеобразие историко-философской парадигмы "Восток-Запад" в творчестве Б.А. Пильняка.....	139

РЕЛИГИЯ

А. Алексанян. Источниковедение и историография манихейства в Китае (обзор западных и китайских исследований).....	144

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КИТАЯ

В. Кузнецов. Под сенью древних храмов (заметки о современной духовной жизни китайцев).....	159

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Чуванкова, Е. Лапшина. Защита диссертаций в Институте Дальнего Востока РАН в 2006 году.....	168

РЕЦЕНЗИИ

Ю. Песков. Киреев Г.В. Россия—Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров.....	172
Я. Бергер. Л. Палтемаа. В авангарде истории. Движение Стены демократии (1978—1981) и социальная мобилизация диссидентства бывших хунвэйбинов.....	178
В. Денисов. Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен.....	181
А. Сенаторов. Мещеряков А.Н. Император Мейдзи и его Япония.....	185

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Алексею Ивановичу Сенаторову — 80 лет.....	187
Игорю Алексеевичу Рогачеву — 75 лет.....	189
Юбилей Валентины Петровны Журавлевой.....	190

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Журналу "Проблемы Дальнего Востока" — 35 лет

В подборке публикуются поздравления, поступившие в адрес журнала, в связи с его 35-летием.

Россия—Китай—Индия: продолжение научно-практического диалога

Журнал продолжает публикацию материалов 6-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая. В предлагаемых вниманию читателя докладах М.Л. Титаренко, С.Г. Лузянина и С.В. Уянаева рассматриваются возможности взаимодействия этих стран по проблемам, связанным с положением на Ближнем Востоке, в рамках ШОС, а также в сфере транспортного сотрудничества

В. Портяков. Китайская Народная Республика в 2006 году

В статье рассмотрены основные аспекты политической деятельности руководителя КНР Ху Цзиньтао, особенности функционирования ведущих звеньев политической системы и итоги экономического развития Китая в 2006 г. Проанализированы особенности современного подхода в Китае к совершенствованию внешнеэкономических связей и приоритетные направления внешней политики страны.

Л. Бадалян, В. Криворотов. Россия и Китай: перспективы взаимодействия в новых энергетических условиях

В статье оцениваются перспективы сотрудничества России и Китая — соседей по азиатскому континенту, который, по мнению авторов, представляет собой зону экстремального климата, неблагоприятную для современной экономической модели массового производства типа американской, предполагающей культивацию ограниченного набора монокультур и доставку продукции на рынок по густой сети автомобильных дорог. Поэтому на повестку дня выходит проблема соответствующих экономических и технологических адаптаций. Накопленный многовековой исторический опыт в данном случае является бесценным и может служить неким путеводителем из прошлого в будущем, считают авторы статьи.

А.Абалкина. Азиатские страны в поисках оптимальной интеграционной модели

Несмотря на интенсивный рост экспорта-импорта в рамках азиатского региона, интеграционные процессы в нем, как показано в статье, отстают от Европы и Северной Америки. На основе всестороннего анализа установлено, что внутрирегиональная интеграция азиатских стран пока сводится, преимущественно, к экономическому сотрудничеству на базе малозффективных двусторонних соглашений, ввиду чего в долгосрочной перспективе эти страны предстанут перед необходимостью поиска моделей взаимодействия в многостороннем формате.

В.Фроленков. Экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления

Охарактеризовав причины заинтересованности КНР, центральноазиатских государств-участников ШОС и России в развитии именно экономической составляющей деятельности Организации, автор анализирует современное состояние хозяйственного взаимодействия в рамках ШОС на двустороннем уровне и в коллективном формате. В статье рассматриваются основные тенденции и противоречия на пути формирующегося коллективного сотрудничества стран ШОС, высказывается авторская точка зрения по поводу выбора его главных направлений на перспективу.

А.Тарасюк. Экономический потенциал Северо-Восточного Китая и его влияние на развитие сотрудничества с приграничными регионами России

Статья содержит развернутую характеристику экономического потенциала соседствующего с Россией китайского региона, включающего провинции Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин. По мнению автора, близость к России является одной из причин высокой экономической жизнеспособности Северо-Восточного Китая. Для российского Дальнего Востока соседство с Китаем также открывает многообещающие перспективы социально-экономического развития.

Луань Цзинхэ. Китайско-советский Договор о дружбе и союзе 1945 г. и Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом 1950 года (сравнительный анализ)

На основании сравнительного анализа исторического контекста, хода переговоров и текстов договоров между СССР и Китаем (1945 г.) и между СССР и КНР (1950 г.) автор приходит к выводу, что Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 года был заключен в результате активного диалога и достижения полного согласия и нацелен на установление союзных отношений и налаживание взаимного сотрудничества между двумя странами во всех областях.

В. Романовский. Н.В. Устрялов — профессор Харбинского юридического факультета.

В статье раскрывается малоисследованная страница творческой биографии идеолога национал-большевизма в эмиграции. В 1920 г. он был инициатором создания Харбинского юридического факультета, являлся первым его деканом, читал студентам лекционные курсы по общей теории права, государственному праву, истории философии права, руководил философским кружком, редактировал научные издания, исследовал события, происходившие в России и мире. Его успешная работа на факультете продолжалась полтора десятилетия и была прервана вынужденной отставкой. В 1935 г. он вернулся на родину, а в 1937 г. был репрессирован.

Лю Цзайци. Высшие учебные заведения в Китае в условиях совместного управления центра и регионов

В статье рассмотрены особенности формирования в КНР системы совместного управления высшими учебными заведениями со стороны центральных ведомств и местных правительств, которая начала внедряться с 1985 г. Охарактеризованы основные типы совместного управления вузами со стороны центральной и местных властей. Показаны достоинства и недостатки новой системы, проанализированы перспективы ее развития.

Е. Бабкина. Своеобразие историко-философской парадигмы “Восток—Запад” в творчестве Б.А. Пильняка

В статье исследуется своеобразие историко-культурной парадигмы “Восток—Запад” в творчестве Б. Пильняка на различных уровнях художественного текста: смысловом, образном, идеологическом, а в некоторых случаях — и политическом. Широкий культурологический контекст, привлечение материалов биографического и собственно литературного характера позволяют выявить самобытность и неординарность решения данной проблемы в творчестве писателя.

А. Алексанин. Источниковедение и историография манихейства в Китае (обзор западных и китайских исследований)

Статья представляет собой первый русскоязычный систематизированный очерк истории изучения феномена манихейства в Китае западными, китайскими и японскими учеными. Выделяется несколько этапов в его изучении, рассматриваются основные проблемы и узловые вопросы историографии данного явления, которые решали и сегодня продолжают решать ученые Германии, Франции, США, КНР, Тайваня и Японии. В целом в их исследованиях манихейство характеризуется как религия с “универсальным”, крайне гибким в смысле адаптации характером, с “глобалистскими” тенденциями.

В. Кузнецов. Под сенью древних храмов (заметки о современной духовной жизни китайцев)

Увиденное и услышанное в Пекине и Ланьчжоу за время непродолжительного пребывания там дало возможность автору ознакомиться с такими явлениями в современном Китае, которые не находят отражения в средствах массовой информации. Особое внимание уделено традиционной духовности Китая, в частности, религиозной жизни. Предпринята попытка показать, как Китай сохраняет основы духовных традиций в условиях глобализации.

Журналу "Проблемы Дальнего Востока" — 35 лет

В марте этого года исполнилось 35 лет с момента выхода в свет первого номера журнала "Проблемы Дальнего Востока", учрежденного Российской академией наук и Институтом Дальнего Востока РАН. За период своего существования журнал завоевал авторитет и признание у обширной читательской аудитории, которая включает ученых-востоковедов, представителей политических, дипломатических и деловых кругов России и сопредельных стран и всех тех, кто проявляет интерес к тематике его публикаций.

Распространение нашего издания на русском и английском (под названием "Far Eastern Affairs") языках позволяет многочисленным читателям журнала в России и за рубежом ознакомиться с историей, культурой, политикой и экономикой стран АТР, следить за развитием международного сотрудничества и двусторонних отношений в этом весьма динамичном и стратегически важном районе мира. Именно здесь расположены лидеры современной мировой экономики — Китай, Япония, быстро растущие Индия, Вьетнам и другие страны АСЕАН. К этому гигантскому массиву, охватывающему треть населения Земли, относятся также российский Дальний Восток и Сибирь с их колоссальным, неоценимым для будущего нашей страны потенциалом, используемым, однако, пока недостаточно и не всегда рационально.

Соответственно, основным направлением журнала является всестороннее освещение нынешнего состояния и перспектив экономического развития региона, прежде всего в интересах стимулирования развития самой России. ПДВ — это, по сути, единственное издание в стране, в котором широко и систематически освещаются различные аспекты экономического положения в странах Дальнего Востока, в том числе ход и опыт экономических реформ в Китае, проблемы и результаты экономических преобразований и развития "малых азиатских тигров", вопросы внешнеэкономической политики и внешнеэкономических связей стран Дальнего Востока.

В тесной связи с анализом экономических процессов исследуются также социальные, политические, цивилизационные аспекты развития. На страницах ПДВ находят широкое отражение особенно злободневные для нынешних и будущих поколений жителей региона социально-демографические и экологические проблемы. Важнейшее место занимают вопросы рационального исполь-

зования природных ресурсов и сохранения окружающей среды, межгосударственных и внутренних миграций населения, разумного и взаимовыгодного формирования рынка труда.

Все это определяет комплексный исследовательский профиль журнала на стыке разных общественных наук, среди которых важнейшее место занимает изучение международных экономических и политических отношений. Особо значимую роль играют публикации по проблемам многосторонних и двусторонних отношений стран региона, политике России в отношении стран-соседей на ее дальневосточных рубежах, а в последние годы — и по вопросам деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), взаимодействию России, Китая и Индии.

В журнале систематически освещаются вопросы восточного, особенно “китайского” направления политики России. Следует отметить и постоянную публикацию важнейших документов, характеризующих состояние и развитие контактов и отношений РФ со странами Дальнего Востока. Отражением растущего международного авторитета журнала являются выступления на его страницах видных зарубежных ученых-международников из Китая, Японии, США, Республики Корея, дипломатов высокого ранга нашей страны и стран Дальнего Востока.

Редколлегией и редакцией ПДВ уделяется должное внимание публикации материалов по истории стран региона, различным аспектам истории их взаимоотношений, что отвечает особому влиянию традиций и событий прошлого на современные процессы в этих странах. По отзывам читателей журнала, значительный интерес вызывают материалы, публикуемые в рубрике “Документы, архивы”. Показательно, что они нередко переводятся в соответствующий зарубежных изданиях в Китае, Японии, в Республике Корея. Достаточно широкое и разностороннее освещение на страницах ПДВ находят темы культуры, религии, этнографии стран региона, вопросы философии и государственно-правового строительства. В целом в своих публикациях за прошедшие 35 лет нашему журналу, по оценке постоянно читающих его специалистов, удалось совместить политическую актуальность, постоянные поиски новых идей и новой методологии и бережное следование лучшим традициям отечественного востоковедения, освободиться от идеологизированности и сохранить академизм. Широкий круг рассматриваемых проблем, публикация разнообразных в тематическом и концептуальном отношении статей позволяют журналу заинтересовать самых разных читателей, каждый из которых находит в нем для себя что-то познавательное.

Разумеется, мы понимаем, что наряду с достижениями в нашей работе имеются и определенные недостатки. В частности, хотелось бы уделять больше внимания углубленным теоретико-методологическим разработкам проблем АТР, шире освещать на страницах журнала дискуссии отечественных и зарубежных ученых-востоковедов по актуальным проблемам и истории стран региона. Коллектив журнала приложит максимум усилий, чтобы откликнуться на конструктивные рекомендации и пожелания по улучшению работы и повышению качества нашего издания, содержащиеся в многочисленных поздравлениях, поступивших в наш адрес. Мы исходим из того, что только таким путем — благодаря установлению тесной взаимосвязи с нашими читателями — мы сможем эффективнее решать стоящие перед нами новые ответственные задачи.

Редколлегия и редакция ПДВ

Главному редактору
журнала "Проблемы Дальнего Востока",
доктору экономических наук
В.Я. Портякову

Глубокоуважаемый Владимир Яковлевич!

Дорогие коллеги!

От имени Генеральной дирекции и многочисленного коллектива издателей, полиграфистов, книготорговых и научных работников Научно-производственного объединения "Издательство "Наука" горячо и сердечно поздравляю Вас, редакционную коллегию и весь коллектив журнала со знаменательной датой — 35-летием со дня его создания.

Руководству НПО "Издательство "Наука" хорошо известны высокие оценки отечественной и зарубежной общественности тематики журнала, освещающей комплекс проблем востоковедения.

Журнал "Проблемы Дальнего Востока" всегда был и остается одним из самых интересных и уважаемых периодических академических изданий, и в этом заслуга его дружного высокопрофессионального коллектива.

Желаем всему коллективу журнала новых творческих успехов в деле выполнения непростых и важных задач, которые стоят перед наукой, академическим книгоизданием и Вашим замечательным журналом.

*Советник президента РАН
Генеральный директор
НПО "Издательство "Наука"
член-корреспондент РАН*

В.И. Васильев

Директору Института
Дальнего Востока РАН
М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
"Проблемы Дальнего Востока"
В.Я. Портякову

Уважаемые Михаил Леонтьевич и Владимир Яковлевич!

По поручению Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б.В. Грызлова Комитет по международным делам поздравляет коллектив журнала "Проблемы Дальнего Востока" в связи с отмечающимся в эти дни 35-летием со дня основания и выходом в свет первого номера журнала в 1972 году. Депутаты Государственной Думы — члены Комитета желают крепкого здоровья и новых творческих успехов сотрудникам журнала, всем тем, кто был и на протяжении многих лет остается активным участником процесса создания этого высокопрофессионального и столь ценного для специалистов-международников научного издания.

Среди сотрудников Государственной Думы и, в частности, аппарата Комитета по международным делам, есть те, кто был подписчиком и читателем еще первых номеров журнала "Проблемы Дальнего Востока", кто формировался и воспитывался как специалист-востоковед под влиянием публикаций жур-

нала, кто и по сей день хранит на своих книжных полках раритетные номера "Проблем Дальнего Востока", поскольку они представляют большой интерес и научную ценность для международников, профессионально занимающихся изучением стран Дальнего Востока, для тех, кто был и остается равнодушным к выбору путей дальнейшего развития советского, а теперь и российского дальневосточного региона.

Журнал "Проблемы Дальнего Востока" является общественно-политическим изданием, однако его публикации носят фундаментальный научно-прикладной характер и вызывают неподдельный интерес и у ученого, и у практического работника, и у начинающего востоковеда. еще только приступающего к изучению стран и проблем региона.

Регулярно соприкасаясь в своей депутатской деятельности с политической и экономической жизнью государств Азиатско-Тихоокеанского региона, депутаты Комитета всегда находят в публикациях журнала интересующую их информацию, способствующую лучшему пониманию процессов, происходящих там, аналитику, позволяющую глубже вникнуть в суть проблем стран АТР, лучше понять то, чем живут народы Дальнего Востока и Восточной Азии, и главное, осознать истинные интересы участия Российской Федерации в делах этого обширного и важнейшего района современного мира.

Большой интерес для депутатского корпуса представляют регулярно публикуемые в "Проблемах Дальнего Востока" материалы по экономике, внутренней и внешней политике, культуре стран АТР, а также работы, посвященные опыту экономических реформ и социально-экономических преобразований в странах Дальнего Востока и Восточной Азии, сотрудничеству государств в сфере обеспечения безопасности.

Отрадно и то, что журнал "Проблемы Дальнего Востока" регулярно обращается к деятельности таких международных региональных организаций, как АТЭС, ШОС и ряда других, а также к изучению проблем и перспектив развития российского Дальнего Востока с учетом его более активного и эффективного участия в торгово-экономическом сотрудничестве стран региона и в расширяющихся интеграционных процессах в АТР в целом, что представляется нам крайне важным в свете предстоящей встречи в верхах стран-членов АТЭС во Владивостоке.

Вместе с тем хотелось бы пожелать журналу помещать больше материалов, посвященных межпарламентскому сотрудничеству и парламентским связям государств региона, в особенности участию российских парламентариев в работе Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума. Уверен, что читатели журнала с интересом узнали бы о работе Ассоциации азиатских парламентов за мир, о Конференции парламентариев Азиатско-Тихоокеанского региона по проблемам окружающей среды и развития, о Межпарламентской организации стран АСЕАН.

Еще раз хочу пожелать коллективу журнала "Проблемы Дальнего Востока" новых творческих успехов.

*Председатель Комитета
по международным делам
Государственной Думы*

К.И. Косачев

Директору Института
Дальнего Востока РАН,
академику РАН
М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
"Проблемы Дальнего Востока"
В.Я. Портякову

Уважаемый Михаил Леонтьевич!
Уважаемый Владимир Яковлевич!

По поручению Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронова передаю редакционному и авторскому коллективу журнала "Проблемы Дальнего Востока" свои поздравления с тридцатипятилетием со времени его основания.

Трудно переоценить роль этого по своему уникального издания в сохранении и умножении богатых традиций российского востоковедения. Добиваясь высокого научного уровня публикаций, журнал уверенно идет в ногу с общественно-политическими потребностями нашей страны, встающими в эпоху глобальных вызовов и угроз.

Публикации журнала дают возможность его читателям, в том числе членам Совета Федерации, информационно-аналитическим службам верхней палаты Федерального Собрания Российской Федерации своевременно получать всесторонне выверенную информацию по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона, об отношениях Российской Федерации с государствами Дальнего Востока.

Что касается пожеланий на будущее, то для Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации как верхней палаты высшего законодательного органа нашей страны интересны были бы в первую очередь публикации о роли и месте парламентов в общественно-политической и социально-экономической жизни государств региона, о зарубежном опыте законодательного обеспечения реформ, а также сотрудничества с Российской Федерацией, о транснациональных процессах и деятельности интеграционных структур в регионе, прежде всего таких, как ШОС, АТЭС АСЕАН. Хотелось бы видеть на страницах журнала выступления крупных государственных и политических деятелей региона о ситуации в АТР и взаимоотношениях с Россией.

С благодарностью за сотрудничество,

Руководитель секретариата

В.П. Парфенов

Редакция журнала
"Проблемы Дальнего Востока"

Уважаемые коллеги!

Примите самые сердечные и искренние поздравления по случаю 35-летия основания и выхода в свет первого номера журнала "Проблемы Дальнего Востока". За время своего существования журнал завоевал авторитет и заслуженное признание у широкой читательской аудитории: специалистов-востоковедов, представителей политических, деловых и дипломатических кругов не только России, но и других стран. Подтверждением растущего международного авторитета журнала являются публикации на его страницах, авторами ко-

торых являются видные зарубежные ученые из Китая, Японии, Кореи, США, известные дипломаты нашей страны и государств Дальнего Востока.

В журнале освещаются актуальные проблемы наиболее динамично развивающегося региона мира, в котором расположены крупнейшие по населению, имеющие высокие темпы экономического роста и бесценное культурное наследие государства — Китай, Индия, Япония, страны АСЕАН.

Материалы журнала "Проблемы Дальнего Востока" отличает комплексный характер: в них читателей знакомят с историей стран региона, международными, политическими проблемами, тенденциями экономического развития, вопросами государственно-правового строительства, анализируется влияние традиций и исторических событий на современные процессы, весьма содержательны и интересны статьи по культуре, религии, этнографии. Значительное внимание в журнале уделяется развитию российско-китайских отношений стратегического партнерства, на регулярной основе в нем появляются документы, характеризующие состояние и развитие контактов и связей Российской Федерации с другими странами региона.

Горжусь тем, что в течение многих лет являюсь членом Редакционной коллегии журнала "Проблемы Дальнего Востока" и автором ряда опубликованных в нем статей.

Примите пожелания новых успехов в служении Отечеству на ниве востоковедения во имя процветания и роста могущества России, укрепления ее авторитета в мировом сообществе!

Член Совета Федерации,

Член Комитета СФ по международным делам

И.А. Рогачев

Директору
Института Дальнего Востока РАН
академику РАН М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
"Проблемы Дальнего Востока"
д.э.н. В.Я. Портякову

Уважаемый Михаил Леонтьевич,
Уважаемый Владимир Яковлевич,

От всей души поздравляем членов редакционной коллегии, сотрудников редакции, авторский коллектив журнала "Проблемы Дальнего Востока" с 35-летием его основания и выхода в свет первого номера.

Развернутый анализ различных аспектов политической ситуации, общественного и экономического развития, истории и культуры стран Дальнего Востока, научный подход и академизм Вашего издания позволили ему завоевать подлинный авторитет не только у специалистов, но и в широких кругах наших обществоведов. Для российских дипломатов, работающих на азиатском направлении, Ваше издание служит важным источником актуальной информации, глубоких научных оценок и рекомендаций, необходимых для принятия взвешенных внешнеполитических решений и составления надежных прогнозов.

В XXI веке центр глобального развития продолжит смещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион. Для нашей страны с ее уникальным евроазиатским положением данный вектор внешней политики приобретает от года к году растущую значимость. Углубление вовлеченности России в интеграционные про-

цессы в АТР предоставляет новые возможности для подъема регионов Сибири и Дальнего Востока. В этой связи научный анализ процессов, происходящих в этом регионе мира, становится как никогда востребованным.

Вашему изданию удастся совместить политическую актуальность и следование лучшим традициям отечественного востоковедения, заинтересовать самый широкий круг читателей не только у нас в стране, но и за рубежом. Нельзя не отметить, что тематическая специфика Вашего издания и его высокий международный авторитет помогли ему стать площадкой научных обменов и дискуссий российских и иностранных ученых, занимающихся проблематикой Восточной Азии.

Еще раз выражаем Вам искреннюю признательность за весомый вклад в обогащение наших знаний о странах Дальнего Востока и помощь, оказываемую Вашими публикациями, в формировании дальневосточного вектора внешней политики России.

Желаем всем членам редакционной коллегии, сотрудникам редакции, авторам и читателям журнала "Проблемы Дальнего Востока" здоровья, счастья и дальнейших успехов.

Первый заместитель Министра иностранных дел РФ

А. Денисов

Директору Института Дальнего Востока РАН,
академику РАН
М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
"Проблемы Дальнего Востока",
д.э.н. В.Я. Портякову

Уважаемый Михаил Леонтьевич,
Уважаемый Владимир Яковлевич,

В связи с 35-летним юбилеем журнала "Проблемы Дальнего Востока" Института Дальнего Востока Российской академии наук передаем поздравления вам и всему коллективу сотрудников журнала.

Работающие на восточноазиатском направлении дипломаты и исследователи хорошо знают и ценят журнал "Проблемы Дальнего Востока", который является единственным российским научным изданием с многолетней историей, специализирующимся на освещении проблем истории и современности Китая, Японии, Кореи и других стран Дальневосточного региона, политических и экономических проблем Северо-Восточной Азии.

За прошедшие три с половиной десятилетия журнал неизменно выступал главной интеллектуальной площадкой популяризации результатов многогранных исследований китаеведов и востоковедов Института Дальнего Востока РАН, других исследовательских центров нашей страны. Редакционная коллегия журнала традиционно поддерживает тесные связи с Министерством иностранных дел России. Видные российские дипломаты и сегодня являются ее членами.

Журнал "Проблемы Дальнего Востока" уделяет значительное внимание освещению проблем развития Китая, который не только является одним из важнейших соседей России, но и все быстрее выдвигается на роль мировой экономической и политической державы. Публикуемые журналом исследования по Китаю оказывают неоценимую помощь Посольству в практической работе.

Хотели бы выразить особую благодарность руководству Института Дальнего Востока и журнала "Проблемы Дальнего Востока" за многолетнее

плодотворное сотрудничество с Посольством. Настроены на его дальнейшую активизацию. Интерес для нас, в первую очередь, представляют работы по проблемам современного Китая, прогнозы развития китайской экономики и общества, изменений в его политической системе и идеологии, оценки воздействия данных процессов на нашу страну. Большую ценность имеет публикация переводов китайского законодательства.

Были бы готовы размещать некоторые исследовательские материалы на Интернет-сайте Посольства, ориентированном на китайскую аудиторию. Уверены, что это способствовало бы обогащению информационного потока на китайском направлении, интенсификации диалога между учеными двух стран, пошло бы на пользу укрепления взаимопонимания, и в конечном счете — углубляло бы взаимодействие России и Китая.

Еще раз поздравляем с юбилейной датой. Желаем всему коллективу журнала счастья и новых творческих успехов.

От коллектива сотрудников Посольства

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР

С.Разов

Директору Института Дальнего Востока РАН
академику М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
“Проблемы Дальнего Востока”
доктору экономических наук
В.Я. Портякову

От имени профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и слушателей Дипломатической академии МИД России поздравляю редколлегию и всех сотрудников журнала “Проблемы Дальнего Востока” с 35-летием журнала.

За три с половиной десятилетия с момента выхода первого номера в марте 1972 г. журнал “Проблемы Дальнего Востока” внес большой вклад в оздоровление научной и политической общественности нашей страны с политической, государственным строительством, экономикой, историей и культурой Азиатско-Тихоокеанского региона и прежде всего Китая, Японии, Индии, Вьетнама, других стран АСЕАН, а также российского Дальнего Востока.

Профессора и преподаватели Дипломатической академии активно пользуются публикуемыми в журнале статьями российских и зарубежных экспертов в своей преподавательской деятельности, аналитики из Института актуальных международных проблем — в своей исследовательской работе, слушатели и аспиранты ДА — при написании курсовых и дипломных работ и подготовке диссертаций. Они также периодически выступают на страницах “Проблем Дальнего Востока” со своими статьями и рецензиями.

Хотелось бы пожелать всем сотрудникам журнала “Проблемы Дальнего Востока” и его авторскому активу по-прежнему разносторонне и интересно освещать на страницах журнала самые актуальные вопросы политики, экономики, социального развития и культуры стран Дальнего Востока, обращая особое внимание на российский фактор в дальневосточном регионе и на научное прогнозирование главных тенденций политики РФ в наиболее динамично развивающемся регионе мира в XXI веке.

Ректор Дипломатической академии МИД России

А. Панов

Главному редактору журнала
"Проблемы Дальнего Востока"
д.э.н., В.Я. Портякову,
сотрудникам редакции
и редколлегии журнала

Уважаемый Владимир Яковлевич! Уважаемые коллеги!

Журналу "Проблемы Дальнего Востока" исполняется 35 лет. Тридцать пять лет для журнала — возраст профессиональной зрелости. "Проблемы Дальнего Востока" встречают свой юбилей как авторитетное научное и общественно-политическое издание, которое читают историки, экономисты, политики и востоковеды не только в нашей стране, но и за рубежом. Аудитория вашего журнала сегодня больше, чем у какого-либо другого востоковедного издания. Широкий круг рассматриваемых проблем, публикация разнообразных в тематическом, концептуальном, идейном и профессиональном отношении статей позволяет журналу заинтересовать самых разных читателей, каждый из которых находит в нем что-то свое. Именно ваш журнал во многом удовлетворяет имеющийся сегодня в российском обществе большой интерес к тем процессам, которые происходят в Китае, Японии, Корее, странах Юго-Восточной Азии, в дальневосточных регионах Российской Федерации. Весьма важным для всех авторов и для академической общественности было сохранение параллельного издания журнала на английском языке. Это дает возможность нашим ученым донести свои идеи до иностранных коллег, а иностранным исследователям узнать о наших работах.

В прошедшие полтора десятка лет ваш журнал сыграл особенно важную роль в преодолении кризиса отечественной гуманитарной науки, который затронул и ориенталистику. Вам удалось совместить поиски новых идей и новой методологии с бережным сохранением лучших традиций нашего востоковедения. Все это способствовало выработке новых подходов к осмыслению политических, социально-экономических и культурных проблем стран Дальнего Востока в российской науке.

Нынешний юбилей коллектив сотрудников журнала встречает в год проведения в нашей стране "Года Китая", который придает важнейшему направлению работы журнала — изучению различных аспектов истории и современного развития нашего великого соседа — особую значимость. Ваш журнал внес и, как мы уверены, будет и дальше вносить большой вклад в китайско-ведческие исследования в России и других странах СНГ, в укрепление гуманистических традиций отечественного востоковедения, в сближение народов.

Как известно, Конфуций "в тридцать лет встал на ноги, в сорок лет освободился от сомнений". Мы желаем вашему прочно стоящему на ногах изданию уверенно идти вперед. Дирекция ИСАА от имени преподавателей и сотрудников института рада поздравить вас с тридцатипятилетием и пожелать дальнейших успехов!

*Директор ИСАА при МГУ,
доктор исторических наук, профессор*

М.С. Мейер

Директору
Института Дальнего Востока РАН
академику М.Л. Титаренко

Главному редактору
журнала "Проблемы Дальнего Востока",
доктору экономических наук
В.Я. Портякову

Глубокоуважаемые Михаил Леонтьевич и Владимир Яковлевич!

Примите наши сердечные поздравления с юбилеем журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Ваш журнал — единственный в нашей стране, который специализируется на проблемах столь важного региона, и один из немногих, дающий своему читателю объективную и квалифицированную информацию о нем. Особое значение имеет все то, что журнал сообщает о современном положении дел в регионе. Все это делает Ваш журнал совершенно необходимым нашим преподавателям и студентам, он активно используется в учебном процессе и наряду с другими самыми востребованными изданиями находится на открытой полке факультетской библиотеки, но спрос нередко превышает предложение и читателям приходится ждать своей очереди.

Высокий авторитет журнала — результат большой и целеустремленной работы руководства Института и коллектива редакции. Добиться этого в наше непростое время было, конечно, нелегко, но Вы успешно справились с трудностями, преодолели все препоны, и это вызывает чувство глубокого уважения к создателям журнала и хранителям его традиций. 35 лет — немалый срок, а если учесть, на какое время они пришились, то можно лишь удивляться Вашей стойкости и мужеству.

Ваш журнал отвечает самым высоким требованиям, и в основном он нас вполне удовлетворяет. Но некоторые соображения по поводу его содержания мы хотели бы все же высказать, хорошо понимая, что Ваши возможности не беспредельны.

Прежде всего, нам кажется, что Ваш журнал давно перестал быть ведомственным, это издание национальное и ориентировано оно на проблематику, имеющую для нашей страны первостепенное значение. Журнала, аналогичного Вашему, в России сейчас просто нет. Этот статус, очевидно, требует определенной корректировки и содержания журнала, и работы над ним.

Было бы, например, полезно давать какую-то информацию о наиболее значимых новейших работах отечественных и зарубежных специалистов по региону, помещать рецензии на них. Была бы полезна и информация об изданиях Института Дальнего Востока, в том числе и издающихся у Вас бюллетенях, экспресс-информации и других публикациях, не поступающих в широкую продажу. Интерес для читателей могли бы представить дискуссии на страницах журнала по некоторым принципиальным вопросам жизни региона.

Сейчас в стране складывается довольно непростая ситуация с притоком в востоковедение молодых кадров, и на наш взгляд, было бы полезно отвести для работ начинающих востоковедов специальный раздел. Это тем более важно, что сейчас проблема публикаций становится трудно преодолимым барьером на пути защиты кандидатской диссертации.

В Дальневосточном регионе сложилась китайская цивилизация — единственная из древних цивилизаций, сохранившая свои ценности до наших дней и

оказавшая глубокое воздействие на весь регион. Думается, что эта проблематика заслуживает большего внимания журнала, это привлечет новых читателей.

Надеемся, что высказанные здесь предложения покажутся Вам интересными, и Вы сможете использовать их в своей работе.

В заключение еще раз поздравляем Вас с 35-летием и желаем новых больших успехов на Вашем нелегком пути.

*Декан Восточного факультета СПбГУ
доктор исторических наук, профессор*

Е.И.Зеленев

Уважаемые коллеги!

От всей души поздравляю вас с годовщиной! Для всех тех, кто интересуется тенденциями международного развития, журнал «Проблемы Дальнего Востока» является настоящим путеводителем по этому бесконечно интересному и многообразному региону. Сегодня к нему приковано внимание всего мира, Азия стремительно наращивает свое присутствие в глобальной экономике и политике. Именно поэтому жизненно необходим компетентный анализ происходящего в этой части света, растет потребность в глубоком понимании идущих там процессов.

Ваше издание — признанный флагман не только российской, но и мировой науки, не случайно ваши материалы читают во всех уголках планеты. Нам, молодому журналу, остается только учиться, глядя на вас, перенимать ваш богатый опыт и стремиться к тому, чтобы когда-нибудь достичь того же уровня авторитетности и влияния.

С глубоким уважением,

*Главный редактор журнала
«Россия в глобальной политике»*

Федор Лукьянов

Редакционному коллективу журнала
«Проблемы Дальнего Востока»

Уважаемая редакция!

Поздравляю Вас со знаменательной датой — 35-летием со дня выхода первого номера журнала.

На протяжении последних лет наша компания является издателем англоязычной версии журнала «Проблемы Дальнего Востока» — журнала «Far Eastern Affairs». За рубежом Ваш журнал считается одним из лучших изданий, анализирующих проблемы сегодняшнего Азиатско-Тихоокеанского региона, истории и культуры его стран и народов.

Я надеюсь, что приобретенный с годами опыт и авторитет позволит «Проблемам Дальнего Востока» стать еще более популярным изданием и завоевать новых читателей как в России, так и в других странах.

Желаю Вам новых творческих успехов в Вашей работе.

С уважением,

Президент компании «East View Information Services»

Кеит Д. Лу

Документы

Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Индии, России и Китая

Трехсторонняя встреча министров иностранных дел Республики Индии, Российской Федерации и Китайской Народной Республики состоялась 14 февраля 2007 г. в Нью-Дели.

Министры отметили, что механизм трехсторонних встреч свидетельствует об укреплении взаимопонимания и доверия в отношениях между тремя странами и положительно оценили итоги своих встреч. Они согласились с тем, что трехсторонняя встреча на высшем уровне, прошедшая 17 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге параллельно с саммитом «Группы восьми», продемонстрировала готовность трех сторон продолжать консультации по вопросам, представляющим общий интерес, на высшем политическом уровне для содействия достижению целей трех стран в области развития, а также обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе и во всем мире. Они подтвердили, что трехстороннее сотрудничество не направлено против интересов какой-либо другой страны, а наоборот, призвано способствовать международному согласию и взаимопониманию и выработке общих позиций с учетом различных интересов. Они также подчеркнули решительную приверженность Индии, России и Китая многосторонней дипломатии.

Министры обсудили политические, экономические и связанные с безопасностью аспекты современного мирового положения, также обменявшись мнениями относительно того, каким образом международные отношения поддерживаются в настоящее время. Они отметили, что глобализация открывает возможности для более равномерного распределения в мире ресурсов для развития и влияния, создавая тем самым фундамент для более стабильной и сбалансированной международной системы. Они также подчеркнули необходимость сохранения в современном мире разнообразия культур и цивилизаций, а также поощрения реализуемых в настоящее время инициатив, направленных на налаживание диалога между цивилизациями и религиями. Они выразили убеждение в том, что демократизация международных отношений – это залог формирования все более многополярного мирового порядка, который будет основываться на принципах равенства наций, больших и малых, уважения суверенитета и территориальной целостности стран, международного права и взаимного уважения. Министры отметили, что Организация Объединенных Наций является подходящим инструментом для продвижения и установления такого мирового порядка.

Стороны подчеркнули важность реформ в Организации Объединенных Наций, в том числе в Совете Безопасности, для более эффективного реагирования на множество вызовов современного мира. Они сошлись во мнении о том, что государства-члены должны стремиться к тому, чтобы Организация Объединенных Наций стала более открытым и действенным учреждением, от-

ражающим современные реалии. Стороны договорились предпринимать шаги в этом направлении. В этом контексте министры иностранных дел Китая и России подтвердили, что их страны придают большое значение статусу Индии в международных делах и с пониманием и поддержкой относятся к стремлению Индии играть более важную роль в Организации Объединенных Наций.

Министры отметили, что международный терроризм по-прежнему представляет серьезную угрозу для всех стран, и выразили обеспокоенность по поводу новых и новейших форм, которые принимает эта угроза. Они согласились, что при сохранении центральной координирующей роли ООН и в рамках Глобальной стратегии борьбы с терроризмом необходимо еще более укрепить коллективные действия с учетом тех мутаций, которые претерпевают терроризм и террористические сети. Они согласились также в том, что скорейшее вступление в силу Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма, а также принятие Организацией Объединенных Наций в возможно кратчайшие сроки предложенного Индией проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме приведут к дальнейшему упрочению международно-правовой базы для борьбы с терроризмом. Стороны подчеркнули, что региональные организации обладают значительным потенциалом сотрудничества в области борьбы с терроризмом. Они согласились с тем, что актам терроризма не может быть никаких оправданий, независимо от того, с какой целью, где и кем они совершаются. Они подчеркнули, что избирательные подходы в контртеррористической деятельности не могут дать надежных результатов и что с терроризмом необходимо бороться последовательно, планомерно и всесторонне, не допуская никаких двойных стандартов. Стороны договорились также координировать действия по устранению всех факторов, создающих питательную среду для международного терроризма, включая его финансирование, незаконный оборот наркотиков и транснациональную организованную преступность.

Министры согласились с тем, что Индия, Россия и Китай как страны с растущим весом на международной арене могут внести существенный позитивный вклад в дело мира, безопасности и стабильности на планете. В этой связи министры обменялись мнениями по ряду региональных и международных проблем, представляющих интерес. Они согласились с тем, что подходы к решению региональных и глобальных проблем должны основываться на сотрудничестве, а не на конфронтации. Приветствуя вступление Индии в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в качестве страны-наблюдателя, министры иностранных дел России и Китая заявили, что они будут активно содействовать скорейшей реализации такого вклада Индии в ШОС, который отвечал бы интересам всех.

Министры уделили особое внимание большому потенциалу трехстороннего сотрудничества и взаимодействия в экономической сфере.

Министры вновь заявили о существовании значительного потенциала для взаимовыгодного экономического взаимодействия между тремя странами в таких областях, как энергетика, транспортная инфраструктура, здравоохранение, высокие технологии, включая информационные технологии и биотехнологию. Отметив важную роль деловых и промышленных кругов в мощной и неуклонно растущей экономике трех стран, министры договорились о том, чтобы рекомендовать своим соответствующим высшим предпринимательским органам созвать трехсторонний форум представителей деловых кругов с учетом возможностей и потенциала трех стран. Министры договорились взять под контроль этот процесс, с тем чтобы встреча деловых кругов, по которой была достигнута договоренность, была проведена в течение 2007 г.

Министры выразили удовлетворение итогами трехсторонней встречи в Нью-Дели и договорились провести следующую встречу в Китае.

Нью-Дели

14 февраля 2007 года

Россия—Китай—Индия: продолжение научно- практического диалога

Уроки развития международной обстановки в 2005—2006 гг. и сотрудничество России, Китая и Индии

(Доклад на 6-й трехсторонней конференции ученых
России, Китая, Индии, г. Дели, 3—4 ноября 2006 г.)

© 2007

М. Титаренко

Константой общих приоритетов России, Китая и Индии на международной арене справедливо считается стремление к многополярности, неприятие политики односторонних действий, приверженность необходимости твердо следовать Уставу ООН и решениям ее Совета Безопасности, решительное отстаивание принципов международного права. Действия в этом направлении, нацеленные на установление рационального мирового порядка с учетом интересов как можно большего числа участников международного сообщества, на коллективистские начала при решении проблем, продолжают отличать внешнеполитический курс России, Китая и Индии и в ходе глобальных и региональных событий последнего времени.

Как с точки зрения упомянутых международных принципов развиваются такие события?

Нетрудно заметить, что сегодняшняя динамика международной обстановки во многом отражает те основные тенденции, которые сформировались (и продолжают формироваться) в период после ухода в прошлое прежней биполярной системы. Архитектура международных отношений по-прежнему переживает беспрецедентные по глубине перемены. Тенденции к многополярности мира и экономической глобализации развиваются противоречиво и непрямолинейно, процессы строительства нового международного порядка XXI в. проходят медленно и неравномерно. С каждым днем усиливаются взаимосвязи и взаимозависимость государств. С одной стороны, у человечества есть уникальные возможности для длительного, мирного и всеобъемлющего развития, с другой — оно стоит перед лицом сложнейших переплетающихся традицион-

ных проблем и нетрадиционных вызовов и угроз, перед необходимостью трудного поиска компромисса различных интересов.

В числе ключевых пунктов мировой повестки дня сегодня остаются проблемы борьбы с терроризмом, события на Ближнем Востоке и в Западной Азии в целом, включая обстановку в Ираке и Афганистане, ядерные проблемы Ирана и Корейского полуострова, вопросы энергетической безопасности.

Ирак: остановить спираль насилия

Сложный характер продолжает носить *обстановка в Ираке*. Нелегитимная с точки зрения основ международного права военная акция США и некоторых их союзников в этой стране, необходимость которой не была, к тому же, подкреплена достоверными аргументами, привела к тяжелым столкновениям внутри иракского общества, к созданию здесь благоприятной почвы для действий террористических сил. Локальные успехи в виде ликвидации отдельных лидеров терроризма и религиозного экстремизма не вносят решающего перелома. Платой за политику "насаждения демократии" как средства решения проблем по западному образцу уже стали жизни многих тысяч мирных граждан, серьезные потери несет и оккупационный контингент — число погибших военнослужащих США к середине октября 2006 г. превысило 2600 человек.

Бессмысленность утрат особенно очевидна на фоне тех целей, которые провозглашались инициаторами акции в Ираке — достижение в стране "мира и стабильности" и "устранение террористических угроз". Все это служит лишним уроком предостережения от действий, продиктованных лишь узкими эгоистическими интересами, уроком, который вновь подтверждает, что коллективным подходам, прежде всего в рамках механизмов ООН, нет разумной альтернативы. Именно на таких подходах вместе с другими авторитетными членами мирового сообщества, в частности с Германией и Францией, настаивали и продолжают настаивать Россия, Китай и Индия.

Есть определенные надежды, что эту важность начинают яснее понимать и наши американские партнеры. Сегодня практически у всех членов международного сообщества нет разночтений в представлении о том, что в Ираке следует как можно быстрее блокировать спираль насилия, восстановить суверенитет иракцев в своей стране. Другое дело, что заданные с самого начала в одностороннем порядке рамки политического урегулирования в Ираке, несмотря на свои существенные изъяны, не претерпели с тех пор существенных изменений. Этим объясняется положение, когда подавляющее большинство ведущих стран региона и мира не в состоянии реально влиять на ход событий, как бы им ни хотелось помочь выправить ситуацию. Не в последнюю очередь это касается Китая и Индии. Между тем, как подчеркивал российский министр иностранных дел С. Лавров, нет сомнений, что обе эти великие державы "будут готовы внести свой вклад в подлинно коллективные и равноправные усилия по урегулированию, скажем, в случае созыва международной конференции по Ираку, актуальность которой возрастает".

Уроки Ливана

Другим серьезным испытанием явилось резкое обострение *палестинско-израильского противостояния, которое привело к вооруженному конфликту в Южном Ливане*.

Результаты этого конфликта, как представляется, также свидетельствуют о том, что путь силы, в конечном счете — путь в политический тупик. Не случайно, после прекращения боевых действий и вывода войск Израиля из Ливана стороны, не добившись по сути никаких целей и, напротив, лишь усложнив противоречия, вернулись на исходные рубежи, когда руководство Израиля вновь заявило о своей приверженности плану "Дорожная карта" и готовности к встрече с палестинскими лидерами.

И Москва, и Пекин и Дели неоднократно демонстрировали свою приверженность обеспечению мира и стабильности в ближневосточном регионе и в пределах всех имеющихся возможностей действуют в этом направлении. В ходе контактов, в частности двусторонних встреч на высшем уровне, стороны регулярно “сверяют часы”, в том числе и по обстановке в этом взрывоопасном районе. Справедливое урегулирование арабо-израильского конфликта, говорится, к примеру, в Совместной российско-китайской декларации, подписанной в марте 2006 г. в Пекине, “возможно лишь переговорным путем на признанной международно-правовой основе, включающей соответствующие резолюции ООН, а также принцип “территории в обмен на мир”. Аналогичные принципы провозглашаются Индией. Как подчеркнул в разгар событий в Ливане в Обращении к индийскому парламенту премьер-министр М. Сингх, “на смену насилию в регионе безотлагательно должна прийти дипломатия, которой, чтобы быть успешной, необходимо иметь долговременный характер, учитывать законные интересы всех региональных сторон, вести к всеобъемлющему урегулированию путем переговоров”.

Три стороны занимают схожие позиции и по другим ключевым аспектам урегулирования — таким, в частности, как поддержка резолюции 1701 СБ ООН по Ливану от 11 августа 2006 г., уважение выбора палестинского народа и признание на этой основе легитимности пришедшего к рычагам власти в Палестине движения ХАМАС, и, одновременно, необходимость признания государства Израиль всеми участниками конфликта.

Дипломатические усилия каждой из трех стран вносят свой вклад в поиски регионального мира. Напомним лишь о некоторых из них.

Летом 2006 г. в Израиле, Палестине, Египте и Иордании с миротворческой миссией побывал специальный представитель КНР по ближневосточному урегулированию. В составе стабилизационных сил ООН в Ливане действует контингент военнослужащих КНР. По словам премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, его численность будет доведена до 1 тыс. человек, а китайская гуманитарная помощь Ливану превысит 5 млн долл.

С начала миротворческой операции ООН в Ливане в ней приняли участие индийские подразделения, которые уже к концу августа 2006 г. насчитывали свыше 770 человек. Тремя месяцами ранее в условиях прекращения западной помощи Индия в ответ на просьбу правительства ХАМАС выделила 2 млн долл. на оказание поддержки палестинскому населению. Пострадавшему от войны Ливану, в котором проживают до 12 тыс. индийских граждан, правительство Индии предоставило значительную финансовую помощь (также около 2 млн долл.).

В начале октября 2006 г. к работе в Ливане приступил саперный батальон вооруженных сил России, задачей которого стало возведение жизненно важных и ныне разрушенных мостов. Как член “четверки” международных посредников Россия регулярно ведет переговоры с конфликтующими сторонами. Поддерживая постоянный контакт с Израилем, весной 2006 г. Москва пригласила на переговоры представителей движения ХАМАС. Эта инициатива, поначалу с осторожностью встреченная в ряде западных стран, оказалась оправданной хотя бы потому, что до новых сил палестинских руководителей была доведена согласованная позиция международного сообщества, был запущен процесс вовлечения с трудом признаваемого движения в открытую политику, без чего, согласимся, сложно рассчитывать на итоговый переговорный успех. Не случайно есть определенные свидетельства, что в общественном и политическом мнении европейских стран, в США происходит переоценка фактора ХАМАС как объективной реальности. Конструктивный путь заключается в том, чтобы любые вопросы, возникающие к той или иной стране, тому или иному движению, решались через диалог, а не через изоляцию.

В сентябре 2006 г. министр иностранных дел России совершил очередное турне по странам региона, в ходе которого были проведены переговоры с лидерами Израиля, Палестины и других стран. Наиболее оптимальные пути

развязки ближневосточного узла Россия, учитывая сложное переплетение и взаимосвязь присущих региону проблем, видит в комплексном разрешении наиболее актуальных из них, включая палестинскую, ливанскую, сирийскую, с привлечением и с согласия всех заинтересованных сторон. Именно такое всеобъемлющее урегулирование в рамках представительной конференции, поэтапного форума под эгидой ООН, либо другой авторитетной структуры (например, Движения неприсоединения, о котором в этом качестве говорил премьер министр Индии 15 сентября 2006 г. на саммите неприсоединения в Гаване) могло бы поставить точку в конфликтах. Не последнюю роль в этом, возможно, сыграло бы и обращение, наконец, к потенциалу межцивилизационного согласия, взаимоуважительного диалога, отказа от конфронтации — тем принципам, которые в своей политике стремятся, в частности, отстаивать Россия, Китай и Индия.

Проблема Ирана: переговорное “нет” ядерному распространению

Острой международной темой остается и вопрос, связанный с *ядерной программой Ирана*.

Подходы России, Китая и Индии к данной проблеме, как в целом к отношениям с этой важной страной региона, также отличаются схожестью, общностью основных принципов. Каждую из трех стран связывают с Ираном отношения сотрудничества, продиктованные и экономическими интересами, и соображениями региональной безопасности. Россия участвует в строительстве атомной электростанции в Бушере, Китай получает из Ирана около 13% импортируемой нефти, немалые надежды в связи иранскими нефтегазовыми месторождениями питает Индия. Иран — страна-наблюдатель в Шанхайской организации сотрудничества.

Суть общих моментов в подходе трех стран к иранской теме в ее сегодняшнем звучании укладывается в краткую формулу — режим ядерного нераспространения подлежит дальнейшему укреплению; урегулирование вокруг ядерной проблемы Ирана должно осуществляться мирными, политико-дипломатическими средствами. Именно об этом идет, в частности, речь в упоминавшейся уже российско-китайской декларации, подписанной 21 марта 2006 г. в ходе визита Президента РФ В. Путина в Пекин, в которой отмечается намерение России и Китая продолжать взаимодействие в данном направлении.

Аналогичным образом на встрече с вице-президентом Ирана А. Саидлу, состоявшейся в сентябре 2006 г. в рамках заседания глав правительств стран ШОС в Душанбе, высказался премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао.

Таковую же позицию демонстрирует и правительство Индии. В ходе визита в Индию летом 2006 г. заместителя главы иранского МИД по вопросам АТР индийская сторона, выразив готовность к дальнейшему углублению и расширению сотрудничества с Ираном, твердо высказалась за необходимость мирного урегулирования противостояния Ирана с Западом, а также соблюдения принципов Договора о нераспространении ядерного оружия.

Российская дипломатия прилагала и прилагает немалые усилия к тому, чтобы иранская ядерная тема не оказалась в политическом тупике. Хорошо известна инициатива Москвы по совместному с Ираном обогащению урана с соблюдением всех международных норм на территории России, двери для ее реализации открыты и сегодня. Россия настояла на подписании с Ираном дополнительного протокола по возврату отработанного ядерного топлива с АЭС в Бушере, что является дополнительной гарантией соблюдения режима нераспространения. Кстати, не будет преувеличением сказать, что именно такое качество российско-иранского сотрудничества в ядерной области является существенным ограничителем, который сдерживает выход Ирана за рамки определенного режима.

Принятая 31 июля 2006 г. резолюция 1696 СБ ООН по Ирану содержит предложение о возможности рассмотреть меры экономического воздействия на Иран, как это предусмотрено статьей 41 Устава ООН, в случае отсутствия прогресса в усилиях по возобновлению переговоров с Тегераном. В России ис-

ходят из того, что с применением положений этой статьи требуется особая деликатность и терпение, не говоря уже о статье 42, предусматривающей применение силы, на которой настаивают американские представители в ООН. Сходными в этом смысле выглядят китайские и индийские подходы. Резкие, порой, высказывания иранских лидеров выглядят контрпродуктивно. Но столь же контрпродуктивным был бы разговор с Тегераном на языке ультиматумов. Хотя, разумеется, без накопления элементов ответного конструктивизма с иранской стороны здесь не обойтись.

Немалая роль принадлежит и единству действий международного сообщества, чему не всегда способствуют некоторые импульсивные акции. Так, в августе 2006 г. Вашингтон, ранее уже объявивший о санкциях за сотрудничество с Ираном против двух российских компаний — “Рособоронэкспорт” и компании “Сухой” — ввел такие же санкции в отношении фирм еще ряда стран, в том числе Индии, в результате чего в “черном списке” оказались две крупные индийские химические компании (Balaji Amines Ltd. и Prachi Poly Products Ltd.). Санкции означают, как известно, отказ США заключать какие-либо сделки с указанными фирмами и вступать с ними в какие-либо отношения. Заметим, что МИД РФ уже выразил несогласие с действиями американской стороны, подчеркнув, что российские компании, осуществляющие военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами, действуют в строгом соответствии с нормами международного права и российского законодательства, включая обязательства России в сфере нераспространения и экспортного контроля.

Тем не менее, резервы мирного исхода не исчерпаны. В коренных интересах иранского народа — найти переговорное решение, в частности, — дать позитивный ответ в рамках переговорного процесса с “шестеркой” (Германия, Франция, США, Китай, Великобритания, Россия). С другой стороны, общая цель мирового сообщества — не допустить появления в Иране ядерного оружия. Тегеран неоднократно заявлял, что такой цели не ставит. Задача состоит в том, чтобы достоверно убедиться, что эти слова не расходятся с делом. Необходимо гарантированно определить, в том числе на основе докладов продолжающих свою работу в Иране инспекторов МАГАТЭ, насколько реальна угроза миру и безопасности, есть ли такая угроза? И лишь затем принимать взвешенные решения. Думается, что такие походы отвечают интересам как России, так и Китая и Индии. А скоординированные действия в этом русле — как в структурах ООН, так и в рамках ШОС — способны приблизить мирный выход из кризиса.

Корея, ШОС, проблемы энергетики

Столь же важным полем внешнеполитического взаимодействия, актуальным для регионального и глобального мира, является (сходная с иранской) *проблема безопасности на Корейском полуострове*.

К сожалению, события 9 октября 2006 г., когда КНДР, невзирая на предостережения международного сообщества, заявила “об успешном проведении подземного ядерного испытания”, серьезно осложнили решение этой проблемы, стержнем которой, так же как в случае с Ираном, является недопущение нарушений режима ядерного нераспространения.

В этот же день внешнеполитические ведомства трех стран выступили с осуждением действий КНДР. Как было подчеркнуто в заявлении МИД России, “подобный шаг, какими бы причинами он ни мотивировался, способен лишь привести к обострению существующих на Корейском полуострове проблем, чреват угрозой миру, безопасности и стабильности в регионе, подрывом режима ядерного нераспространения”. В заявлении содержится требование, чтобы “КНДР незамедлительно предприняла шаги по возвращению в режим Договора о нераспространении ядерного оружия и возобновлению шестисторонних переговоров”, говорится о намерении России с этих позиций выступать и в Со-

вете Безопасности ООН. МИД России призвал также все вовлеченные государства в нынешней непростой ситуации "проявлять сдержанность и выдержку".

Китайское правительство, самым решительным образом выступив против акции Пхеньяна, потребовало от КНДР "быть верной своим обещаниям обеспечить безъядерный статус Корейского полуострова, прекратить любые действия, которые могут привести к дальнейшему ухудшению ситуации" и "вернуться на путь шестисторонних переговоров".

"Мы крайне озабочены сообщением о ядерном испытании, проведенном в КНДР", подчеркивалось в заявлении официального представителя индийского МИД, который расценил этот шаг как нарушение международных обязательств КНДР, как действия, "несущие опасность миру, стабильности и безопасности" на полуострове и в регионе, как "угрозу" режиму нераспространения.

Акция КНДР 9 октября тем более достойна сожаления, поскольку в последнее время предпринималось немало усилий по поиску конструктивных решений. В приведенных заявлениях не случайно упоминается шестисторонний формат переговоров, который, как показала практика, по-прежнему является наиболее реальным путем выхода из тупика, решения ядерной проблемы полуострова. Россия и Китай как непосредственные субъекты этого процесса призывают всех участников проявлять терпение, гибкость, в конструктивном ключе продолжать продвигать шестисторонние переговоры с тем, чтобы, несмотря на серьезные осложнения, в конечном итоге реализовать цель денуклеаризации Корейского полуострова, разрешить проблемы, связанные с ядерной программой КНДР, поддержать мир и стабильность на полуострове и в регионе в целом.

Индия, которая стоит на схожих позициях и выступает за соблюдение положений Договора о ядерном нераспространении, также неоднократно продемонстрировала готовность внести свой вклад в решение проблемы.

Напомним при этом, что Россия и Китай, пытаясь обеспечить благоприятные условия для поиска позитивных решений и смягчить режим изоляции КНДР, неоднократно выступали сторонниками быстрой, неотложной помощи Северной Корее в преодолении переживаемого ею энергетического кризиса путем строительства нескольких линий электропередач из российского Приморья и китайского Ляонина до промышленных центров КНДР.

Ныне перспектива мирного, переговорного решения проблемы, недопущения дальнейшего роста напряженности в решающей степени зависит от политической выдержки стран-участниц процесса, от разумного и позитивного ответа КНДР на справедливые требования международного сообщества. Важно предотвратить приведение обстановки к опасной конфронтации. Ведь, помимо прочего, худшим развитием событий был бы вариант "принципа домино", распространение кризиса в северокорейском вопросе и на подходы к решению иранской ядерной проблемы.

Говоря о перспективах сотрудничества трех стран, нельзя хотя бы кратко не остановиться на теме ШОС. Эта организация, отметившая в 2006 г. свое пятилетие, стала самобытным фактором международных отношений. Она обладает значительными возможностями в деле эффективного противодействия новым вызовам и угрозам, имеющим трансграничный характер. Вот почему Россия, Китай, а также Индия, получившая в организации статус наблюдателя, предпринимают активные усилия с тем, чтобы практическое сотрудничество в рамках ШОС в сфере безопасности, экономики и других областях непрерывно углублялось и развивалось. Прошедший в июне 2006 г. юбилейный саммит ШОС в Шанхае придал новый импульс дальнейшему укреплению и развитию организации в соответствии с задачами и принципами, заложенными государствами-учредителями в Хартии ШОС. По мнению участников саммита, он прошел с полным успехом, ознаменовав вступление организации в новый этап развития. Особое внимание обращено на достижение договоренностей по конкретным проектам сотрудничества в сферах экономики, борьбы с терроризмом, а также на активизацию форм и методов расширения взаимодействия го-

сударств-членов ШОС на международной арене. Как подчеркивалось в Совместном коммюнике по итогам саммита, ШОС будет активно использовать такие формы и методы “для проведения консультаций на регулярной основе с государствами-наблюдателями при ШОС”. Это в полной мере относится, в частности, к созданной и начавшей свою работу Контактной группе ШОС—Афганистан и, конечно — в числе других стран-наблюдателей — к Индии.

Наконец, нельзя обойти молчанием и состоявшийся в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге саммит “Большой восьмерки”, в числе гостей которого были руководители Китая и Индии. Саммит в числе главных вопросов рассмотрел, как известно, вопросы *глобальной энергетической безопасности*. Россия как страна-учредитель этого саммита вынесла эти вопросы в центр повестки дня. Ведь сегодня устойчивое энергоснабжение — это одно из условий международной стабильности в целом, а сбалансированное энергоснабжение — по сути один из факторов глобальной безопасности. В этой связи Россия выступает за объединение всех усилий мирового сообщества для солидарного решения энергетических задач. Прежде всего, речь идет, во-первых, о надежном обеспечении мировой экономики традиционными видами топлива, причем на условиях, приемлемых как для государств-производителей, так и для потребителей, а во-вторых — о диверсификации путей и источников, а также безопасности энергоснабжения. Не будет лишним в данной связи напомнить, что сотрудничество в энергетической сфере справедливо считается одним из наиболее перспективных направлений экономического взаимодействия России, Китая и Индии.

* * *

Однако саммит в Санкт-Петербурге помимо ряда важных обсуждений был ознаменован еще одним важным событием, особенно значимым для нашей аудитории — *первые трехсторонняя встреча в формате “Россия—Китай—Индия” состоялась на высшем уровне*. В ходе встречи Председатель КНР, Президент России и Премьер-министр Индии были едины в позитивной оценке трехстороннего сотрудничества. Как отмечалось во время обмена мнениями, укрепление такого сотрудничества служит решению мировых и региональных проблем и делу углубления дружественных отношений, способно внести свой вклад в обеспечение мира и стабильности в АТР и на планете в целом, стимулирует экономическое развитие трех стран. Председатель КНР призвал полностью использовать механизм встреч руководителей внешнеполитических ведомств трех стран для продвижения делового сотрудничества по всем направлениям, активизировать координацию позиций по международным и региональным проблемам. По словам Премьер-министра Индии, стороны уделили особое внимание перспективам трехстороннего взаимодействия в ряде экономических сфер, включая энергетику, гражданскую авиацию, биотехнологии, информационные технологии, фармацевтику и финансы.

Выход трехстороннего диалога на высший уровень, внимание проявляемое к совершенствованию механизма сотрудничества, обещает ему хорошие перспективы. Дело — за исполнительными структурами. А ученые-страноведы готовы и впредь работать над дальнейшим выявлением стимулов, определенным взаимовыгодных ориентиров такого сотрудничества.

Транспортные маршруты в Азии: значение для России, Китая и Индии

© 2007

С. Уянаев

Многие из вариантов экономического взаимодействия государств так или иначе связаны с проблемами транспортных маршрутов и способов транспортировки. Доставка товаров и грузов является неотъемлемым компонентом международной торговли и товарообмена, отдельный комплекс вопросов связан с тарифами за транзит, если такая доставка осуществляется через территории третьих стран. Проблема транспортных маршрутов может иметь и стратегическую составляющую — как с собственно экономической, так и военно-политической точек зрения.

Важные транспортные артерии, идет ли речь о железнодорожных, шоссейных или трубопроводных путях — это зачастую мощный рычаг экономического подъема прилегающих территорий, катализатор развития здесь производственной и социальной инфраструктуры. Как правило, пути транспортировки, относимые к категории наиболее важных и значимых — это маршруты, которые пересекают границы многих государств и имеют межрегиональный характер. Не случайно, легендарную окраску имеют история Великого шелкового пути, древний путь с севера на юг Европейской части современной России, известный как путь "из варяг в греки". В XX в. стала знаменитой Транссибирская магистраль. Экзотическую славу приобрел маршрут так называемого "Восточного экспресса" Париж — Стамбул.

Значение таких путей трудно переоценить, ибо помимо всего прочего они являются важнейшим фактором международного общения.

Говоря о сегодняшних транспортных маршрутах в Евразии — прежде всего тех, которые могут иметь значение для России, Китая и Индии — не трудно заметить, что специалисты анализируют в первую очередь трансконтинентальные пути транспортировки между Европейским союзом и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Это не удивительно, поскольку экономическое значение этих центров, особенно стремительно растущего АТР, хорошо известно. Очевиден и рост объемов товарооборота между этими центрами.

Обращает на себя внимание и другое: различные варианты активизации, модернизации и обновления транспортных маршрутов "Европа — АТР" так или иначе формируются вдоль уже хорошо известных исторических путей. Помимо Транссиба — это маршруты с Восточного побережья Китая, из других стран Северо-Восточной Азии в районы Центральной Азии, с дальнейшими вариантами прохождения в Европу и обратно либо через Кавказ и Россию, либо — через Иран, Турцию, Балканы. Совсем не случайно маршруты этого направления — как автомобильные, так и железнодорожные — называют "Новым Шелковым путем".

Самостоятельное значение все более приобретает развитие дорожно-транспортной инфраструктуры, связанной с Ираном. Являясь одним из ключевых

звеньев “южного варианта” нового Шелкового пути, который в том числе ориентирован и на Индию, Иран ищет пути диверсификации. В 2002 г. вместе с Россией и Индией Иран подписал соглашение о транспортном коридоре “Север — Юг”, задачей которого является активизация транспортных связей в меридиальном направлении, в частности, между Западной Азией и Северной Европой.

Можно выделить и другие межрегиональные маршруты, которые являются предметом внимания специалистов — с юго-востока Китая в направлении стран Юго-Восточной Азии, проекты дорог из ЮВА в Индию, развитие ряда центрально-азиатских маршрутов. Важно, что наряду с маршрутами автомобильных и железных дорог, речь часто идет и о трубопроводных линиях.

Старые и новые маршруты

Остановимся на главных моментах, связанных с упомянутыми маршрутами.

Как хорошо известно, на протяжении практически всего прошлого столетия единственным сухопутным путем, связывавшим Европу с Восточной Азией, являлась Транссибирская магистраль, которая вошла в строй в 1916 г. и по сей день является самым протяженным железнодорожным путем в мире. Значение Транссиба по-прежнему трудно переоценить. Не случайно президент РФ еще несколько лет назад в своем выступлении на деловом саммите АТЭС в Шанхае отметил, что дальнейшее развитие связанной с Транссибом железнодорожной инфраструктуры “позволит сделать качественный шаг в развитии транспортной системы в Азиатско-тихоокеанском регионе”. В.В. Путин подчеркнул также готовность России “подумать и над участием в транспортных проектах, предусматривающих строительство железных и автомобильных дорог из Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии в Европу”¹.

Вместе с тем не секрет, что Транссибирская магистраль уже не один год действует с большими нагрузками. Вот почему на повестке дня — серьезная работа по реконструкции и расширению возможностей этого давно опробованного и надежного маршрута. Здесь остро стоит проблема внедрения современных управленческих методов, прежде всего логистики.

Понимая значение этой магистрали, Россия разрабатывает соответствующую стратегию развития. Руководство головной структуры, управляющей железными дорогами страны — компании “Российские железные дороги”, неоднократно подчеркивало, что важной составной частью этой стратегии являются проблемы транзита, предоставление странам АТР, а в особенности северо-восточным районам Китая, возможности транспортировки грузов через Россию в Европу. Как отмечал президент компании Владимир Якунин, по данной теме регулярно ведутся переговоры с партнерами компании в странах АТР, идет работа по созданию транспортно-логистической компании, специально ориентированной на вопросы транзита².

Все это означает, что возможности Транссиба, несмотря на трудности, далеко не исчерпаны. Хороший тому пример — рост в последние годы железнодорожных поставок нефти в Китай, объем которых в 2006 г. был ориентирован на цифру 15 млн тонн. В немалой степени это стало результатом работы по совершенствованию необходимой инфраструктуры и серьезных капиталовложений.

Что касается других трансконтинентальных маршрутов, то напомним, что в 1993 г. Европейский Союз выступил с инициативой создания Транспортного коридора Запад — Восток через Кавказ, Черное и Каспийское моря в Центральную Азию — *проект ТРАСЕСА*. Известно, что уже к 2002 г. ЕС вложил в развитие программы более 100 млн евро, причем более половины в виде грантов странам-участникам³.

Параллельно шло возрождение маршрутов древнего Шелкового пути. Об этом, кстати, речь шла еще во времена СССР, когда в 1954 г. между Москвой и Пекином было подписано соглашение о строительстве железной дороги,

которая пересекала бы советско-китайскую границу в районе казахского пункта Дружба. Свой участок СССР построил к 1965 г. В Китае строительство было отложено, но в 1990 г. стыковка состоялась: был построен участок между Дружбой и китайским городом Алашанькоу. В результате внутренние дороги Китая и Центральной Азии де-факто соединились в единую сеть.

Наряду с этим совершенствуется дорожная сеть в Западном Китае по линии так называемой "средней дороги" древнего Шелкового пути. Продвигаются варианты и других, еще более коротких путей из Китая в страны Центральной Азии — путем стыковки китайских и киргизских железных дорог в районе перевалов Торугарт или Иркештам с дальнейшим выходом либо на узбекские Андижан и Ташкент, либо — на дороги Казахстана⁴.

Взгляд из России

Очевидно, что перечисленные маршруты означают более широкий выбор трансконтинентальных путей перевозок, открывают дополнительные возможности развития для экономического сотрудничества КНР со странами Центральной Азии, способствуют развитию прилегающих к дорогам регионов, содержат хороший потенциал для развития транспортно-экономической инфраструктуры в рамках всех стран Шанхайской организации сотрудничества.

Разумеется, оптимальным путем использования таких возможностей был бы максимальный учет интересов всех вовлеченных сторон.

В чем здесь видятся интересы России? Россия заинтересована в сохранении и упрочении своих традиционных исторических связей с государствами региона, а значит — и в развитии такой важной сферы как транспортное сотрудничество. Кроме того, полновесное участие России в формировании региональной транспортной инфраструктуры прямо связано с ее экономическими интересами. Ведь для России совсем не безразличен вопрос транзита: каким путем будут двигаться в Европу и обратно грузы из стран Центральной Азии и транзитные товары из Китая и других государств Восточной Азии?

Вот почему правительство РФ уделяет большое внимание интеграции транспортной инфраструктуры России в межконтинентальные интеграционные связи. Еще в мае 1999 г. министерство транспорта России на конференции "Проблемы развития транспортного моста Европа - Азия" выдвинуло свою альтернативу "южному" (ирано-турецко-балканскому) варианту нового Шелкового пути. Был предложен маршрут Ташкент — Москва — Брест. Этот маршрут имеет развитую инфраструктуру, ускоряет продвижение за счет пересечения меньшего числа государственных границ.

Интересен в этой связи анализ, сделанный российскими специалистами, которые сравнили три транспортных маршрута (российский, TRACECA и иранский) из центров трех центрально-азиатских стран (Алма-Ата, Ташкент, Ашхабад) во Франкфурт-на-Майне в Германии.

В то время, как TRACECA и так называемый "иранский маршрут" во всех трех случаях практически повторили друг друга по времени, российский маршрут по сроку прохождения оказался короче обоих альтернативных — из Алма-Аты и Ташкента почти вдвое, из Ашхабада — на 10—20%. При этом из Алма-Аты и Ташкента путь через Россию является и более коротким по расстоянию⁵.

Тем не менее, для того, чтобы тот или иной маршрут транспортного моста действительно стал наиболее привлекательным, сегодня требуется учет самых разных факторов, а значит — требуется и большая работа. Как свидетельствуют специалисты, ныне приоритет принадлежит интермодальным контейнерным перевозкам, когда на маршруте используются разные виды транспорта, а грузовладельцу гарантируется контейнерная доставка товаров "от двери до двери". В этих целях все шире применяются смешанные автомобильно-железнодорожные перевозки, платформы для автопоездов. Столь же важны вопросы совершенствования технологии таможенного оформления, информа-

ционного обеспечения. Все эти проблемы транспортные специалисты России имеют в виду, когда ставят перед собой задачу быть конкурентоспособными на рынке азиатско-европейского транзита.

Возможности сотрудничества

Имеет смысл коротко остановиться на вопросах двустороннего транспортного сотрудничества между Россией, Китаем и Индией.

Как и в России, в Китае и Индии хорошо осознают важность транспортной инфраструктуры. Ведется масштабное строительство — как внутреннего характера, так и с расчетом на международные перевозки.

В КНР к 2020 г. общая протяженность железных дорог достигнет 100 тыс. км, половина из них будет электрифицирована. Общая протяженность шоссейных скоростных дорог составляет сегодня 40 тыс. км, что является вторым показателем в мире. Через 60 КПП проложено 140 международных автомобильных линий, заключено 10 транспортных соглашений с сопредельными странами⁶. Регулярно заседает российско-китайская подкомиссия по вопросам транспорта. В числе ее приоритетов — обеспечение растущего потока железнодорожной перевозки в КНР российской нефти — около 8 млн тонн в 2005 г. и, как отмечалось выше, предположительно 15 млн тонн — в 2006 г. В этих целях вкладываются серьезные средства в модернизацию путей и оборудования — прежде всего в районах трансграничных переходов Забайкальск — Маньжоули и Гродеково — Суйфэньхэ. В разной стадии реализации находятся проекты трех мостов через пограничный Амур — в Читинской и Еврейской автономной областях. Открыто движение по автотрассам Харбин — Владивосток, Муданцзян — Уссурийск. На этапе разработки и изучения находится важный проект автодороги через перевал Канас на западном участке границы, которая связала бы китайский Синьцзян и российский Алтайский край⁷.

В Индии протяженность железных дорог составляет свыше 63 тыс. км. Это второе место в мире. Дели активно налаживает международные транспортные связи. Не случайно в октябре 2005 г. именно в Индии прошло заседание Исполкома Международного союза железнодорожников. В рамках коридора “Север — Юг”, где предстоит решать еще немало проблем, Индия сотрудничает с Россией и Ираном. Некоторые проекты реализуются непосредственно с Ираном. Обсуждается вопрос строительства трансрегиональной железной дороги от Индии до Вьетнама, ведется работа над проектом, связанным с реконструкцией построенной еще более 60 лет назад автотрассы из китайской провинции Юньнань через Бирму в Индию⁸.

Важное событие — как для расширения двустороннего сообщения, так для развития китайско-индийских торговых связей произошло в июле 2006 г. После более чем 40-летнего перерыва возобновлено движение по высокогорному (свыше 4700 м) пограничному переходу Нату-Ла между Тибетским автономным районом Китая и Индией, на который в свое время приходилось до 80% оборота двусторонней пограничной торговли. После достижения соответствующего соглашения в ходе визита в 2003 г. Китай премьер-министра Индии стороны провели значительные работы по совершенствованию дорожной сети по обеим сторонам границы. Ожидается, что это событие окажет влияние не только на приграничную торговлю, но и на развитие прилегающих регионов двух стран. По оценкам объем торговли через Нату-Ла к 2015 г. может составить около 3 млрд долл. Параллельно в Индии и Китае рассматриваются варианты прокладки современных шоссейных и железных дорог по высокогорным путям древних караванов⁹.

Таким образом, развитие внутренних и значительного числа межрегиональных транспортных маршрутов (Транссиб, “Север — Юг”, возрождающийся Шелковый путь, дороги между Южной и Юго-Восточной Азией) представляет немалые потенциальные возможности для взаимовыгодной международной кооперации, в том числе — между Россией, Китаем и Индией. Не случайно сфера транспорта была названа одной из перспективных областей трехсто-

ронного сотрудничества в совместном коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел трех стран летом 2005 г. во Владивостоке. Элементы такого сотрудничества уже имеются, причем конкретные проекты могут быть связаны не только с дорогами, непосредственно соединяющими те или иные территории России, Китая и Индии, но и с совместным инвестированием дорожно-транспортного строительства в более широких рамках. Примером является интерес, проявляемый Китаем к строительству скоростной железнодорожной трассы Москва — Санкт — Петербург, к сооружению портового терминала в порту г. Мурманска¹⁰.

Важным направлением могло бы стать и сотрудничество по обеспечению безопасности коммуникаций, прежде всего, жизненно важных морских, речных, а также сухопутных путей, проходящих за пределами национальных территорий.

Тем не менее, особое значение в контексте трехстороннего транспортно-сотрудничества может иметь тема, которая уже неоднократно являлась предметом внимания экспертного сообщества, а именно — взаимодействие в области трубопроводного транспорта.

Совместный трубопровод

Напомним некоторые цифры и факты в качестве общего фона этой проблемы.

По средневзвешенным оценкам через 10-15 лет экономики Китая и Индии будут нуждаться в дополнительных (в сравнении с нынешним уровнем) объемах импорта нефти, которые оцениваются соответственно в 100-120 и 70-90 млн тонн ежегодно. Аналогично выглядят и перспективные потребности в импорте дополнительных объемов природного газа — порядка 50-60 млрд куб. м для КНР и свыше 80 млрд куб. м — для Индии. В то же время Россия в рамках своих возможностей по добыче и планов по диверсификации маршрутов экспорта углеводородов планирует предложить на рынки объемы, в значительной мере покрывающие эти потребности — к 2020 г. не менее 80 млн т нефти и 120—130 млрд куб. м газа. Такая взаимодополняемость рассматривается как базовая основа трехстороннего энергетического сотрудничества и служит толчком к поиску взаимодействия, в том числе — и по вопросу транспортировки¹¹.

Вот почему проблема создания и последующей эффективной совместной эксплуатации *региональной инфраструктуры транспортировки углеводородов, в которой приняли бы участие и Россия, и Китай, и Индия*, уже несколько лет рассматривается специалистами — как минимум в качестве определенной теоретической перспективы.

Сегодня эта тема, похоже, способна получить новый импульс. По крайней мере, если судить по высказываниям некоторых индийских экспертов, мартовские (2006 г.) российско-китайские договоренности, которые предусматривают начало непосредственных работ по сооружению первого участка нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) с ответвлением на Китай, а также сооружение к 2011 г. первой, а затем и второй газовой линии из Сибири в КНР, вызвали в Индии немалый резонанс. *“Российско-китайское энергетическое сотрудничество в энергетике побуждают Индию к самым серьезным выводам”, — подчеркивал в своем комментарии видный дипломат (в недавнем прошлом посол Индии в Узбекистане и Турции) М.К. Бадракумар. Первый из них, по его мнению, состоит в том, что нефть и газ останутся главными источниками энергии, по меньшей мере, на ближайшие четверть века, второй — что их гарантированную транспортировку могут обеспечить прежде всего трубопроводы*¹².

Говоря о возможной трубопроводной системе Россия — Китай — Индия, индийские эксперты, которые, похоже, весьма основательно проработали транспортно-географические особенности юга Сибири, Алтая, юго-восточной части Центральной Азии, а также западных районов Китая, предлагают целый ряд маршрутов.

Согласно двум сходным в целом вариантам, линия прокладки может пройти из района Тюмени в общем направлении на юго-восток, затем (по одно-

му из них — через Казахстан (Дружба), по другому — близ Иссык-Куля в Кыргызстане) через границу КНР дойти до Кашгара. К этому же пункту, как к промежуточной точке в Индию, ведет другой предполагаемый маршрут, обходящий Центральную Азию по линии Томск—Барнаул—Рубцовск. Далее, из Кашгара любой из этих маршрутов должен пройти через наиболее сложный участок — Гималайские переходы. Здесь среди прочих, как наиболее реальные, предлагаются путь через Каракорумский переход и перевал Хардунг-Ла, а также линия вдоль существующего высокогорного шоссе через Аксайчин, соединяющего Синьцзян с Тибетом, с последующим прохождением вдоль местных дорог и троп (в обоих случаях) к индийскому пункту Лех.

Есть и общая разработка маршрутного варианта из Восточной Сибири через Монголию, с выходом на южные участки древнего Великого Шелкового пути к пунктам Шахидулах и Кхотан и далее в Индию. Имеются и проекты выхода в Индию через перевалы в Сиккиме¹³.

Конечно, сама принципиальная возможность реализации этого проекта обоснованно порождает целый ряд вопросов как общеполитического, так и технико-экономического порядка. Безусловно, важное слово здесь принадлежит специалистам, которые, в частности, должны будут учесть целый комплекс технологических и ценовых факторов. К слову сказать, успешный полный ввод в действие в июле 2006 г. самой высокогорной железной дороги в мире Цинхай-Тибет, некоторые участки которой минуют перевалы на уровне 5000 м, говорит о накоплении определенных возможностей такого строительства.

Вместе с тем, с точки зрения самых общих подходов, реализация проекта ВСТО с ответвлением на Китай и российско-китайских газопроводов, введение в строй китайско-казахстанского нефтепровода Аксай — Алашанькоу, к которому ныне “подключена” и российская нефть, способна внести в теоретическую проблему трубопровода “Россия — Китай — Индия” определенные новые акценты.

С учетом возможного увеличения российских поставок в КНР, теперь уже по трубопроводным маршрутам, определенное подкрепление, как представляется, способен получить выдвигающийся индийскими специалистами вариант, по которому Россия будет “перекачивать” в Китай специальную индийскую квоту, а Китай в равном объеме, получая оплату транзита, будет поставлять свои углеводороды в Индию из Таримского газо-нефтяного бассейна. При этом объемы таримской нефти могли бы и превзойти квоту из России. Излишки в таком случае компенсировались бы, к примеру, нефтью и газом, “заработанными” Индией в рамках проекта Сахалин — 1, которые по короткому маршруту поставлялись бы на промышленный Северо-Восток КНР, что может в итоге оказаться для Китая существенно выгоднее транспортировки туда своего синьзянского газа¹⁴.

Данный вариант реализации идеи о совместной трубопроводной структуре сокращает маршруты предполагаемой транспортировки, он ориентирован на использование уже действующих (либо строящихся) участков, хотя, и он, разумеется, вовсе не снимает с повестки дня необходимость строительства “трубы” через Каракорумский хребет и Гималаи. А это, как уже сказано, требует детальных технико-технологических расчетов и подтверждения экономической целесообразности.

Все перечисленное позволяют говорить о следующем. Интенсификация и диверсификация азиатских транспортных маршрутов наряду с внутренним транспортным строительством и ростом хозяйственных связей открывают широкие возможности для международного сотрудничества в области транспорта, а часто делают его и необходимым. Это в полной мере касается и сотрудничества в формате “Россия — Китай — Индия”. Формами такого сотрудничества могут быть проекты совместного дорожного и трубопроводного строительства, инвестиционные проекты, меры по обеспечению безопасности коммуникаций. При этом транспортное сотрудничество может служить катализатором общего развития экономических связей, а новые маршруты — мощным стимулом подъема прилегающих территорий.

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Деловом саммите АТЭС. — http://kremlin.ru/appears/2001/10/19/0000_type63377_28671.shtml
2. ИА Regnum. 2006. 28.2.
3. Подр. см. Телипко В. На обочине "Великого шелкового пути". — <http://www.analitika.org/article.php?story=20050421053015809>, 21.04.2005
4. Подр. см. Бессарабов Г., Собянин А. Об экономическом присутствии России в Западном Китае и Центральной Азии.— <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/624.html>(Великий шелковый путь как часть плана изоляции России. — <http://www.analitika.org/article.php?story=20050421050638811>, 21.04.2005.
5. Согласно данным, приведенным в вышеупомянутом материале В. Телипко, конкретные результаты анализа оказались следующими: **Из Алма-Аты: Российский маршрут.** Алмата — Черниговка — Орша — Польша — Франкфурт-на-Майне (расстояние 6 350 км, время в пути: 18 суток зимой, 13 суток летом). **TRASECA.** Алмата — Узбекистан — Туркменистан — Каспийское море — Азербайджан — Грузия — Черное море — Болгария — Румыния — Центральная Европа — Франкфурт-на-Майне (расстояние: 6 700 км, время в пути: 33,5 суток зимой, 26,5 суток летом). **Иранский маршрут.** Алмата — Узбекистан — Туркменистан — Иран — Трабзон [Турция] — Черное море — Болгария — Румыния — Центральная Европа — Франкфурт-на-Майне (расстояние 7 350 км, время в пути: 35 суток зимой, 25,5 суток летом). **Из Ташкента: Российский маршрут.** Ташкент — Казахстан — Черниговка — Орша — Польша — Франкфурт-на-Майне (расстояние: 5 700 км, время в пути: 16 суток зимой, 11,5 суток летом). **TRASECA.** Ташкент — Туркменистан — Каспийское море — Азербайджан — Грузия — Черное море — Болгария — Румыния — Центральная Европа — Франкфурт-на-Майне (расстояние: 5 900 км, время в пути: 29,5 суток зимой, 23,5 суток летом). **Иранский маршрут.** Ташкент — Туркменистан — Иран — Трабзон — Черное море — Болгария — Румыния — Центральная Европа — Франкфурт-на-Майне (расстояние: 6 250 км, время в пути: 30 суток зимой, 21,5 суток летом). **Из Ашхабада: Российский маршрут.** Ашхабад — Узбекистан — Казахстан — Россия — Беларусь — Польша — Франкфурт-на-Майне (расстояние: 7 100 км, время в пути: 19,5 суток зимой, 14,5 суток летом). **TRASECA.** Ашхабад — Каспийское море — Азербайджан — Грузия — Черное море — Болгария — Румыния — Центральная Европа — Франкфурт-на-Майне (расстояние: 4 800 км, время в пути: 24,5 суток зимой, 20 суток летом). **Иранский маршрут.** Ашхабад — Иран — Турция — Черное море — Болгария — Румыния — Центральная Европа — Франкфурт-на-Майне (расстояние: 5 050 км, время в пути: 24 суток зимой, 17 суток летом).
6. Синьхуа от 13.06.2005; 21.09.2005; Жэньминь жибао. 2006. 16.05.
7. По сообщениям информационных агентств РИА "Новости" от 30.09.2005; 21.03.2006; Синьхуа от 19.06.2006; ИА Regnum от 05.09. 2005, 12.04.2006, 15.08.2006.
8. По сообщениям интрнет-сайта www.economy.gov.ru от 07.09.2005; 27.10.2005; Синьхуа от 11.04.2005; 29.12.2005.
9. ИТАР-ТАСС от 16.07.2006. Подробнее см. также: Шицзе чжиши. 2006. № 15. С. 18—25.
10. ИА "Росбалт", 22.07.2005
11. Китай в мировой и региональной политике. М., 2006. С. 138—146.
12. Bhadrakumar M.K. India plays catch-up with China, Russia. — http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/HC28Df04, 14.04.06
13. Там же. См. также: Батра Р., Хетан А. Российско-китайско-индийское сотрудничество в энергетической сфере // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2-х т. М., 2004. Т. 1. С. 191—193.
14. http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/HC28Df04, 14.04.06

Региональные и глобальные ресурсы сотрудничества России, Индии, Китая в центрально-азиатском ракурсе

© 2007

С. Лузянин

1. Геополитический формат отношений трех стран. Транспортное и энергетическое сотрудничество — соперничество

В российско-индийско-китайском взаимодействии существует объективная геополитическая взаимодополняемость в Евразии. Для России, не имеющей с Индией общих границ, республика представляется одним из наиболее предпочтительных партнеров, с которым легко найти общий язык по глобальной и региональной (включая и центрально-азиатскую) проблематике. Россия и Индия имеют сходные либо близкие позиции по разрешению ближневосточного кризиса, иранской проблеме, Центральной Азии, Афганистану и другим вопросам. Дополнительными факторами евразийской дополняемости является желание обеих республик создать сеть новых энергетических и транспортных "коридоров", связывающих две страны на евразийском пространстве. Так, перспективным представляется участие России в проекте строительства газопровода Иран—Пакистан—Индия, причем, именно Индия была инициатором идеи российского участия. Известно также, что Индия готовит с Ираном новый транспортный проект, к которому должна подключиться и Россия: совместное строительство коридора "Север — Юг", который свяжет Азию и Европу и составит достойную конкуренцию коридору "Восток — Запад", построенному по инициативе США по "великому шелковому пути" через Баку, Тбилиси и Джейхан.

С другой стороны, в сфере энергетической безопасности существует определенная конкуренция, прежде всего между огромными потребителями энергоресурсов — Индией и Китаем. Данную дилемму можно условно представить как соперничество — сотрудничество двух стран. Так, Китай несколько опережает Индию в планировании своей энергетической безопасности. Как известно, с 2000 г. индийская компания Oil and Natural Gas Company инвестировала 5 млрд долларов в изыскания за рубежом. Однако это меньше, чем Китай. Китайская Национальная нефтяная корпорация (China National Petroleum Corporation) имеет заграничных инвестиций на сумму в 40 млрд долларов. Важно, что Пекин и Нью-Дели нашли способы кооперации. Фактически они сотрудничают в развитии месторождения нефти Яхаваран (Yahavaran) в Иране. Другой важный момент — статус наблюдателя Индии в Шанхайской организации сотрудничества, которая включает Китай, Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, и играет все большую роль в торговых делах.

Лузянин Сергей Геннадьевич, д.и.н., профессор, в.н.с. ИДВ РАН, заведующий восточным отделением магистратуры МГИМО (У) МИД РФ.

Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на 6-й трехсторонней конференции ученых России, Китая и Индии (Дели, 3 ноября 2006 г.), при содействии РГНФ, проект 06-03-02080а.

Нью-Дели ищет доступ к казахской нефти и газу, активно участвует в таких мегапроектах, как трубопроводы “Иран—Афганистан—Пакистан—Индия” и “Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия”. Но индо-пакистанское противостояние и проблемы безопасности делают эти проекты в конечном счете трудными для реализации. Индия углубила энергетическое сотрудничество со своим давнишним военным и политическим союзником Россией, вкладывая капитал в нефтяные и газовые исследования на Сахалине и совместное российско-казахское месторождение нефти “Курмангазы” в Каспийском море. Эксперты трех стран считают, что Россия имеет обоснованный интерес к расширению и углублению сотрудничества с Индией и Китаем, так как она может создать в регионе собственную, закрытую для Соединенных Штатов энергетическую сеть — “производитель—потребитель”, в которой бы Индия и Китай играли ключевые роли как главные потребители энергоресурсов на длительное время.

2. Региональный (центрально-азиатский) контекст отношений России, Китая и Индии.

Центральная Азия (ЦА) в настоящее время для каждой из трех стран является регионом потенциальных возможностей и существующих рисков. Это соотношение (возможностей и вызовов) для России, Индии, Китая складывается по-разному. Очевидно, что для России регион ЦА в плане и возможностей, и угроз гораздо более значим, чем для двух других государств. Россия имеет здесь ряд успешных проектов — Договор коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и другие. Она связана системой прочных двусторонних связей и стратегического партнерства с ключевыми государствами региона — Казахстаном, Узбекистаном и другими. Одновременно Россия входит в проект ШОС. Китай, имея общие границы с Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией и развитые отношения со всеми государствами региона, также заинтересован в ЦА. Причем, перед ним, как и Россией, также стоит проблема потенциальных рисков, идущих из региона — трансграничный уйгурский сепаратизм, радикальный экстремизм, сепаратизм и другие. Для нейтрализации этих угроз, как известно, Китай и Россия совместно с другими государствами ЦА создали ШОС, которая успешно справляется с поставленными задачами. Скорее всего, центрально-азиатские риски (рост наркотрафика, угроза исламского экстремизма и др.) сегодня более опасны для России, чем для Китая. Несомненно, однако, что регион и для Китая также остается ключевым в плане возможностей сотрудничества и в плане потенциальных и реальных угроз.

Иное значение ЦА имеет для Индии. Значимость его определяется больше экономическими (энергетическими) и транспортными возможностями в настоящее время и ближайшую перспективу. Для Индии (в центрально-азиатском ракурсе) проблема безопасности стоит не так остро, как для России и Китая. Она не граничит с регионом ЦА напрямую, а отделена от него Пакистаном и Афганистаном. С другой стороны, существует и афганская проблема, которая осложняет ситуацию на Среднем Востоке и в Южной Азии. Несомненно, что реанимация талибского движения в Афганистане, общий рост исламского экстремизма в Афганистане и Пакистане отрицательно влияет на ситуацию в Джамму и Кашмире. С этим, видимо, связана активизация Индии в Таджикистане в последнее время. Возможно, что Индия пытается воздействовать на Афганистан и Пакистан с севера из сопредельного Таджикистана. Однако основной стратегический интерес Индии, на наш взгляд, связан больше с возможностями трехсторонней энергетической и транспортной кооперации России, Индии и Китая на евразийском пространстве, включая регион Центральной Азии, а также с возможностями двустороннего сотрудничества Индии с Таджикистаном, Узбекистаном, Казахстаном и другими странами региона в сферах военно-техни-

ческого и торгового взаимодействия. Индия уже в ближайшее время может выступить серьезным инвестором в ключевые сферы экономики ряда государств Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан).

Чтобы не допустить обострения соперничества и роста противоречий в борьбе России, Индии, Китая за центрально-азиатские рынки и сферы возможных инвестиций, уже сегодня следует согласовать трехстороннее взаимодействие как на тактическом (макро- региональном), так и на стратегическом уровне. Возможно, что между странами может быть согласована некая экономическая специализация — в сферах энергетики, инвестиций, развития дорог и коммуникаций, на рынках телекоммуникаций, в финансовой области и других.

3. Проект ШОС и трехстороннее сотрудничество. Идея создания “Энергетического клуба”

Разномасштабность задач трех стран в регионе в области безопасности четко просматривается в структуре ШОС. Как известно, Россия и Китай являются постоянными членами организации, в то время как Индия (вместе с Пакистаном, Ираном, Монголией) — наблюдателем. Сложившаяся структура ШОС отражает не только ограниченные пока возможности организации по принятию новых членов, но и объективную картину, сложившуюся в регионе, — разное качество вовлечения постоянных членов и наблюдателей в центрально-азиатские реалии, связанные с безопасностью. Очевидно, что степень вовлечения и ответственности России и Китая объективно значительно выше, чем интересы безопасности Индии, Пакистана и Ирана в центрально-азиатском регионе. Хотя понятно, что для Индии изучение опыта ШОС по борьбе с национальным сепаратизмом и экстремизмом имеет огромное значение в плане борьбы с кашмирским сепаратизмом. Одновременно, трактовки национального сепаратизма в России (чеченский), в Китае (синьцзян-уйгурский) и Индии (кашмирский) методологически достаточно близки.

В конце 2006 г. российским президентом Владимиром Путиным была озвучена идея необходимости создания “энергетического клуба” (ЭК) ШОС, которая, представляет большой интерес и для Индии как страны-наблюдателя данной организации. В самом общем виде предварительно можно выделить 4 региональных измерения реализации концепции: а) глобальный; б) регионально-евразийский (пространство России, Китая и 4-х стран Центральной Азии); в) субрегиональный, центрально-азиатский (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия); г) страновой (развитие 6-ти национальных энергетических моделей членов ШОС). Видимо, в настоящее время речь идет в основном о проработке возможностей практической реализации прежде всего в регионально-евразийском измерении. Глобальный формат — более отдаленная перспектива. Хотя сегодня элементы первого измерения частично просматриваются в энергетической политике России по реализации концепции энергетической безопасности (решения Петербургского саммита G-8), в сложном диалоге Россия — ЕС по известной “Энергетической хартии” и других. На каждом уровне концепция ЭК ШОС может варьироваться сообразно геополитическим и энергетическим тенденциям и закономерностям. Очевидно, что реализация концепции ЭК даже в данных региональных измерениях позволит не только выстроить самодостаточную энергетическую структуру: производитель — поставщик — потребитель на евразийском пространстве, но и существенно обновить общую стратегию развития ШОС, внести новые ресурсы влияния в традиционные направления по безопасности, экономическому, гуманитарному сотрудничеству. Здесь нет завышенной оценки энергетического направления. Это, скорее, констатация реалий жизни.

С другой стороны, возможно рассмотрение и другого методологического подхода. Речь идет о том, чтобы структурировать проект на основе “клубного”

принципа, предполагающего достаточно широкое и прозрачное сотрудничество не только членом ШОС (государств и соответствующих министерств), но и стран-наблюдателей, а также широкого круга негосударственных субъектов (частных энергетических компаний и пр.). Данный вариант предполагает вовлечение и не ШОС-овских субъектов без жесткой политической привязки, что позволит сделать ЭК более гибким, вовлечь в энергетическое сотрудничество такие страны, как Туркменистан (газовый бизнес), с учетом позиции нового туркменского руководства, Азербайджан (нефть, газ) и другие. В рамках этого подхода теоретически возможны и переговоры по взаимодействию с ГУАМ, другими организациями.

Региональный и субрегиональный форматы можно интерпретировать в одном или близком контекстах как реализацию энергетической стратегии ШОС на евразийском пространстве четырех центрально-азиатских государств (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) плюс Россия и Китай. Видимо, можно предложить и более широкое определение территориальных рамок реализации концепции ЭК, включающее и территории стран-наблюдателей — Ирана, Индии, Пакистана, Монголии. Идея президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, сформулировавшего методологию будущего “Азиатского энергетического рынка”, а также инициатива президента Ирана Махмуда Ахмадинежада о том, что его страна может выступить “площадкой” встреч министров энергетики стран ШОС для изучения возможностей регионального сотрудничества в освоении, добыче, транспортировке и переработке нефти и газа, расширяют контуры и возможности ЭК. Однако сегодня, видимо, речь идет в основном о варианте энергетического взаимодействия стран-участниц ШОС. Важным также представляется объединение идей ЭК (Россия) и “Азиатского энергетического рынка” (Казахстан), причем последняя, очевидно, является более широкой философией энергетического взаимодействия в Евразии, которая может развиваться либо параллельно проекту ЭК, либо органически вобрать его в себя. Здесь нет противоречий, наоборот, оба подхода могут стать прообразом некоей “Евразийской энергетической хартии” по типу известного европейского документа.

Резюмируя теоретическую часть, следует подчеркнуть, что деятельность ЭК не должна дублировать профильные министерства и ведомства шести стран, имея свою специфику использования возможности самой организации ШОС и ее структур, привлекая на той или иной основе бизнес-сообщество, экспертные ресурсы.

Энергетическое пространство ШОС формируется на уже наработанной и солидной политической базе, в которой можно условно выделить пять ключевых элементов:

1. ШОС притягательна и интересна для многих стран Востока, которые хотели бы жить в многополярном мире. В основе притягательности — китайский ресурс. Мировой рейтинг организации растет буквально на глазах, десятки стран выстроились “в очередь” на вступление. Сотни солидных международных организаций уже наладили, либо хотели бы наладить сотрудничество с ШОС. На Шанхайском (2006) саммите был объявлен мораторий на дальнейшее расширение организации. Руководство ШОС решило приостановить слишком стремительное поступательное движение, “переварив” политически и идеологически уже то, что создано.

2. Организация прошла два принципиальных этапа, качественно отличающихся друг от друга. Первый — фазу региональной (центрально-азиатской) активности (1996 — 2004 гг.). Тогда ее всерьез на Западе еще не воспринимали. Второй — фаза глобальной геополитической активности (2004 г. — настоящее время), которая только формируется. В основе глобализма ШОС российско-китайский стержень стратегического партнерства, который экстраполируется на всю организацию. Часть экспертов интерпретирует “глобализа-

цию" ШОС как элемент неофициальной доктрины "сдерживания" США и ее союзников, как новую версию постбиполярного мира. Следует признать, что локально существует некоторое скрытое противостояние на пространстве Евразии, с одной стороны — ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС, а с другой — проектов НАТО, обновленного ГУАМ, "Демократической оси" Прибалтика — Украина — Польша — Грузия и других альтернативных России и Китаю проектов.

3. Пекин и Москва сегодня вкладывают в проект ШОС в большей степени экономический смысл. Механизм "второго колеса" — экономического сотрудничества был запущен, и организация приобрела комплексный характер. Появилось гуманитарное направление, "вторая дорожка" — Форум ШОС, Деловой совет ШОС и пр.

4. Внутреннюю структуру ШОС с позиции масштабов экономик (при обязательном консенсусе шести государств), условно можно интерпретировать, как 4 (Китай, Россия, Казахстан, Узбекистан) + 2 (Киргизия, Таджикистан). Это не значит, что в организации есть "первосортные" и "второсортные" страны. Это скорее неформальная констатация колоссальной разности экономических потенциалов стран, нестыковок в объемах ВВП, структурах торговли и пр.

5. Расширение ШОС за счет транзита наблюдателей (Иран, Индия, Пакистан, Монголия) сегодня стратегически невыгодно организации: 1) на индо-пакистанском направлении (кашмирский конфликт, режим ДНАО), 2) на иранском — (ядерная программа Тегерана и кризис вокруг нее). Реальным кандидатом на переход могла бы стать Монголия. Это усиливает два традиционных направления монгольской политики (Россия и Китай) и, в принципе, не противоречит новому — третьему — опоре на Запад. Хотя в последнем моменте есть проблемы ограничения для Монголии. Зато выгоды от вступления для Монголии очевидны — усиление экономического, инвестиционного и энергетического ресурсов развития за счет ШОС. Объективно выгодно и некоторое сближение проектов ОДКБ, ЕврАзЭС с ШОС. Однако здесь вряд ли можно прогнозировать на перспективу какое-либо организационное слияние. Россия и Китай в рамках единого проекта ШОС сумели предложить региону Центральной Азии свою повестку безопасности, развития и модернизации. Привлекательность данной повестки в том, что она не предполагает искусственной (по западным стандартам) демократизации существующих режимов, дает возможность отсталым странам (Таджикистану, Киргизии) для экономического развития за счет ресурсов более развитых — Китая, России, Казахстана.

Специфику и возможности энергетического пространства ШОС можно представить следующими моментами:

1. Отсутствие третьих стран на пути транспортировки энергоресурсов.

2. Органичное (геоэкономическое) сочетание групп стран производителей-экспортеров (Россия, Казахстан, Узбекистан) и потребителей-импортеров энергоносителей (Китай, Киргизия, Таджикистан). Данное сочетание, с учетом стран наблюдателей, можно интерпретировать и в более широком формате. Как взаимодействие "оси" производителей (Россия — Казахстан — Узбекистан — Иран) и "оси" потребителей энергоресурсов (Китай — Таджикистан — Киргизия — Индия — Пакистан — Монголия). Фактически, реализация первой, а тем более второй (вместе с наблюдателями) моделей делает ШОС самодостаточной энергетической системой, как в глобальном, так и региональном контекстах. К этим двум "осям" следует добавить и "ось" стран транспортировщиков. В условиях взаимодействия этих трех "осей" по газовой, нефтяной, атомной, электрической опциям центральными вопросами на первом этапе, видимо, будут выработка единой тарифной политики по ценам (с учетом мирового рынка цен на энергоносители и долговременных соглашений), маршрутам, объемам продаж и закупок энергоносителей. В отличие от ОПЕК "ЭК" ШОС

объединяет и производителей, и транспортеров, и потребителей энергетических ресурсов, что позволяет уже на начальном этапе осуществлять стратегию сравнительных преимуществ в рамках ЭК.

3. Возможности взаимодействия энергетического проекта ШОС и интеграционного проекта — создания “Зоны свободной торговли” (ЗСТ) ШОС. Хотя, как представляется, энергетическое направление может опережать интеграционное в силу объективных причин — наличия большей взаимной заинтересованности (мотивации) стран поставщиков и потребителей в друг друга. Вариант создания ЗСТ, к сожалению, имеет ряд ограничителей — неготовность малых и более слабых экономик (Таджикистана, Киргизии) к взаимодействию с экономикой Китая в свободном торговом режиме. Очевидно, что создание ЗСТ является в большей степени перспективой развития.

4. “ЭК” может стать эффективным регулятором “внутренних” центрально-азиатских энергетических нестыковок, особенно по линиям “Узбекистан — Таджикистан” или “Узбекистан — Киргизия”, купирюя или полностью разрешая двусторонние проблемы в обмене узбекского газа, электричества на водные ресурсы Киргизии и Таджикистана. Известно, что РФ, Казахстан, Узбекистан обладают большими запасами углеводородов, а Таджикистан и Киргизия — гидроресурсами. Иницилируемые странами ЦА и ЕвразЭС проекты создания водных консорциумов, к сожалению, не снижают напряженности в обозначенных двусторонних моделях. ЭК потенциально может решить и эту задачу.

Объективные трудности реализации проекта ЭК связаны, прежде всего, с разномасштабностью экономик стран ШОС, трудностями полной гармонизации национальных энергетических стратегий, полного совпадения интересов производителей и потребителей энергоресурсов. Объективно, в рамках первой (производителей) и второй (потребителей) групп всегда существует определенная конкуренция. Это объективный закон. Скрытая конкуренция, например, существует между Россией, Казахстаном, Ираном за рынки сбыта нефти и газа. Аналогичная ситуация просматривается и между такими крупными импортерами энергоресурсов, как Индия и Китай — конкуренция за источники, маршруты и объемы поступления энергоносителей. Вместе с тем данные тенденции — конкуренция на спрос и предложение в рамках ЭК могут быть гармонизированы. В частности, огромный китайский рынок теоретически может поглотить любое количество нефти и газа, предложенное Россией, Казахстаном и Ираном, тем более в условиях некоей институализации этого процесса в ЭК.

4. Двусторонние форматы отношений России, Китая и Индии со странами Центральной Азии

Из *российских двусторонних приоритетов* в регионе выделяются два государства — Казахстан и Узбекистан. Российско-казахстанское стратегическое партнерство сегодня фактически является стержнем и ядром, вокруг которого строятся отношения России с другими странами региона. Оба государства связаны прочными военно-политическими, экономическими и иными узами. Оба государства демонстрируют достаточно эффективные ресурсно-технологические модели модернизации. Российско-узбекские отношения можно условно обозначить тенденцией — от “сдержанного” (до 2005 г.) к стратегическому партнерству. Поддержка Россией Узбекистана в период андижанского кризиса, вывод по требованию Каримова американской базы с территории Узбекистана и другие причины сделали отношения Москвы и Ташкента стратегическими. В основе этой эволюции, кроме экономической заинтересованности Москвы, лежит и фактор безопасности, так как любая дестабилизация в Узбекистане (Ферганской долине) обернется для региона ЦА и для России с Китаем радикальной исламизацией, ростом исламского экстремизма, созданием аг-

рессивных исламских государств в регионе. Высокий уровень российско-таджикских и российско-киргизских отношений обусловлен как взаимными экономическими интересами, так и факторами поддержания безопасности. Специфика российско-туркменских отношений связана с развитием Москвой и Ашхабадом “газовой дипломатии” — расширением экспорта туркменского газа через Россию на Украину и в Европу. Российская компания “Газпром” здесь является главным действующим лицом российской политики.

Из *китайских двусторонних приоритетов* можно выделить казахстанский, развитие отношений КНР с Казахстаном в области торговли, экспорта энергоресурсов из Казахстана (в декабре 2005 г. открыт трубопровод Казахстан — Западный Китай), инвестиционного сотрудничества и др. 20 декабря 2006 г. состоялся официальный визит президента Казахстана *Нурсултана Назарбаева* в Китай. По итогам переговоров лидеры двух стран подписали 13 соглашений, из которых следует выделить два главных: “Стратегия сотрудничества в XXI веке” и “Концепция экономического сотрудничества Казахстана и Китая”. Министр иностранных дел Казахстана *Касымжомарт Токаев* особенно подчеркнул значение первого документа, в котором, как он считает, прописывается основной смысл казахстанско-китайского сотрудничества на длительную перспективу фактически во всех сферах, вплоть до конкретных проектов*. Очевидно, что в этих отношениях произошел важнейший качественный сдвиг. Другим фактором, стимулирующим дальнейшее развитие этих отношений, стало назначение 10 января 2007 г. бывшего вице-преьера правительства Республики Казахстан *Карима Масимова* на должность премьер-министра правительства. Не секрет, что новый премьер является хорошим экспертом по части китайских экономических реформ и активным сторонником расширения использования китайского опыта в Казахстане и углубления стратегического сотрудничества с восточным соседом. В этом контексте достаточно закономерным стало создание в 2006 г. на китайско-казахстанской границе зон свободной торговли.

Приоритеты узбекского направления политики КНР связаны как с экономикой (энергетический сектор Узбекистана), так и с безопасностью (поддержка Китаем правительства *Ислама Каримова* в условиях роста для Узбекистана радикальных исламских вызовов). Двусторонний формат отношений с Киргизией и Таджикистаном обусловили желание Пекина развивать экономические (торговые) связи, использовать энергетический и водный ресурсы этих стран для развития западных провинций Китая и решать проблемы безопасности и стабильности.

Китайско-туркменские отношения базируются на перспективах строительства и открытия (с 2009 г.) новых газопроводов Туркменистан — Китай, развитию энергетического сотрудничества. Смерть лидера Туркменистана *Сапармурада Ниязова* в декабре 2006 г. внесла некоторые новые акценты в китайско-туркменские отношения. Во-первых, Пекин был встревожен возможностью политической дестабилизации в Ашхабаде, которая могла бы отрицательно сказаться на сложившихся достаточно стабильных отношениях двух стран. Во-вторых, смена руководства заставила Китай интенсифицировать подготовку газовых проектов по планируемому импорту туркменского газа в Китай.

Для *Индии двусторонние приоритеты* отношений в настоящее время связаны с дальнейшим развитием военных и политических связей с Таджикистаном. Индия движется в сторону Центральной Азии не только в поисках новых источников энергоносителей, но и в плане поисков новых форм борьбы с исламским терроризмом. Она строит авиабазу в предместьях Айни, города на северо-западе Таджикистана. К концу 2006 г. эскадрилья МиГ-29 российского производства, ведомые пилотами индийских ВВС; должны будут

* Пресс-конференция К. Токаева 21.12.2006 // <http://www.kazpress.com>.

совершать первые пробные полеты. Одновременно индийские летчики намерены учить своих таджикских коллег пилотажу на этих самолетах. Этот проект стал возможным после подписания двумя странами соответствующего договора в 2006 г. во время визита в Индию президента Таджикистана *Эмомали Рахмонова*. Большая часть индийских экспертов считает, что авиабаза в Айки представляет собой первое национальное реальное силовое присутствие в Центральной Азии. Она (база) облегчит борьбу против Талибана и Аль-Каиды, которые стремятся вернуться в Афганистан. Действительно, обострение афганской ситуации гипотетически может быть использовано и для выступления против военных лагерей в Пакистане и Афганистане, а также может сыграть важную роль в улучшающихся отношениях между Индией и Афганистаном, двумя естественными союзниками в борьбе против исламского терроризма. Кроме того Индия имеет растущий интерес к Таджикистану и в плане использования богатых природных ресурсов.

Очевидно, что существуют и индийско-туркменские, индийско-узбекские и индийско-казахстанские планы двустороннего энергетического и иного сотрудничества и взаимодействия. Данная логика усиления двустороннего сотрудничества базируется на известной проблеме роста нехватки нефти и газа по мере развития экономики Индии, поэтому доступ к центрально-азиатским (как и другим) энергоресурсам региона жизненно важен для Индии. В настоящее время Индия потребляет 1,9 млн баррелей нефти в день, из которых 70% импортируется, но к 2010 г. стране потребуется до 4 млн баррелей в день, большая часть будет также импортироваться. Однако Индия не имеет такого выгодного географического положения как Россия и Китай, так как она не граничит ни с одним из государств Центральной Азии. Этим вызвана нынешняя двусторонняя активизация Индии в регионе.

5. Прогнозы и сценарии на 2007 — 2008 гг.

Общий сценарий. Один из вероятных сценариев — укрепление двусторонних отношений России и Индии на 2007—2008 гг., в том числе и за счет развития и использования дополнительных экономических (военных, энергетических и технологических) возможностей сотрудничества в Центральной Азии и в рамках ШОС. Визит президента *Владимира Путина* в Индию в начале 2007 г., был связан, в частности, и с более эффективным подключением данных ресурсов к глобальному и региональному (центрально-азиатскому) российско-индийскому партнерству. Конвертация оставшегося индийского долга в совместные и чисто российские проекты в Индии должна усилить вероятность реализации данного сценария. Политическое укрепление российско-индийских связей будет происходить в рамках углубления совместной борьбы Москвы и Дели с терроризмом и религиозным экстремизмом; расширения и поиска нового качества и новых форм посредничества в индийско-пакистанских разногласиях и повышения роли России в этом посредничестве; насыщения "треугольника" Россия — Индия — Китай конкретными проектами; дальнейшей поддержки Россией Индии по продвижению ее в СБ ООН; углубления диалога региональных организаций, в которых Индия и Россия занимают ключевые позиции, например, диалог СААРК и ОДКБ, СААРК — ЕврАзЭС, СААРК — ШОС. Не исключен и трехсторонний диалог: СААРК — ШОС — АСЕАН. Вряд ли в ближайшей и среднесрочной перспективе можно говорить о столкновении интересов России и Индии в регионе Центральной Азии.

Исходя из варианта углубления российско-индийского глобального и регионального сотрудничества, просматривается как часть общего и более специальный энергетический сценарий. Очевидно, что энергетическое сотрудничество сохранится и усилится на двустороннем уровне. "Газпром" и другие энер-

гетические российские компании будут наращивать свое присутствие в Индии, как на рынках добычи энергоносителей (на шельфе), так и на индийском рынке атомной энергетики. Отмена ограничений, введенных Группой ядерных поставщиков (ГЯП) для Индии на поставки ядерных технологий и топлива, усилит конкуренцию со стороны США и ряда других стран для России. Представляется, что на индийском рынке мирной атомной энергетики у России вряд ли будут те преимущества, которые, например, она имеет в Иране и ряде других стран. В данном случае задача России по характеру более локальна — сохранить отдельные сегменты этого огромного и перспективного рынка за российскими компаниями. Одновременно, скорее всего, произойдет и качественное изменение индийской инвестиционной стратегии в отношении российского ТЭК и в других перспективных для индийского крупного бизнеса отраслях. Эволюция эта будет связана с процессом перехода от разовых акций (участие в проекте «Сахалин-1, 3») к системной инвестиционной политике в России, которая будет охватывать уже не только ТЭК, но и смежные области, выйдет на внутренние российские регионы.

США, учитывая сделанные промахи, выразившиеся в недооценке возможностей России и Китая на индийском направлении, в 2008 г. (особенно после президентских выборов) могут пойти на активизацию своей политики в Индии, попытавшись создать более высокое экономическое и политическое качество индийско-американского партнерства в противовес индийско-российскому и быстро формирующемуся индийско-китайскому партнерству. Первый вектор (Индия — Россия) в Вашингтоне воспринимается без особой тревоги (за исключением аспектов российско-американского соперничества на военном рынке и рынках мирного атома Индии), но второй (Индия—Китай) явно беспокоит американцев. Конфронтация и холод в отношениях двух азиатских гигантов ушли в прошлое, что для США тактически не очень выгодно. Сближение Пекина и Дели создает дополнительные проблемы и общий политический дискомфорт Белому дому. России же это сближение выгодно не только в плане укрепления трехсторонних отношений (Россия — Индия — Китай), но и повышения шансов Москвы в скрытом российско-американском соперничестве за Индию, которое неформально сохранится. Данный тренд — углубление индийско-американских отношений на фоне противоречивого российско-американского сотрудничества — будет явно нарастать в ближайшее время и на среднесрочную перспективу.

Центрально-азиатские сценарии. В регионе ЦА просматривается тенденция к дальнейшей дестабилизации, усилению опасности исламского экстремизма, наркотрафика и других негативных явлений. В этих условиях трехстороннее сотрудничество России, Индии, Китая будет иметь тенденцию к диверсификации, выделению проектов (в рамках ШОС и на двусторонней основе) по безопасности и энергетическому, транспортному и инвестиционному сотрудничеству. Возможно, что в рамках данной тенденции не исключены отдельные фазы и проявления роста соперничества (особенно в энергетическом секторе).

Политика

Китайская Народная Республика в 2006 году

© 2007

В. Портяков

Одной из отличительных особенностей общественно-политической жизни КНР в 2006 г. стало дальнейшее укрепление позиций Ху Цзиньтао в качестве лидера партии и государства.

На протяжении всего года Ху Цзиньтао продолжал демонстрировать приверженность собственному стилю руководства, сочетающему достаточно частые контакты с рядовыми гражданами страны с высокой международной активностью и выдвиганием и развитием весомых идейно-теоретических новаций, призванных упрочить внутреннюю стабильность Китая и усилить его позиции в мире.

Продолжалась практика *регулярного посещения Председателем КНР различных регионов страны*, преимущественно "в глубинке". При этом конкретные места для поездок выбирались таким образом, чтобы сделать политическую символику визитов предельно акцентированной и общепонятной. Так, поездка в провинцию Фуцзянь (12—16 января), в ходе которой Ху Цзиньтао посетил район тайваньских инвестиций Хайцан в г. Сямэнь и встретился с представителями тайваньских бизнесменов, дала возможность вновь продемонстрировать настрой Пекина на дальнейшее укрепление и всестороннее развитие торгово-экономических обменов и скорейшее начало прямых транспортных связей "между двумя берегами Тайваньского пролива". Главными сюжетами, затронутыми Ху Цзиньтао в ходе пребывания в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (6—11 сентября), стали необходимость укрепления единства между ханьцами и национальными меньшинствами и улучшения жизни местных крестьян. Встретился Ху Цзиньтао в Синьцзяне и с руководством размещенных здесь армейских частей². Интерес к жизни нацменьшинств был проявлен лидером страны и в ходе инспекционной поездки в Юньнань в мае.

Традиционный китайский праздник — Новый год по лунному календарю (28 января 2006 г.) Ху Цзиньтао провел в Яньани — известной революционной базе КПК, что было призвано символизировать особое значение наступившего года как года 70-летия успешного завершения "Великого похода" китайских коммунистов 1934--1936 гг.³ Наряду с посещением мест, связанных с жизнью и работой в Яньани Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других видных деятелей КПК тех лет, китайский лидер встретился с местными крестьянами, дав в беседах с ними своеобразный старт разъяснению и пропаганде принятого в

самом конце 2005 г. документа ЦК КПК и Госсовета КНР “Некоторые положения о продвижении дела строительства новой социалистической деревни”⁴.

Инспекционная поездка Ху Цзиньтао 28—29 июля 2006 г. в Таншань (пров. Хэбэй) была приурочена к 30-летию тяжелейшего в истории КНР землетрясения и носила, можно сказать, многофункциональный характер: были подняты проблемы энергосбережения и улучшения окружающей среды (становящиеся еще более актуальными в связи с намеченным переносом в район Таншаня из Пекина столичного металлургического комбината “Шоуду”), совершенствования структуры экономики, решения практических вопросов крестьянской жизни. Однако главными в беседах Ху Цзиньтао в данной поездке стали мотивы сохранения и развития передового характера правящей компартии, улучшения стиля работы кадрового корпуса, повышения способности партийно-административных работников добиваться удовлетворенности населения их деятельностью⁵.

Не оставил Ху Цзиньтао своим вниманием и главные центры страны — Пекин и Шанхай, проведя здесь инспекционные туры соответственно 31 мая и 12—13 июня. В первом случае предметом интереса лидера страны были вопросы воспитания маленьких пекинцев — так был отмечен День защиты детей (1 июня). В Шанхае же анализировался широкий круг проблем жизнедеятельности города — от строительства нового глубоководного порта до укрепления научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы на предприятиях с акцентом на повышение способности к самостоятельному новаторству.

Еще одной символической акцией стало письмо Ху Цзиньтао Мэн Фэй — дочери преподавателя китайской культуры из Пекинского университета Мэн Эрдуна, заболевшего в 2004 г. вскоре после приезда для чтения лекций в Университет г. Шихэцзы в Синьцзяне и скончавшегося в апреле 2006 г. Высокая оценка генсеком самоотверженности, моральных качеств и профессионального уровня Мэн Эрдуна была расценена в китайских СМИ как призыв к повышению качества образования в Китае, к преодолению в сжатые сроки существующего здесь отставания от передового мирового уровня⁶.

Заметную составную часть современной политической практики Китая представляют встречи членов высшего партийно-государственного руководства страны, т.е. лиц, входящих в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, с различными делегациями, участвующими в работе ежегодных сессий парламента — Всекитайского собрания народных представителей. При этом характер своего рода установившегося ритуала носят встречи лидера страны с делегациями Шанхая и Народно-освободительной армии Китая, выбор же других делегаций для встречи с первым лицом государства варьирует от сессии к сессии. В ходе работы 4-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2006 г.) Ху Цзиньтао, помимо делегаций Шанхая и НОАК, встретился также с делегациями Тибетского и Нинся-Хуэйского автономных районов и провинции Хэйлунцзян⁷.

Одним из наиболее важных выступлений Ху Цзиньтао по внутренней проблематике явилась речь генсека на торжественном собрании по случаю 85-летия основания Коммунистической партии Китая. Она практически полностью была посвящена подведению итогов общепартийной воспитательной кампании, направленной на сохранение передового характера коммунистов, и формулированию на этой основе концептуального подхода к задачам обеспечения передового характера КПК на обозримую перспективу. Для этого, по утверждению Ху Цзиньтао, КПК должна правильно понимать и осваивать основные тенденции эпохи и на этой основе выдвигать цели и задачи своей деятельности, постоянно приводить собственную теорию и практику в соответствие с требованиями времени, неизменно ориентируясь при этом на служение интересам народа и достижение прогресса в общественном развитии Китая⁸.

В другом важном выступлении — на торжественном собрании 22 октября 2006 г. в ознаменование 70-летия победного завершения “Великого похода” 1934—1936 гг. — Ху Цзиньтао, высоко оценив боевой дух КПК в годы револю-

ционной борьбы, сделал акцент на необходимость и впредь придерживаться духа упорства и самоотверженности, следовать путем китаизации марксизма и утверждения в обществе социалистических ценностей, а также "продвигать вперед дело модернизации обороны и армейского строительства"⁹.

Апелляцией к традиционным ценностям КПК периода революционной борьбы и первых лет существования КНР оказалась в немалой степени пронизана и формула "восемь видов действий, требующих порицания", которая была оглашена Ху Цзиньтао 4 марта 2006 г. на встрече с делегатами 4-й сессии Народного политического консультативного совета Китая 10-го созыва. Эта формула, быстро вошедшая в современный пропагандистско-политический лексикон КНР под определением "8 славных и 8 позорных дел", в развернутом виде содержит следующие конкретные императивы:

— любовь к Родине, патриотизм заслуживают прославления, а нанесение вреда Отечеству является позорным деянием;

— служение народу есть славное деяние, а отрыв от народа требует порицания;

— стремление к научному познанию заслуживает одобрения, а невежество — порицания;

— усердие в труде следует поддерживать, а праздность — подвергать порицанию;

— единство и взаимопомощь надо прославлять, погоню за личной выгодой в ущерб другим — порицать;

— правдивость, верность своему слову заслуживают восхваления, а забвение долга ради собственной выгоды требует порицания;

— соблюдение дисциплины и законов надо восхвалять, а их нарушение — порицать;

— упорство и самоотверженность следует восхвалять, а барство и праздность надлежит порицать¹⁰.

В китайской пропаганде формула "8 славных и 8 позорных дел" (циркуляры о ее изучении издали Главное политическое управление НОАК и ведущие отделы ЦК КПК — организационный и пропаганды) была охарактеризована как "четкий ориентир укрепления строительства социалистической идеологии и морали в новом веке". При этом в разъяснительных материалах вновь появились такие весьма популярные когда-то, но давно не использовавшиеся сюжеты, как трудовая теория стоимости К. Маркса и трудовые подвиги "железного человека" времен Мао Цзэдуна — бурильщика-нефтяника из Дачина Ван Цзиньси¹¹. Тем самым была в очередной раз подтверждена ориентация Ху Цзиньтао на использование в его политическом арсенале некоторых заимствований из Мао Цзэдуна¹², а в более широком плане — на всемерное закрепление социалистического характера общественного развития Китая.

Последний момент еще более полно проявился в концепции социалистического гармоничного общества, курс на строительство которого в КНР закрепил 6-й Пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2006 г.).

Несомненно, принятие Пленумом "Решения о некоторых важных вопросах строительства социалистического гармоничного общества"¹³ нацелено прежде всего на практическое смягчение многочисленных противоречий и проблем современного Китая, не просто накопившихся за годы рыночных преобразований, но подчас и прямо порожденных ими. Речь идет о преодолении неоправданного разрыва в доходах различных групп населения, снижении непомерных затрат простых граждан на образование и здравоохранение, совершенствовании системы социального обеспечения, увеличении занятости, удешевлении жилья, кардинальном повышении уровня безопасности на производстве и улучшении общественного порядка, словом, о всех мерах, которые поз-

волили бы существенно оздоровить общественную атмосферу и повысить уровень социально-политической стабильности в стране.

Вместе с тем, содержащиеся в Решении и пропагандирующих его материалах¹⁴ установки на обеспечение социальной справедливости и утверждение ключевого положения в обществе социалистической системы ценностей являются, на наш взгляд, не дежурной формальностью, а реальной попыткой китайского руководства и в первую очередь самого Ху Цзиньтао укрепить базовую социалистическую идентичность Китая, остановить ее размывание и выхолащивание¹⁵.

В деятельности Ху Цзиньтао на *тайваньском направлении* наибольший общественный резонанс вызвали его предложения о содействии мирному развитию межбереговых отношений двух сторон Тайваньского пролива, выдвинутые 16 апреля в ходе встречи с почетным председателем Гоминьдана Лян Чжанем и другими тайваньскими участниками Форума межбереговых торгово-экономических связей. Ху Цзиньтао призвал рассматривать известное "общее взаимопонимание 1992 г." (о наличии одного Китая) как важную базу мирного развития межбереговых отношений, которые должны быть, по его словам, подчинены интересам "всех соотечественников по обе стороны пролива". Было также предложено дальнейшее углубление взаимовыгодных обменов и сотрудничества и скорейшее начало равноправных консультаций¹⁶.

На фоне общей высокой *внешнеполитической активности* Ху Цзиньтао в 2006 г. выделяются его визиты в США (где он выступил с призывом к созданию совместными усилиями гармоничного мира) и Индию, а также участие в мероприятиях в рамках саммита "большой восьмерки" в Санкт-Петербурге.

Едва ли не единственным событием, которое, по крайней мере теоретически, могло бы поставить под сомнение безоговорочное лидерство Ху Цзиньтао на политическом Олимпе Китая, явилось издание в августе 2006 г. "Избранного" Цзян Цзэминя в трех томах, куда вошли 203 выступления и речи Цзян Цзэминя периода 1980-2004 гг.¹⁷ Этого, однако, не произошло. Каковы бы ни были мотивы привлечения общественного внимания к отставному лидеру страны¹⁸, Ху Цзиньтао сумел использовать данную публикацию и последующую кампанию изучения "Избранного" Цзян Цзэминя для широкой пропаганды собственных концепций и укрепления своих позиций. Уже в речи Ху Цзиньтао 15 августа, посвященной "Избранному", подчеркивалась необходимость "развивать марксизм в ходе практики, отталкиваясь от надлежащего изучения и использования важной идеи тройного представительства"¹⁹. В Решении ЦК КПК об изучении "Избранного" Цзян Цзэминя от 13 августа вменялось вести такое изучение "в тесной увязке с изменениями и развитием внутренней и внешней обстановки"²⁰. Соответственно, вполне закономерно, что львиная доля установочных материалов газеты "Жэньминь жибао" в сентябре 2006 г., т.е. на пике кампании изучения "Избранного" Цзян Цзэминя, оказалась посвящена отнюдь не идеям и суждениям Цзяна, а теоретическим и практическим поискам современного китайского руководства: научной концепции развития, программе 11-й пятилетки, строительству новой социалистической деревни, курсу на создание инновационного государства, решению беспокоящих население проблем медицинского обслуживания, образования и жилья, и т.д.

В функционировании *политической системы* КНР в 2006 г. наиболее заметное место заняли мероприятия, связанные с деятельностью правящей *Коммунистической партии Китая*. На начало 2006 г. численность КПК достигла 70,8 млн человек, увеличившись за год на 2,47 млн человек, или на 2,4%²¹. Воспитательная кампания по формированию передового характера коммунистов, целенаправленно проводившаяся в течение полутора лет — с начала 2005 г. по середину 2006 г. — позволила в какой-то мере укрепить идейно-организационные основы деятельности КПК, преодолеть ряд слабостей в ее работе. В частности, активизировалось создание парторганизаций на тех частных предприятиях, где имелось не менее трех членов партии, были выявлены

и упорядочены 156 тысяч «организационно слабых» низовых партторганизаций (при общем их количестве в 3,52 млн), установлены связи с 2,3 млн членов КПК, покинувших свои партторганизации в связи со сменой места работы²². Достаточно высокая (по крайней мере, по формальным критериям) эффективность данной воспитательной кампании подвела руководство КПК к идее о необходимости постоянной работы по формированию передового характера коммунистов на постоянную основу. Методика такой работы, сочетающей периодические массовые кампании с регулярной поочередной переподготовкой кадровых работников различного уровня, была сформулирована в серии документов, обнародованных канцелярией ЦК КПК в конце июня. Это «Мнения об усилении постоянной воспитательной работы с членами партии», «Мнения об укреплении и совершенствовании работы по управлению членами партии, находящимися в отрыве от своих партторганизаций», «Мнения о надлежащем ведении работы по обеспечению связи членов партии с массами и служению им», «Мнения о разворачивании и оздоровлении работы местных парткомов и ведомственных партторганизаций по низовому партийному строительству»²³.

И все же центральное место в работе партторганизаций КПК заняло плановое обновление руководящего звена парткомов провинций, городов, уездов и волостей, которое началось в марте 2006 г. и должно завершиться в первой половине 2007 г. Среди декларированных принципов нынешнего обновления следует выделить повсеместное сокращение количества заместителей секретарей парткома — как правило, до двух (в автономных районах сохранено по четыре заместителя секретаря парткома, из которых двое — ханьцы и двое — представители национальных меньшинств²⁴), акцент при выборе новых кадров на их способность претворять в жизнь «научную концепцию развития». Заслуживает особого упоминания специальное предостережение партийных инструкций относительно недопустимости «продажи и покупки должностей» в ходе данной ротации с угрозой карать за подобные действия со всей строгостью партийной дисциплины и государственных законов²⁵. Кроме того, проводится в жизнь и принцип омоложения руководящих кадров: в новом составе парткомов провинций требуется иметь трех человек не старше 50 лет, из которых один должен быть не старше 45 лет²⁶. Уже после запуска процесса, в августе, Канцелярия ЦК КПК обнародовала ряд новых инструкций, призванных уточнить критерии ротации партийных кадров и поставить весь ход обновления руководящего звена парткомов на более четкую институциональную основу. В частности, «Временное постановление о сроках служебных полномочий партийно-административных руководящих кадровых работников» определило такой срок в 5 лет с разрешением находиться в одной должности не более двух сроков подряд и с перемещением на другую должность в течение одного срока не чаще одного раза. Вполне логично, что «Постановление о ротации партийно-административных руководящих кадровых работников» предписывало обязательное перемещение на другие посты работников партаппарата, правительственных, судебных и силовых ведомств уровня уезда и выше, проработавших на своей должности полные десять лет. Были также обнародованы и критерии отвода кадровых работников от назначения на должности, связанные главным образом с наличием у них родственных связей с руководством соответствующих мест и ведомств²⁷.

В ходе обновления руководящих звеньев на местах к январю 2007 г. новые секретари парткомов или губернаторы уже появились примерно в трети административных единиц провинциального уровня. Одной из наиболее очевидных особенностей кадровых перестановок стало направление в центральные и западные районы Китая опытных кадровых работников из приморского пояса, что призвано содействовать уменьшению разрыва в уровнях регионального развития в стране²⁸. Видимо, решению этой же задачи призвано помочь и перемещение на работу в провинцию министра сельского хозяйства КНР Ду

Цинлиня (он возглавил партком Сычуани) и министра транспорта Чжан Чунь-цзяня (возглавил партком Хунани). Оставленные ими министерские посты заняли соответственно Сунь Чжэнцай и Ли Шэнлинь.

Заслуживает упоминания назначение губернатором Хунани 46-летнего Чжоу Цяна, который ранее сменил на посту первого секретаря китайского комсомола Ли Кэцзяна²⁹. Как известно, выходцы из комсомола традиционно рассматриваются в качестве наиболее близких сподвижников Ху Цзиньтао и вероятных кандидатов в перспективе на самые высокие посты в партийно-государственной иерархии Китая. В последние годы целый ряд выдвиженцев из комсомола проходит обкатку на провинциальном уровне. Кроме того, продвижение инициативных людей с организаторской жилкой в провинции Центрального Китая призвано помочь реализации официально поставленной ЦК КПК и Госсоветом КНР в 2006 г. задачи подъема этого региона³⁰.

Наиболее громкая персональная отставка 2006 г. — отстранение от должности секретаря парткома Шанхая Чэнь Лянъюя — имеет, по официальной версии, коррупционную подоплеку. Чэнь был обвинен в причастности к махинациям со средствами из фонда социального страхования Шанхайского управления труда и социального обеспечения³¹.

В ноябре началось формирование корпуса делегатов XVII съезда КПК, намеченного на вторую половину 2007 г. Их общее количество определено в 2220 человек — на 100 больше, чем на XVI съезде. Предписывается обеспечить долю делегатов из числа трудящихся на уровне не ниже 30%³².

В работе органов представительной власти КНР в 2006 г. следует прежде всего выделить начавшиеся 1 июля выборы нового состава собраний народных представителей (СНП) волостей и уездов. В ходе этой кампании, которую предстоит завершить до конца 2007 г., будет избрано в общей сложности 2 миллиона депутатов СНП 2800 уездов и 35400 волостей страны. Предусмотрено превышение количества кандидатов в депутаты по сравнению с количеством избираемых депутатов от одной трети до двух раз³³. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей одобрил законы КНР о паспортах, о безопасности и качестве сельхозпродукции, о банкротстве предприятий и ряд других. Подготовлены для вынесения на сессию парламента принципиально важные законы об имущественном праве (собственности) и о подоходном налоге с предприятий, предусматривающем введение единой 25-процентной ставки подоходного налога с предприятий с китайским и иностранным капиталом взамен ныне действующей дифференцированной ставки налогообложения. Усилению роли представительной власти в политической системе страны призван служить принятый в августе Закон КНР о контроле со стороны постоянных комитетов собраний народных представителей всех уровней, согласно которому ПК СНП наделяются правом контроля за деятельностью местных правительств, судов, прокуратуры, а также правом проверки подзаконных актов и исполнения законов³⁴.

8 февраля 2006 г. ЦК КПК одобрил “Мнение об укреплении работы Народного политического консультативного совета Китая”³⁵. Этот орган Единого фронта и действующий в его формате механизм демократических консультаций представителей различных слоев китайской общественности наделяются отныне новой важной функцией, а именно: содействовать делу формирования в КНР гармоничного общества.

Интенсивную многоплановую работу вел в течение года Госсовет КНР во главе с премьером Вэнь Цзябао. В ней следует выделить, во-первых, разработку документов стратегического характера. Были приняты 11-я пятилетняя Программа экономического и социального развития КНР на 2006—2010 гг. (март)³⁶, Основные положения государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006—2020 гг. (февраль), государственная программа развития культуры в период 11-й пятилетки (сентябрь). Сюда же

примыкают циркуляры Госсовета об усилении работы по экономии энергии³⁷, о совершенствовании системы пенсионного обеспечения рабочих и служащих предприятий³⁸, о решении проблем крестьян, трудоустраивающихся в городах³⁹.

Во-вторых, повышенное внимание правительство КНР уделяло в течение года проблемам деревни и сельского хозяйства. Было разработано Положение о проведении общегосударственной сельскохозяйственной переписи. Датой второй такой переписи было выбрано 31 декабря 2006 г.⁴⁰. (Первая сельскохозяйственная перепись прошла в КНР десять лет назад). Принят новый документ о совершенствовании реформы системы обращения зерна⁴¹. Было намечено освободить от платы за обучение сельских школьников — с 2006 г. в Западном Китае, а с 2007 г. — по всей стране⁴².

В-третьих, правительство КНР заметно активизировало политику макроэкономического регулирования, пытаясь с помощью сочетания экономических и административных рычагов предотвратить перегрев народного хозяйства и смягчить диспропорции текущего экономического роста. Среди мер первого ряда следует выделить повышение ставки по кредитам и депозитам и трехкратное в течение года повышение норматива резервных требований для коммерческих банков⁴³. Меры административного воздействия были нацелены прежде всего на упорядочение жилищного строительства и борьбу с незаконным изъятием земель под городскую и хозяйственную застройку. Так, в совместном циркуляре ряда ведомств (в их числе — Комитет развития и реформ, Минфин, Налоговое управление) “Об урегулировании структуры предложения жилья и стабилизации цен на жилье” предписывалось изменить структуру нового жилья, с тем чтобы квартиры площадью до 90 кв. м составляли более 70% вводимой жилой площади⁴⁴. Циркуляр Госсовета от 31 августа об усилении контроля за землепользованием, похоже, способен реально остановить или существенно уменьшить незаконное изъятие сельхозземель и навести должный порядок в ценообразовании в сфере прав пользования землей и в налогообложении доходов, получаемых от освоения земельных участков⁴⁵. Для реализации намеченных мер на практике в Китае учреждается специальный орган по надзору за землепользованием (Главнадзор), которым по совместительству будет руководить министр земельных и природных ресурсов⁴⁶.

Немаловажным направлением деятельности Госсовета традиционно является публикация Белых книг, освещающих позицию КНР по актуальным внутренним и международным проблемам. В 2006 г. были обнародованы Белые книги о защите окружающей среды в Китае в 1996—2005 гг., о заботе в Китае о пожилых людях, о космической деятельности Китая (приурочена к 50-летию начала исследований космоса в КНР), о национальной обороне.

Как следует из последнего материала, в Китае проводится курс на поддержание относительно компактной (к концу 2005 г. в НОАК насчитывалось 2,3 млн военнослужащих), но располагающей самыми современными видами вооружений и обладающей высокой боеспособностью армии. Вместе с тем, в КНР неизменно подчеркивают, что ее военная политика носит исключительно оборонительный характер, а модернизация вооруженных сил направлена на повышение способности “защищать национальный суверенитет, безопасность и объединение страны” (очевидный отсыл к решению Тайваньской проблемы)⁴⁷. Последовательно увеличивая бюджетное финансирование НОАК, китайское руководство одновременно всячески подчеркивает принцип “абсолютного руководства армией со стороны партии”, о чем вновь напомнил Ху Цзиньтао на встрече с представителями армейских кругов по случаю Праздника Весны в январе 2006 г.⁴⁸

Заслуживает внимания и присвоение в июне 2006 г. воинского звания “генерал-полковник” десяти военачальникам, свидетельствующее, судя по всему, о стремлении Ху Цзиньтао укрепить свое влияние в армии⁴⁹.

Провозглашенный руководством Китая курс на создание в стране гармоничного общества предъявляет дополнительные требования к обеспечению *социальной стабильности*. В течение года из КНР поступала информация о

достаточно внушительных протестных действиях населения. Например, в январе 2006 г. рабочие обанкротившегося оборонного предприятия в г. Чэнду захватили директора завода, чтобы добиться выплаты зарплаты и предотвратить продажу предприятия на сторону по заниженной цене⁵⁰. Тем не менее, по утверждению Чэнь Сивэня, главы канцелярии Центральной руководящей группы по работе в деревне, благодаря отмене сельхозналога и внедрению рыночной системы обращения зерна, количество протестных действий в деревне в 2006 г. (связанных преимущественно с незаконной экспроприацией земли или недостаточной компенсацией за ее изъятие) сократилось на 20% по сравнению с 2005 г., составив менее половины из 23 тысяч массовых протестных действий в стране в целом⁵¹.

Итоги социально-экономического развития Китая в 2006 г. оставляют двоякое впечатление.

С одной стороны, продолжилось поступательное наращивание экономической мощи страны. Валовой внутренний продукт КНР вырос на 10,7% по сравнению с 2005 г. и достиг 20,94 триллиона юаней (2,7 триллиона долларов США)⁵².

Завершено сооружение уникальной Цинхай-Тибетской железной дороги.

Проведение крупных первичных размещений акций Банка Китая и Торгово-промышленного банка Китая наряду с мерами по преобразованию в обращающиеся значительной части акций государственных предприятий, ранее выведенных из сферы рыночной торговли (суммарно порядка 250 млрд долл.), позволили после пятилетнего спада существенно оживить рынок акций⁵³.

Пятилетие членства во Всемирной торговой организации Китай отметил новым рекордным показателем объема внешнеторгового товарооборота — 1760,6 млрд долл.⁵⁴ — и выполнением своих обязательств перед ВТО по открытию банковского сектора для иностранного капитала⁵⁵.

Удалось сохранить невысокий по международным меркам уровень роста потребительских цен — 1,5% по сравнению с 1,8% в 2005 г.⁵⁶

Появились некоторые признаки оздоровления ситуации в деревне, являющейся в последние годы объектом первостепенного внимания руководства страны. Удалось стабилизировать сбор зерна, который увеличивается третий год подряд и составил в 2006 г. 497 млн тонн. Лучшему отстаиванию интересов крестьян и в конечном счете увеличению их доходов могут помочь возрождение кооперативного движения на селе⁵⁷ (диктуемого экономической необходимостью и развивающегося на сугубо добровольной основе), а также развертывание третьего этапа реформы в деревне, ориентированного на преобразование органов административного и финансового управления в волостях и поселках (первый этап — внедрение семейного подряда, второй — ликвидация сельхозналога)⁵⁸. По-своему показательно, что в 2006 г. располагаемые доходы жителей села выросли примерно в той же пропорции, что и доходы горожан (соответственно 3587 юаней на человека при приросте 10,2% на селе и 11759 юаней — при приросте 12,1% в городе)⁵⁹.

Усилившееся при Ху Цзиньтао социальное измерение экономического роста в КНР должно получить дальнейшее закрепление по мере реализации Программы развития трудовых отношений и социального обеспечения в 11-й пятилетке, обнародованной в ноябре⁶⁰. Уровень зарегистрированной безработицы в городах по итогам 2006 г. несколько снизился по сравнению с предыдущим годом и составил 4,1%. Начата разработка новой схемы медицинского страхования населения взамен действующей, которая вызвала многочисленные нарекания населения и была признана неудачной.

С другой стороны, предпринятые в течение года меры макрорегулирования, призванные несколько замедлить динамику роста, пока дали лишь ограниченные результаты. Хотя прирост инвестиций в основные фонды, составивший 24%, удалось снизить на 2 процентных пункта по сравнению с 2005 г., их объем (около 11 триллионов юаней)⁶¹ и темпы прироста остаются аномально высокими, равно как и годовые темпы экономического роста.

Такая ситуация порождает целый веер негативных последствий. Так, стране не удалось достичь намеченного на 2006 г. в соответствии с ориентирами 11-й пятилетки сокращения удельной энергоемкости ВВП на 4% и сокращения выбросов веществ, загрязняющих окружающую среду, на 2%⁶². Это свидетельствует не только о том, что и без того неблагоприятная экологическая обстановка в КНР продолжает ухудшаться, но и о серьезных сложностях в осуществлении декларированного поворота экономического развития страны от опоры преимущественно на экстенсивные факторы роста к опоре на интенсивные.

Кроме того, гипертрофированные объемы производства в Китае все новых и новых видов продукции создают растущее давление на мировой рынок, затрагивая интересы все большего числа стран. Например, в 2006 г. Китай выплавил 422,66 млн т стали⁶³, импортировав для нужд своей черной металлургии 325 млн т железной руды, что составило около половины общего мирового объема ее морских перевозок⁶⁴.

В данной ситуации некоторое снижение темпов экономического роста, прогнозируемое многими китайскими и зарубежными экспертами уже начиная с 2007 г.⁶⁵, сыграло бы положительную роль прежде всего для самого Китая, дав ему своего рода передышку для назревшей корректировки экономической политики.

Важным шагом в этом направлении стало заметное *переосмысление* в КНР в 2006 г. *подходов к развитию внешнеэкономического комплекса страны*.

Среди многообразных причин, подтолкнувших китайское руководство к такому пересмотру, важнейшими, на наш взгляд, являются следующие.

— Неудовлетворенность сегодняшним местом КНР в международном разделении труда. Несмотря на завоевание позиций “мировой фабрики”, Китай пока не слишком преуспел в создании передовых технологий (сохраняется примерно 70-процентная зависимость страны в ключевом оборудовании от импорта) в продвижении на мировой рынок продукции собственных “брендов”, право интеллектуальной собственности на которые принадлежало бы китайским компаниям.

По мнению ряда китайских экономистов, огромный и все возрастающий ввоз сырой нефти и ряда видов сырья также отчасти связан с фактически навязанным Китаю переносом на его территорию некоторых видов производств и несет с собой не только какие-то плюсы, но и очевидные минусы, например, загрязнение окружающей среды, сопровождающее нефтепереработку и развитие черной металлургии⁶⁶.

— Ослабление, вслед за ростом уровня заработной платы в КНР, долгосрочных конкурентных преимуществ многих традиционных товаров китайского экспорта, связанного с дешевизной рабочей силы. Классический пример — текстиль, доходность от вывоза которого уже сейчас незначительна. Ситуация объективно требует сдвига в структуре экспорта в пользу более наукоемкой и капиталоемкой продукции.

— Отказ в июле 2005 г. от политики жесткой привязки курса юаня к доллару США и переход к более гибкой политике формирования обменного курса национальной валюты. “Ползучее” укрепление юаня — а за полтора года его курс повысился с 8,2766 юаня за доллар США до 7,7755 юаней за доллар, т.е. примерно на 6% — стало одним из главных факторов, обусловивших возросший приток иностранного капитала в страну (в том числе и спекулятивных средств в расчете на дальнейшую ревальвацию юаня) и быстрое наращивание объема золотовалютных резервов Китая — с 818,9 млрд долл. на конец 2005 г. до 1066,3 млрд долл. на конец 2006 г.⁶⁷. Ситуация, когда валютная запасы в стране достигли трети ВВП при международно признанной норме в 10%, подталкивает КНР к поиску новых путей стерилизации избыточных валютных резервов, в частности, к активизации инвестиционной деятельности за рубежом.

— Формирование огромного положительного сальдо торгового баланса, превысившего в 2006 г. 177 млрд долл., вызывает растущее недовольство со стороны ведущих торговых партнеров Китая и порождает ответное давление в виде расту-

щего числа антидемпинговых расследований в отношении китайских товаров, введения повышенных пошлин на экспортные товары КНР и т.п.⁶⁸

— Недовольство отечественных товаропроизводителей льготным режимом налогообложения для иностранных инвесторов, до поры до времени оставлявшееся без внимания, достигло, похоже, критической массы. Сегодня оно объективно играет на руку китайскому руководству, стремящемуся сдержать дальнейшую экспансию транснациональных корпораций на внутренний рынок страны.

Сформировать новую, более эффективную и лучше отвечающую стратегическим целям страны модель развития внешней торговли и внешнеэкономических связей в целом предполагается к концу нынешней пятилетки, т.е. к 2010-му году. Однако ряд принципиальных ориентиров такой модели уже озвучен.

Как заявил на всекитайском рабочем совещании по вопросам торговли 15 января 2007 г. министр коммерции КНР Бо Силай, Китаю предстоит «перейти от высокоинтенсивного экспорта и активного сальдо к экспорту качественных товаров и балансу во внешней торговле»... «Речь идет об обеспечении разумного роста экспорта и оптимизации его структуры»... Китаю предстоит «реально уменьшить количество экспортных предприятий, расходующих большое количество ресурсов и энергии». Одновременно «следует энергично расширять импорт передовых технологий и ключевого оборудования, необходимых для страны, создавать за рубежом зоны технико-экономического сотрудничества»⁶⁹.

В 2006 г. были приняты и некоторые практические шаги по совершенствованию внешнеэкономической деятельности.

Серьезному пересмотру подверглись ставки возврата налогов при экспорте продукции. С 14 сентября 2006 г. был отменен возврат налогов при экспорте неметаллической минеральной продукции (за исключением соли и цемента), в т.ч. угля и природного газа, а также при экспорте некоторых видов продукции из древесины. С 11% до 8% снижена ставка возврата налога при экспорте 142 наименований стального проката, с 13% до 11% — при экспорте текстильных изделий, мебели, пластмасс, с 13% до 5% — при экспорте цветных металлов. Одновременно повышена ставка возврата налога при экспорте ключевого и некоторых видов телекоммуникационного оборудования, биомедицинской продукции (с 13% до 17%), а также для ряда видов продукции, произведенной из сельхозсырья (с 5 или 11% до 13%)⁷⁰. Ожидается, что эта мера будет способствовать оптимизации структуры экспорта КНР.

Намечено усилить позиции Китая в торговле услугами, в т.ч. в аутсорсинге деловых услуг⁷¹, в предоставлении которых страна пока существенно уступает Индии.

Важным элементом импортной политики должно стать создание стратегических запасов не только нефти (эта работа уже идет), но и других дефицитных видов ресурсов. Одновременно Китай предполагает несколько ослабить в перспективе зависимость от импорта нефти за счет производства жидкого топлива на основе собственного угля.

Прямые китайские инвестиции за рубежом увеличились с 12,26 млрд долл. в 2005 г. до 16,13 млрд долл. в 2006 г. (прирост на 31,6%). По состоянию на конец года накопленный объем прямых инвестиций Китая за рубежом достиг 73,33 млрд долл.⁷² Существуют планы доведения в сжатые сроки экспорта капитала Китаем до уровня, сопоставимого с привлечением им прямых иностранных инвестиций (в 2006 г. оно составило 69 млрд долл.)⁷³.

Впервые обнародованный пятилетний план использования Китаем иностранных инвестиций предполагает в большей мере, чем ранее, подчинить привлечение зарубежного капитала решению стоящих перед ним крупных экономических задач, таких как превращение КНР в одну из мировых баз производства продукции с высокой добавленной стоимостью и создание в стране самостоятельно развивающейся инновационной системы. Одновременно декларировано свертывание привлечения иностранных инвестиций в доминиру-

вавшие до настоящего времени сферы простой переработки давальческого сырья и сборки изделий из компонентов или по образцам заказчика⁷⁴. Симптоматично, что эта декларация была немедленно подкреплена существенным расширением в Китае перечня видов продукции, запрещенных для ведения торговли, базирующейся на давальческих операциях (“цзягун маои”)⁷⁵.

Все вышеназванные меры призваны способствовать трансформации Китая из просто “большой” в по-настоящему “мощную” внешнеэкономическую державу, занимающую значительно более высокие, чем сегодня, этажи в международном обмене товарами, капиталами, технологиями и услугами.

Одной из отличительных особенностей *внешней политики* КНР в 2006 г. стала заметная активизация отношений с государствами Африканского континента, объем торговли с которыми достиг 55,5 млрд долл. по сравнению с 40 млрд долл. в 2005 г. Мощный импульс наращиванию многопланового сотрудничества, заданный визитом Вэнь Цзябао в 7 африканских государств в июне и ноябрьским саммитом лидеров Китая и Африки с участием высокопоставленных представителей 48 государств континента, был подкреплён визитом Ху Цзиньтао в 8 африканских стран в начале 2007 г.

Реализации давней китайской идеи налаживания конструктивного взаимодействия в формате “Юг—Юг”, т.е. между развивающимися странами, может способствовать и интенсификация связей КНР с Латинской Америкой, продемонстрированная весьма результативным визитом главы китайского парламента У Банго в Уругвай, Бразилию и Чили в сентябре.

По нарастающей развивается взаимодействие Китая с Индией. В 2006 г. объем двусторонней торговли вплотную подошел к рубежу в 25 млрд долл.

Традиционно значительное внимание Пекин в 2006 г. уделял полноформатному развитию отношений с соседними государствами — со странами-членами АСЕАН и центрально-азиатскими республиками, в том числе в формате Шанхайской организации сотрудничества, отметившей свое пятилетие.

Дипломатические усилия Пекина содействовали возобновлению шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова, которая приобрела дополнительную остроту после испытания КНДР 9 октября 2006 г. ядерного устройства.

С приходом Синдзо Абе на пост главы японского правительства вместо Д. Коидзуми наметилось улучшение отношений Китая с Японией, которая осталась одним из его ведущих торговых партнеров (в 2006 г. двусторонний товарооборот вырос на 12,5% и достиг 207,35 млрд долл.).

После краткосрочной заминки вновь активизировались отношения Китая с Европейским Союзом. На 9-м саммите ЕС — Китай в Хельсинки в сентябре принято решение о выработке нового всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве взамен прежнего, заключенного еще в 1985 г. и уже не отвечающего требованиям времени. ЕС сохранил позицию крупнейшего торгового партнера Китая. В 2006 г. объем двусторонней торговли вырос на 25,3% и достиг 272,3 млрд долл. (182 млрд долл. — экспорт Китая и 90,3 млрд долл. — импорт Китая). ЕС остается и крупнейшим поставщиком в Китай современных технологий. Их экспорт в 2006 г. составил 8,66 млрд долл. (около 40% общего объема импорта технологий Китаем) против 5,24 млрд долл. экспорта технологий в Китай Японией и 4,23 млрд долл. экспорта технологий в Китай Соединенными Штатами⁷⁶. В то же время, ЕС пока не снимает эмбарго на поставки в Китай военной техники и вооружений.

Отношения с США оставались в 2006 г. в центре внимания китайского руководства. Проведение в декабре в Пекине первого стратегического экономического диалога двух стран позволило детально обсудить проблемы курса юаня, защиты интеллектуальной собственности и открытости китайского рынка. Однако наиболее беспокоящая американскую сторону проблема ее огромного отрицательного сальдо в торговле с Китаем пока далека от решения. По дан-

ным таможенной статистики КНР, в 2006 г. оно превысило 144 млрд долл. (экспорт КНР в США 203,47 млрд, импорт КНР — 59,21 млрд, товарооборот 262,68 млрд долл.). По американским данным, в 2006 г. отрицательное сальдо США в торговле с КНР превысило 232,5 млрд долл. по сравнению с 201,5 млрд долл. за 2005 г.⁷⁷ Сохраняются в США и опасения относительно возможного вызова со стороны усиливающегося Китая американскому лидерству в мире.

Китай прилагал в течение 2006 г., объявленного “Годом России в Китае”, неустанные усилия к поступательному развитию отношений стратегического партнерства с Российской Федерацией и особенно к укреплению социальной базы китайско-российских отношений. В целом это удалось. Насыщенный и откровенный характер носили контакты на уровне глав государств и правительств, плотнее стала ткань межрегионального двустороннего сотрудничества. Окончательное решение России о строительстве нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан с ответвлением в Китай и договоренности о строительстве газопроводов из России в КНР будут способствовать выведению китайско-российского торгово-экономического взаимодействия на новый количественный и качественный уровень. Объем двусторонней торговли в 2006 г. достиг 33,4 млрд долл. (в т.ч. 17,6 млрд долл. — экспорт России, прирост — 10,5%, и 15,8 млрд долл. — импорт России, прирост 19,8%)⁷⁸.

Вместе с тем, несмотря на характеристику обеими сторонами современных отношений между Китаем и Россией как наилучших в истории, они не обходятся без некоторых шероховатостей. В 2006 г. это, в частности, были: преодоление последствий загрязнения по вине китайской стороны в конце 2005 г. реки Сунгари, несущей свои воды в Амур; отсрочка с выполнением российской стороной контракта на поставку в Китай военно-транспортных самолетов ИЛ—76; проблемы, вызванные введением Россией поправок в миграционное законодательство и усилением борьбы с “серой растаможкой” импортируемых из КНР бытовых товаров. Важно, что обе стороны продемонстрировали настрой на конструктивное практическое решение возникающих вопросов. Может быть, именно поэтому двустороннее сотрудничество Китая и России в последнее время все чаще характеризуется партнерами как “прагматическое”.

1. Синьхуа юэбао (цзилу). № 740. 2006. 15 марта. С. 11—12.
2. Жэньминь жибао. 2006. 12 сентября.
3. Синьхуа юэбао (цзилу. 2006.). № 740. С. 11—12.
4. Чжунгун чжунъян гоуюань гуаньюй туйцзинь шэхуйчжуи синь нунцунь цзяньшэ дэ жогань ицянь — Жэньминь жибао. 2006. 22 февраля. Документ датирован 31 декабря 2005 г.
5. Жэньминь жибао. 2006. 31 июля.
6. Жэньминь жибао. 2006. 7 сентября.
7. См.: Синьхуа юэбао (цзилу). 2006. № 742. 15 апреля. С. 5—14, 73. Особое значение встреч Ху Цзиньтао с делегациями Шанхая и НОАК подчеркнуто уже самим по себе расположением информации о них в журнале: они, во-первых, даны отдельно от общего информационного сообщения о ходе работы сессии ВСНП, в котором приведены сведения о всех остальных встречах Ху Цзиньтао и других руководителей страны с различными группами депутатов парламента, и, во-вторых, помещены текстуально перед материалами итоговой пресс-конференции премьера Вэнь Цзябао.
8. Жэньминь жибао. 2006. 1 июля
9. Жэньминь жибао. 2006. 23 октября.
10. Ба жун ба чи данъюань ганьбу дубэнь (“Книга для чтения кадровыми работниками о восьми видах деяний, заслуживающих прославления, и восьми видах действий, требующих порицания”) — Пекин. Хунци чубаньшэ. 2006. С. 1.
11. Там же. С. 79—84, 86.
12. Напомним, что одними из первых акций Ху Цзиньтао после избрания на пост генсека стали призыв следовать наказу Мао Цзэдуна членам компартии “быть скромными и осмотрительными, оставаться упорными и самоотверженными в борьбе” и по-

- пытка развернуть в стране новую кампанию "учебы у Лэй Фэна". — См.: Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 28—29.
13. Жэньминь жибао. 2006. 19 октября.
 14. См., например: У Банго. Гоуцзянь шэхуйчжуи хэсе шэхуй дэ ганлинсин зэньцзянь ("Программный документ строительства гармоничного социалистического общества") // Жэньминь жибао. 2006. 20 октября.
 15. На состоявшейся в Пекине 25—26 сентября 2006 г. Конференции по проблеме обновления теории социализма зам. директора Академии макроэкономических исследований Комитета развития и реформ Госсовета КНР Лю Фуюань высказал мнение, что ныне в Китае "идет постепенное выхолащивание общественной собственности, основная часть прибавочной стоимости попадает в руки немногих людей" // Чжунго гайгэ. 2006. № 11. С. 25.
 16. Синьхуа юэбао (цзилу). № 744. 2006. 15 мая. С. 9—10.
 17. Первое по времени выступление Цзян Цзэминя, вошедшее в его "Избранное", датировано 21 августа 1980 г. и посвящено разъяснению на заседании ПК ВСНП Положения об учреждении специальных экономических зон в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Последнее по времени из помещенных в "Избранное" выступлений Цзяна состоялось 20 сентября 2004 г. на первом расширенном заседании Центрального военного совета КПК нового состава, когда функции Председателя совета перешли от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао // Жэньминь жибао. 2006. 10 августа.
 18. Можно, например, предположить, что публикация "Избранного" Цзян Цзэминя была просто приурочена к 80-летию Цзяна или явилась своего рода данью традиции, установившейся в Китае — ведь "Избранное" Дэн Сяопина было также опубликовано при жизни автора, но после его ухода со всех постов в партии, государстве и армии, и так же в трех томах. Однако хронологическое соседство момента выхода сборника речей Цзян Цзэминя в свет и последовавшего вскоре смещения со своего поста секретаря парткома Шанхая Чэнь Ляньюя (Соответствующее решение ЦК КПК было принято 24 сентября 2006 г.) позволяет рассматривать как минимум еще две версии: либо с помощью публикации "Избранного" Цзян Цзэминь заранее выводился из под удара, ведь Чэнь Ляньюй небезосновательно считался его протеже, либо, напротив, эта публикация была действительно расценена как покушение на авторитет Ху Цзиньтао и спровоцировала нанесение "ответного удара", каковым стало смещение Чэнь Ляньюя. Как бы то ни было, вскоре последовала символическая демонстрация политической близости Ху Цзиньтао и Цзян Цзэминя: оба они, правда, в разное время (16 и 21 октября соответственно) посетили выставку в Военном музее в Пекине, посвященную 70-летию завершения Великого похода. — См.: Синьхуа юэбао (цзилу). № 756. 2006. 15 ноября. С. 29—31.
 19. Синьхуа юэбао (цзилу). № 752. 2006. 15 сентября. С. 7. "Тройное представительство" — центральная теоретическая концепция Цзян Цзэминя, гласящая, что Компартия Китая является представителем передовых производительных сил, передовой культуры и коренных интересов народа.
 20. Жэньминь жибао. 2006. 16 августа.
 21. Жэньминь жибао. 2006. 1 июля.
 22. Жэньминь жибао. 2006. 14 июля.
 23. Жэньминь жибао. 2006. 29 июня.
 24. Так по крайней мере было сделано в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах // Ляован дунфан чжоукань. 2006. 9 ноября. С. 25.
 25. <http://politics.people.com.cn/GB/1026/4037171.html>
 26. China Daily. 2007 January 26.
 27. Синьхуа юэбао (цзилу). 2006. 15 сентября. С. 41—44.
 28. <http://russian1.people.com.cn/31521/5039309.html>
 29. Ляован дунфан чжоукань. 2006. 19 октября. С. 31.
 30. 19 мая 2006 г. Канцелярия Госсовета КНР распространила Уведомление о политических мероприятиях по претворению в жизнь мнений ЦК КПК и Госсовета КНР о содействии подъему Центрального региона Китая // Чжунхуа жэньминь гунхэгоуянь гунбао (Вестник Госсовета КНР). 2006. № 19. С. 27—31.
 31. <http://russian1.people.com.cn/31521/4854974.html>
 32. <http://russian1.people.com.cn/31521/5028805.html>

33. Жэньминь жибао. 2006. 26 июля.
34. См.: Чжунхуа жэньминь гунхэго гоююань гунбао. 2006. № 29. С. 4—8.
35. Жэньминь жибао. 2006. 2 марта.
36. Подробнее см.: Портяков В. Китайская Народная Республика: основные ориентиры 11-й пятилетки // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 30—32.
37. Жэньминь жибао. 2006. 1 сентября.
38. Соответствующий документ был принят Госсоветом 3 декабря 2005 г., но вступил в силу с 1 января 2006 г. Он предусматривает распространение страхования по старости на индивидуальных промышленников и торговцев и лиц с гибкой занятостью. Доля отчислений, идущих на индивидуальные накопительные счета, снижена с 11% до 8% ежемесячной средней заработной платы рабочих и служащих // Синьхуа юэбао (цзилу). 2006. № 736. 15 января. С. 14—16.
39. Синьхуа юэбао (цзилу). 2006. № 744. 15 мая. С. 53—56.
40. Жэньминь жибао. 2006. 1 сентября.
41. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоююань гунбао. 2006. № 19. С. 16—20.
42. <http://russian1.people.com.cn/31521/3971126.html>
43. В частности, с 19 августа 2006 г. ставка по годовым депозитам была увеличена с 2,25% до 2,52%, а по годовым кредитам — с 5,85% до 6,12% // Жэньминь жибао. 2006. 19 августа.
44. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоююань гунбао. 2006. № 19. С. 22—24.
45. Жэньминь жибао. 2006. 6 сентября.
46. <http://russian1.people.com.cn/31516/4630927.html>
47. China Daily. 2007. February 2. Интервью заместителя начальника Генштаба НОАК Чжан Циньшана.
48. Дунсян. Гонконг. 2006. № 2. С. 9.
49. Среди них — заместители начальников Главного политического управления НОАК, политкомиссары различных родов войск, политкомиссары и командующие ряда военных округов — <http://russian1.people.com.cn/31521/4528118.html>
50. <http://news.mail.ru/news.html?929650>.
51. China Daily. 2007. January 31. Надо сказать, что эти данные не совпадают с приводившимися ранее в гонконгской печати намного более высокими цифрами несанкционированных протестов населения в КНР в 2005 г. Так, по утверждению журнала "Дунсян" со ссылкой на официальный доклад Центральной комиссии по оздоровлению общественного порядка, в 2005 г. в КНР в общей сложности было зарегистрировано 96408 случаев несанкционированных протестных действий населения с участием 8,2 млн человек // Дунсян. Гонконг, 2006. № 2. С. 10.
52. <http://russian1.people.com.cn/31521/5327987.html>. Следует иметь в виду, что темпы прироста ВВП КНР в 2005 г. были уже в начале 2007 г. пересмотрены и повышены с 9,9% до 10,4% — до 18,387 трлн юаней, или 2,327 трлн долларов. При прежних данных за 2005 г. прирост ВВП в КНР в 2006 г. был бы еще выше. — China 2005 GDP growth revised to 10.4 percent // China Daily. 2007. January 24.
53. По некоторым данным, за 2006 год курсовая стоимость акций на Шанхайской бирже ценных бумаг выросла на 130%, а на Шэньчжэньской бирже — на 95%. Рыночная капитализация Шанхайской биржи достигла 800 млрд долл., а Шэньчжэньской — 230 млрд долл. // BOFIT Weekly (Bank of Finland. Institute for Economies in Transition). Helsinki. 2007. 5.1.
54. Внешнеторговый товарооборот Китая в 2006 г. вырос на 23,8%. Экспорт увеличился на 27% и достиг 969 млрд долл., а импорт — на 20%, до 791,6 млрд долл. // China Daily. 2007. January 11.
55. 11 декабря 2006 г., т.е. ровно через пять лет после официального присоединения КНР к ВТО, вступило в силу пересмотренное "Положение КНР о контроле над банками, основанными на иностранном капитале", предусматривающее отмену основных ограничений для иностранных банков для работы на китайском рынке — <http://russian1.people.com.cn/31521/5056237.html>.
56. China Daily. 2007. January 25.
57. К концу 2005 г. в КНР насчитывалось более 150 тысяч специализированных кооперативных экономических организаций крестьян с участием более 23 млн крестьянских дворов, т.е. одной десятой их общего количества. 37,3% из них представляют собой производственно-сбытовые кооперативы, 11,3% — транспортные, 19,5% зани-

- маются предоставлением технических и информационных услуг, 8,9% — переработкой продукции и 2% — оказанием складских услуг // Ляован. 2006. 6 ноября.
58. Жэньминь жибао. 2006. 4 сентября.
 59. China Daily. 2007. January 25.
 60. Жэньминь жибао. 2006. 9 ноября.
 61. China Daily. 2007. January 25.
 62. China Daily. 2007. January 10.
 63. <http://finance.people.com.cn/GB/71364/5426774.html>
 64. China Daily. 2006. December 29.
 65. Эксперты исходят из того, что, начиная с 2007 г., начнет в большей мере ощущаться эффект мер макрорегулирования экономики, запущенных в действие в 2006 г. Кроме того, должны сказаться и общие закономерности цикличности экономического роста в Китае. Поэтому специалисты МВФ, Всемирного банка и Азиатского банка развития прогнозируют снижение прироста ВВП Китая в 2007 г. до 9,5—10% (BOFIT Weekly. Helsinki. 2.2.2007). Ученые Академии общественных наук Китая прогнозируют снижение прироста ВВП страны в 2007 г. до 10,1% // Чжунго шэжуй кэсюэюань юаньбао. 2006. 26 октября.
 66. Эта идея в последние месяцы неоднократно поднималась в китайских СМИ. Так, на состоявшемся 10 октября 2006 г. “круглом столе” журнала “Шицзе чжиши” помощник директора Института мировой экономики и политики АОН Китая Хэ Фань поставил вопрос о том, что иностранные потребители китайской продукции, произведенной с использованием импортированных Китаем сырья и энергоносителей, никоим образом не возмещают КНР ущерб, наносимый при этом ее окружающей среде. Это — часть цены, которую Китаю приходится платить за втягивание в процесс глобализации // Шицзе чжиши. Пекин. 2006. № 21. С. 16. В интервью главного экономиста Всемирного банка в КНР Хао Фуманя корреспонденту газеты “Жэньминь жибао” в связи с претензиями к Китаю относительно растущего объема выбросов им в атмосферу тепличных газов также утверждается, что “загрязнение окружающей среды в Китае вызвано не только им” — <http://russian1.people.com.cn/31521/5314033.html>
 67. Чжунго тунци чжайяо 2006 (Краткая статистика Китая 2006). Пекин. 2006. С. 82; <http://russian1.people.com.cn/31521/5290272.html>
 68. В 2006 г. 25 стран и регионов начали в отношении китайских товаров 63 антидемпинговых расследования, 2 расследования относительно незаконного субсидирования, 16 дел по применению защитных механизмов и 5 специальных расследований на предмет применения защитных мер — всего 86 эпизодов (на 37% больше, чем в 2005 г.) с суммой претензий свыше 2 млрд долл. — <http://english.people.com.cn/200701/16/eng20070116—341716.html>
 69. <http://russian1.people.com.cn/31521/5302329.html>
 70. Жэньминь жибао. 2006. 15 сентября.
 71. В 11-й пятилетке (2006—2010 гг.) Китай предполагает создать примерно тысячу предприятий, обладающих международной аккредитацией для ведения операций аутсорсинга — http://english.people.com.cn/200701/25/print20070125_344786.html
 72. Жэньминь жибао. 2006. 6 сентября; <http://russian1.people.com.cn/31518/5327956.html>
 73. <http://finance.people.com.cn/GB/71364/5426774.html>
 74. <http://russian1.people.com.cn/31521/5024210.html>
 75. В общей сложности запрет коснулся 804 позиций, при этом, однако, продукция машиностроения и электротехники, составляющая 75% объема данного вида торговли, затронута не была // Жэньминь жибао. 2006. 10 ноября.
 76. China Daily. 2007. January 28.
 77. <http://www.census.gov/foreign—trade/balance/c5700.html>
 78. http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11661358

Россия и Китай: перспективы взаимодействия в новых энергетических условиях

© 2007

Л. Бадалян, В. Криворотов

Бурный рост современной Азии¹ выдвигает этот регион на передовые рубежи развития. Необходимость освоения ее территории с применением новых технологий, способных обеспечить адекватный уровень жизни для миллиардов людей, становится все более актуальной и очевидной.

Россия и Китай расположены на противоположных оконечностях огромного азиатского континента, олицетворяя собой, с одной стороны, малонаселенный север, богатый ресурсами, тяжелой индустрией и научным потенциалом, а с другой стороны, густонаселенный юг, остро нуждающийся в ресурсах и развитии наукоемких производств, открывающих перспективу повышения уровня жизни. Географический центр региона — Центральная Азия граничит с бурлящим ареалом пробужденного мусульманского мира.

Весь огромный азиатский материк с его сложными внутренними и климатическими условиями, практическим отсутствием судоходства и сети разветвленных скоростных автомобильных дорог, с весьма ограниченными возможностями в плане орошения пахотных земель нуждается в новой парадигме освоения. Понимание перспектив и опасностей будущего поможет избежать чреватых революцией срывов в процессе развития и роста при условии налаживания взаимовыгодного сотрудничества между взаимодополняющими странами региона².

Основные понятия: геоклиматическая зона, ценоз, неэластичный ресурс

Освоение новых геоклиматических зон, резко отличающихся от своих предшественниц, происходило за историю человечества всего шесть раз — от архаичной шумерской древности до современных США³. Цивилизация распространялась по миру шажками, осваивая новые геоклиматические зоны по мере исчерпания потенциала роста старых. Традиционно выделяемые исторические периоды разворачивались в четко очерченных регионах со своей географией, полезными ископаемыми, специфическим климатом, набором полезных растений и животных, культурой и языком. Несмотря на всю несхожесть действующую

Бадалян Л.Г. — к. ф.-м. н. Работала старшим научным сотрудником Института истории АН СССР (позже РАН). В настоящее время — аналитик в "Миллениум Воркшоп" (США). Автор около 40 публикаций, включая две монографии (в соавторстве) и статьи в социологическом словаре.

Криворотов В.Ф. — к. ф.-м. н. Занимал ряд должностей в АН СССР и союзных министерствах. В настоящее время — аналитик в "Миллениум Воркшоп" (США). Автор более 50 публикаций, включая две монографии (под псевдонимом).

щих лиц и исполнителей, процесс освоения каждый раз развивался по удивительно идентичному сценарию⁴. Рост ценнозос обеспечивался за счет локальных ресурсов с построением адекватной инфраструктуры их добычи и использования. Уникальные социальные институты эпохи оптимизировали присвоение природных богатств региона.

Так, первые государства выросли на основе суперинтенсивного земледелия на легких лессовых почвах в дельтах великих рек, в крошечной и исключительно плодородной геоклиматической зоне. Ирригационная земля, главное богатство ценноза и *созданный им новый объект присвоения*, управлялась монархической и церковной бюрократией. В свою очередь, построение каналов не было бы возможным без мускульной силы больших коллективов, дара суперплодородного лесса зоны великих рек⁵. Социальными усилиями людских масс, строивших и поддерживавших инфраструктуру каналов, вырос эгалитаризм ранних городов-государств.

Подобным же образом Британская империя в XIX в. стала владычицей мира благодаря своему уникальному ресурсу — углю. Начало роста датируется с аграрной революции XVII в., связанной с массивной приватизацией (“огораживание”) общинных земель (commons). Последние были заняты под производство жизненно необходимого топливного дерева⁶ и “высвобождались” под другие хозяйственные нужды по мере вытеснения его углем⁷. Создание нового объекта присвоения привело к *британскому нововведению — частной собственности на землю*, имевшей ценность вне зависимости от присутствия крестьянина (Badalian, Krivorotov, 2006).

Пик расширявшегося использования угля⁸ совпал с индустриальной революцией, резко увеличившей его важность в экономике. Позже мощь страны была подкреплена т.н. “дипломатией” паровых канонерок и “аграрным” колониализмом — неотъемлемыми элементами глобальной инфраструктуры угля. Расселение по миру оплатили коммерциализацией культурных растений в рамках экономики *laissez faire*, таких как табак, сахарный тростник и хлопок. Ранее они произрастали только в узких природных анклавах, а теперь могли доставляться потребителю издалека. Сеть глобальных перевозок паровозами и пароходами управлялась из Лондона — центра обширной британской инфраструктуры контроля над мировой торговлей. Технологическим компонентом последней являлись угольные станции, а военным — канонерки. Финансы были основаны на универсальной валюте — “золотом” фунте стерлингов. Ценность валюты поддерживалась южно-африканским золотом и платежами колониальной Индии (около 2/5 госбюджета) (Hobsbawm, 1999). Значительные затраты страны-лидера по поддержанию мировой инфраструктуры угля были более чем компенсированы ее “долей” от каждой глобальной сделки, независимо от участников.

Аналогичный скачок развития имел место и в XX в. в ареале лидеров периода — США и СССР — с введением в оборот избыточного местного ресурса — дешевой нефти. Строго говоря, в СССР не возникла полноценная нефтяная экономика американского типа, базирующаяся на автодорогах и массовом автомобиле. Однако выживание страны было обеспечено применением нефтяной технологии на особо критических участках — трактор, грузовик, танк и самолет. Например, эксцессы коллективизации были отчасти компенсированы за счет механизации сельского хозяйства. В результате удалось прокормить города, что, как известно, к концу НЭПа выросло в серьезную проблему (Roberts, 1989). Подобным же образом победа во Второй мировой войне была обеспечена за счет ускоренного развития танков и самолетов. После войны с использованием тракторов на бензиновом двигателе были распаханы земли це-

лины. Как и американские прерии, последние находились в зоне экстремального климата, ранее вне досягаемости земледелия.

Рост противоречий между нефтяной технологией и старой экономикой достиг своей кульминации в крахе СССР. Как отмечал Хобсбаум, СССР удалось развить лучшую в мире экономику XIX в., но, к сожалению, уже в XX в. Похоже, что причины краха банальны и меньше связаны с идеологией, чем, скажем, с географией, а именно, расположением в "неправильной" геоклиматической зоне. Трудно представить себе плотную сеть автодорог в стране, большая часть которой расположена в зоне вечной мерзлоты или раскисает в распутицу. В США, которые стали пионером новой нефтяной экономики (Roberts, 1989), территория оказалась подходящей для прокладки массивной сети скоростных автострад. Резкое уменьшение потерь при доставке продуктов на рынок привело к экономическому росту страны.

Рынок ценных бумаг — новый, чисто американский вид собственности — позволил оптимизировать использование средств многочисленного моторизованного среднего класса в стране для финансирования ее крупных корпораций. В настоящее время, несмотря на "бегство" производства за рубеж, США поддерживают высокий жизненный уровень за счет эмиссии нефтедолларов. Относительная устойчивость доллара связана с его де-факто нефтяным содержанием как финансового основания современной мировой торговли, организованной вокруг нефти. Каждый доллар на мировом рынке выкуплен из США в обмен на вполне реальные потребительские товары. Потоки поддерживаются трехсторонним обменом: Китай продает ширпотреб за доллары в США, расплачиваясь ими за ресурсы/технологии других стран⁶.

Аналогично мировой системе конца XIX в., базировавшейся на торговой монополии Британии с центром в Лондоне, современная мировая торговля держится на уникальной системе политических, правовых и финансовых обязательств, связанных с нефтедолларом. На практическом уровне это обеспечивает финансовую монополию доллара как главной расчетной и резервной валюты. Поддержание эмиссии доллара — основа экономического могущества страны. Как и в случае Британии, военная сила страны является необходимым компонентом (enforcement) мировых торговых сделок. Глобализации в значительной степени способствовало и удешевление перевозок за счет контейнерной инфраструктуры мировой торговли конца 1990-х гг., основанной на Интернете. Как было проиллюстрировано выше на примере Британии 1890-х гг., подобного рода "лебединая" песня технологии и связанная с ней экономическая монополия мирового доминанта к концу его периода типичны почти для всех известных исторических ценозов — от Ассирии до США¹⁰.

Из этого следует несколько неожиданный вывод: не исключено, что частная собственность на землю противоречила геоклиматической реальности России. В терминах зоны она выглядит антиадаптационной. В XIX в., в период экономики угля, российские общинные леса не могли быть функционально заменены углем на манер Британии. Поэтому "отрезки" реформы 1861 г. практически лишили среднее крестьянское хозяйство рентабельности, в конечном итоге приведя к революции. В период нефтяной экономики XX в. рентабельность фермерского хозяйства американского типа также не представлялась возможной в отсутствие адекватной сети дорог в зоне, не слишком для них подходящей.

Как показывают эти и аналогичные примеры для других исторических периодов, представленные в прочих работах авторов, в каждый традиционно выделяемый период истории осваивалась жестко определенная геоклиматическая зона, до того недоступная цивилизации, за счет ввода в оборот нового ре-

сурса, дешевого и широкодоступного на местах. Для процветания конкретной страны, таким образом, необходимо точное соответствие ее локального ресурса возможностям ее зоны¹¹. В случае их взаимодополняемости именно этот новый ресурс, который не являлся таковым ранее, может привести к созданию нового объекта присвоения. В процессе выработки особого технологического стиля эпохи это, в свою очередь, ведет к обогащению широких слоев населения.

Адам Смит был абсолютно прав — правильные социальные институты позволяют создать общественное богатство как бы из “ничего”. Однако их успех в один из периодов абсолютно не гарантирует успеха в другой — социальные институты в принципе непереносимы во времени, ибо неповторимы от зоны к зоне. Среди примеров: общественная сеть каналов ранних цивилизаций; полис античности; манор средневековья с собственностью на землю, “завязанной” на службу сюзерену, где земля без крестьян теряла ценность; частная собственность на землю, “освобожденную” от крестьян, в Британии; корпоративная собственность в США, включая механизированную ферму, перезаложённую в банке, и т.п. В случае точного соответствия технологий, местного ресурса и возможностей зоны происходил скачок производительности по сравнению с предыдущей эпохой. То, что было доступно немногим, — типа первых автомобилей в Европе, игрушки для немногих богачей — удешевлялось и становилось достоянием масс и основой экономики региона. Предпосылкой будущего роста являлся скачок в производстве продуктов питания за счет освоения новых территорий еще задолго до формирования технологического стиля эпохи. Например, т.н. “аграрная революция” в Англии XVII в. (до механизации) есть продукт приватизации лесов, замещаемых углем (Clark, 2002).

Ввод нового энергетического ресурса, от коллективного труда до угля и нефти, требовал особых социальных институтов присвоения возникающей из “ничего” собственности, а также специфической инфраструктуры, оптимизирующей его применение в экономике. Это приводило к кардинальной перестройке жизни всего общества. Существование жизненного цикла, развивающегося по идентичным законам независимо от времени и места — причина гомологичности развития известных нам исторических периодов. Каждый раз повторялся один и тот же сценарий роста ценоза с формированием уникального технологического стиля и взаимозависимых пищевых цепочек. Начальный импульс роста возникал за счет утилизации девальвированной старой инфраструктуры типа общинных лесов в Британии или 160 млн акров пастбищ в США, на которых, до введения трактора, пасся тягловый скот. Дальнейший рост обеспечивался расширением функциональности нового ресурса и освоением особой собственности периода: от коммунальной собственности первых цивилизаций до рынка на землю — основы *laissez faire* капитализма в Британии — и до корпоративной собственности современных США. Социальные институты формировались на базе особенностей зоны и ее ресурса.

Переход развития в Азию — типичный сценарий освоения новой зоны

Сегодня, на фоне вливания в мировую экономику колоссального человеческого контингента, включая Азию, происходит размывание массовой занятости — основного социального завоевания XX в. Параллельно растут цены на нефть — основной неэластичный ресурс уходящего ценоза массового общества. Одновременное падение рождаемости на Западе, в России и в Китае — безошибочный признак старения биологического вида — указывает на исчерпание возможностей роста региона в рамках старой экономической парадигмы. При-

зывает к обогащению в условиях отсутствия стабильного собственника, заинтересованного в *долгосрочном* освоении природных богатств, ведет к обострению экологических проблем на фоне увеличения социального размежевания.

Впереди перемещение роста в новую геоклиматическую зону, включая освоение ранее недоступных ресурсов старых центров цивилизации, прежде всего в Азии — центре начавшегося роста. Разработка адекватных технологий и социальных институтов, включая новую форму собственности для новых объектов присвоения, обрисовывает критическую грань между успехом и неудачей. По одну сторону — революции и войны, естественная реакция недозванного населения посреди экологического хаоса. По другую — мир и резкое повышение отдачи местных ресурсов с перспективой роста благосостояния широких масс населения. Опасности срыва роста иллюстрируются примером России — самой быстрорастущей страны мира в начале XX в. В не менее сложной ситуации находится современный Китай, балансируя на грани между процветанием и социальным размежеванием.

Это придает остроту, казалось бы, академическому вопросу о типичном сценарии развития ценоза. Цена ошибок сегодня особо велика, учитывая размер вовлеченной зоны, на порядок превышающей население Европы начала XX в., с потенциалом соответствующей амплификации войн и революционных потрясений. К счастью для нас, сценарий формирования ценоза в пределах своей геоклиматической зоны повторялся шесть раз за тысячелетия письменной истории. Этот ценный опыт можно и нужно применять в практических целях. В прошлом хранятся подробные карты неизведанных пока опасностей и еще не созданных минных полей¹².

Приведем краткий обзор типичных стадий и проблем роста нового ценоза. Исторически рост на местах начинался с местной адаптации, возникающей при отчаянной попытке дальних “окраин” компенсировать дороговизну и нехватку основного неэластичного ресурса уходящей эпохи, в современном случае — нефти. Как дефициты, так и отсутствие громоздкой дорогостоящей инфраструктуры эпохи компенсировались замещением на что-то местное, широкодоступное и дешевое — например, в случае Британии, дерева на уголь¹³. В XIX в. США не обладали полноценной угольной экономикой и “перепрыгнули” в XX в. нефти прямо из века дерева по мере вырубки обширных лесов. Сегодня это может быть природный газ с перспективой перехода на водородную энергетику. Поскольку местный ресурс дешев и изобилует, его стремятся внедрить, где только возможно, на ходу вырабатывая новый технологический стиль эпохи (см., например, такие англоязычные термины, как “Coal Age” или “Oil Age” (Roberts, 1989).

1. Сравнительные преимущества (Competitive advantage). По мере формирования новой экономической парадигмы одна из стран вырывается вперед за счет высокоэффективного местного ресурса. Возникают сравнительные преимущества (competitive advantage), по Рикардо — удачное приспособление к зоне, увеличивающее конкурентоспособность страны. Так, могучее индустриальное сердце США — крупнейшего производителя нефти до нефтяного шока 1973—1981 гг., билось в Детройте, на родине массового автомобиля, что позволило “задешево”, с минимизацией потерь перевозки, освоить безграничные просторы.

2. Выработка ресурсной зависимости. По мере выработки технологических и социальных стандартов лидирующая страна создает рабочие места и богатее. Плата за это велика — специализация. С этого момента жизнь общества зависит от его неэластичного ресурса, ставшего частью его инфраструктуры. Так, богатое потребительское общество США выросло вокруг скорост-

ных автострад (“хайвеев”) с их бензоколонками, пригородов и торговых центров, где есть клиники и школы. Страна практически не имеет общественного транспорта и живет за счет автомобиля, который водят с 16 лет и покидают практически с “уходом в мир иной”.

3. Имперская фаза. Скорее рано, чем поздно, наступает неотвратимый момент истощения богатейших местных запасов стратегического ресурса. Исторически на этом этапе погоня за ним выталкивала страну-лидера за рубеж, в глубинку, во враждебную дальнюю периферию, куда угодно, потому что без своевременных поставок замирала жизнь. После депрессии 1980-х гг., удорожания производства на фоне появления более эффективных соперников, включая Европу и Японию, администрация Рейгана заключила соглашение с Саудовской Аравией, ставшее основой экономики нефтедоллара. Началась имперская фаза развития с построением и поддержанием глобальной нефтяной инфраструктуры. Выраженный этап империализма налицо во всех исторических ценозах: 1. Ассиро-Вавилонская империя; 2. Pax Romana; 3. Latin Christendom, с крестовыми походами на мусульманский и славянский Восток и против альбигойцев юга Франции; 4. Первая стадия европейского колониализма эпохи мореплавания с господством испанской, португальской, датской империй; 5. Колониализм Британской империи и т.н. Берлинского клуба “великих держав”; 6. И наконец, современные США. Исторически это связано с большими накладными расходами, включая ведение войн для поддержания дорогостоящей мировой сети добычи и доставки ресурса.

4. Передача технического наследия. Именно тогда начинается пролиферация технологий стареющего лидера “наружу” в процессе расплаты за поставки жизненно важного ресурса. Расходы возрастают экспоненциально, и лидер уже не в состоянии покрыть их самостоятельно — идет экспроприация глобального богатства для поддержания его уровня жизни. Это, в свою очередь, приводит к эскалации цен в ведущей стране ценоза, что компенсируется привлечением дешевого глобального труда с оттоком производства (“outsourcing”), типичного в конце всех исторических эпох. С накоплением богатства, ростом цен доминанта и налаживанием регулярного сообщения было размыто ремесло как в позднем Риме, так и в Испании эпохи географических открытий. С ростом пароходного флота это налицо в Британии 1890—1910-х гг. После 2000 г. развитие системы телекоммуникаций Интернета сделало такую ситуацию реальностью и в современных США.

Первые две стадии — время внутреннего развития ценоза (в нашей терминологии “*in*”), а последние — тиражирование его достижений вовне (“*out*”). Оказывается, что откачка ресурсов от других — процесс не односторонний. “Глубинка” вознаграждается за услуги приобщением к технологическому ареалу лидера и присвоением его технологического наследия, активно приспособляемого к местным условиям. Сегодня, например, дорогостоящие электросети прошлого обесцениваются возможностью дешевого развертывания мини-электростанций на водяной, ветряной, солнечной энергии. Распространяются сети мобильных телефонов и т.п. На фоне ослабления налоговых поступлений от массовых профессий XX в. новые технологии и связанные с ними **рассредоточенные** инфраструктуры подрывают мощь государства, незаменимого прежде спонсора и контролера централизованных электрических, телефонных сетей и прочей базовой инфраструктуры. В процессе глобализации медленно, но верно тает технологическое превосходство стареющего лидера, обесцениваются его социальные и властные институты на фоне разнообразия локальных адаптаций¹⁴.

Тем временем начало нового роста цен, прежде всего на стратегический ресурс уходящей эпохи, активизирует поиск заменителей. С исчерпанием пределов роста старого региона и выросшего в нем ценоза процесс, описанный выше, начнется заново, но уже в другом гео-климатическом ареале, на базе его собственного ресурса, с резким упрощением и удешевлением старых технологий и ростом новой функциональности его использования. Новые условия требуют свои социальные институты. Сегодня в ответ на потребности современного доминанта США уже “зажжена” Азия. Пришла пора использования заложенных в этом возможностей.

Неожиданные уроки истории

Обращает на себя внимание то, что исходя из предшествовавшего короткого обзора, основные уроки истории прямо противоположны общепринятым установкам и ожиданиям.

1. Момент, казалось бы, полной победы лидера — в данном случае США — когда его жизненный стиль и социальные институты воспринимаются как победившая надолго парадигма, на самом деле означает нечто прямо противоположное — а именно, выход на пределы роста ценоза — его “неудобья” с началом “угасания” старого лидера с ближней перспективой перехода развития в другой регион.

2. Новый регион открывается для освоения благодаря широкому технологическому пучку, созданному в конце предыдущего ценоза в процессе построения переносимой глобальной инфраструктуры, мало чувствительной к месту ее развертывания. Одна из многих его технологий станет незаменимой для присвоения нового региона, богатого местным ресурсом. Например, в конце XIX в. появилась целая серия портативных электрических, дизельных двигателей, работающих на природном газе. Лишь одним из них и вовсе не самым, на первый взгляд, многообещающим, был двигатель внутреннего сгорания — основа нефтяной экономики США.

3. Поскольку социальные институты должны отвечать условиям своей зоны как средство присвоения возникающего объекта собственности в процессе оптимизации применений ее основного ресурса, они неповторимы от эпохи к эпохе. Буквальный перенос их в новую зону невозможен по определению, невзирая на твердость идеологических убеждений или полное отсутствие таковых.

Хорошим доказательством являются США, бастион современного капитализма. Вопреки популярному мнению и господствующей идеологии преклонения перед “честной” конкуренцией, страна не слишком напоминает классический капитализм типа британского *laissez faire*. В противоположность последнему основой ее экономики является государственно-корпоративная форма собственности (Hogan, 1998, 4). Причина прозаична и не имеет ничего общего с идеологией: просто инфраструктура освоения огромной территории, в целом расположенной в зоне экстремального климата, требовала массивных вливаний капитала с неопределенной перспективой отдачи. Поскольку частная собственность предполагает своевременное получение прибыли, то сверхдолгосрочные инвестиции финансировались госкапиталом, собранным с налогоплательщиков. Вложения начали осуществляться в годы “Великой депрессии” на базе “нового курса” (New Deal) параллельно с аналогичными инвестициями в крупные госпрограммы во всех значимых государствах того времени, независимо от их идеологий, включая нацистскую Германию, коммунистический Советский Союз и цитадель капитализма — США.

Невзирая на риторику, практика госкапитализма продолжается и даже расширяется сегодня (переходя в *crony capitalism*). Массивные дотации и госконтракты держат на плаву агробизнес и крупные компании. Республиканская администрация превзошла демократическую по части раздувания госбюджета и лакомых проектов. Конечно, госкапитализм не единственная и далеко не центральная форма собственности в США, а лишь один из аспектов привлечения средств среднего класса для финансирования крупного бизнеса. Намного эффективнее чисто американское изобретение — рынок ценных бумаг, создавший новый объект присвоения: общественные компании с открытой продажей акций (*public companies*)¹⁵. Отметим, что до “золотой лихорадки” 1848 г., предоставившей необходимые средства, компании были в основном чартерными, по прямым контрактам с Штатами или Коронай¹⁶.

Итак, логика перехода развития в новую зону ведет к неожиданной, непредсказуемой и кардинальной переделке всех реалий жизни. Этот процесс весьма болезнен. Первая половина XX в., когда развитие происходило в соответствии с устойчивыми моделями начала предыдущих исторических эпох, ознаменовалась серьезными катаклизмами, включая две мировые войны, порою именуемые “гражданскими войнами Европы” (Roberts, 1996, 411). Переход к массовому обществу шел на фоне урбанизации и краха финансовой системы XIX в., основанной на золотом фунте стерлингов. С исчезновением британского контроля над мировой торговлей были размыты основы *laissez faire* британского образца со слабо регулируемым и, в целом, монопольным рынком компаний. Как показал известный историк Робертс, сутью процесса в период между войнами была перестройка от угольной экономики к нефтяной (Roberts, 1989, 379).

Война, гомологичная Первой мировой, наблюдается в начале каждого из шести исторических ценозов. Естественно предполагать, что она вызывается эскалацией “разборки” между группами стран на фоне обострения ситуации с неэластичным ресурсом. Но это лишь одна, политическая, сторона медали. Другая, технологическая и экономическая ее сторона может быть не менее критичной. Первая война молодого ценоза — мясорубка, обеспечивающая непредвзятый отбор “самой оптимальной” технологии из целого ряда многообещающих конкурентов. Дальнейшее ее развитие ускоряется снятием экономических ограничений мирного времени¹⁷.

Модели появления новой доминантной формы собственности

Одновременно с повтором типичных моделей перехода роста в новую зону сегодня налицо тенденция к *регионализации*, характерная и для начала XX в. Тогда нарушителем спокойствия стала Германия, остро нуждавшаяся в ресурсах, контролируемых мировым доминантом того времени, Великобританией. Сегодня в попытке “расшить” растущие дисбалансы мировой торговли страны все чаще идут своим путем, ищут надежных поставщиков, сколачивают региональные блоки, включая недавних врагов типа Индии и Пакистана, или “врагов Запада” типа Кастро, Лукашенко, Чавеса и Моралеса. Регионализация не плод злой воли, а закономерный процесс. Экономическая и политическая система стареющего мирового доминанта узко специализирована, настроена на применение его уникального ресурса и негибка. Это иллюстрируется трудностями перехода автопромышленности США от типично американских на альтернативные модели. Попытки развития на местах обычно идут через локальные адаптации с компенсацией за имеющиеся дефициты.

По мере развития новых очагов роста становится очевидным, что модель либеральной экономики, подобной американской, неприменима к целому

спектру стран, включая не только развивающийся мир, но даже Европу и Скандинавию с их общественным сектором как противовесом проблемам, связанным с массовой занятостью. Идущая приватизация общественной собственности не столь однозначна и в самих США, приводя к трудностям модернизации дорогостоящей инфраструктуры: электрических сетей, дорог и т.п., неоправданным с точки зрения прибыльности. Продолжающееся "таяние" фундаментальных наук и таких организаций как NASA на фоне отсутствия всеобщего медицинского страхования потенциально уменьшает обороноспособность страны, "размывая" кадры людей, способных проектировать и поддерживать сложные системы. По внутренним оценкам, уход на пенсию поколения "бэби-бумеров" может оголить ведущие учреждения оборонной отрасли. Традиционная либеральная экономика США с ее свободной конкуренцией, пусть корпоративного типа, также встречает трудности — отток производства (outsourcing) вытесняет промышленность за рубеж. Идет усиление государства как крупнейшего покупателя и пользователя технологий, вождя выделенного источника выгодных контрактов, грантов, финансовых и правовых поблажек, политического и военного покровителя финансовых интересов за рубежом и т.п.

На глазах растет и укрепляется модель, которую можно условно назвать "псевдокапитализмом" по аналогии с известным историческим периодом "псевдофеодализма". Как известно, в конце эпохи феодализма по мере роста стоимости жизни и уменьшения средних размеров поместья натуральное хозяйство не могло содержать рыцаря, нуждавшегося в дорогостоящем снаряжении¹⁸. Рыцарь практически перешел на жалованье, идущее от сюзерена и, в конечном итоге, от короля. Король оплачивал армию за счет "самообложения" городов, что привело к росту денежного обращения и развитию торговли, с бурным ростом городских индустрий и числа горожан. Сегодняшний рост госзаказов и госконтрактов, оплачивается взрывным ростом двойных дефицитов: бюджета и торгового баланса. Подобно средневековым рыцарям многие компании, особенно крупные, утратили способность к самоподдержке на традиционном свободном рынке и в значительной мере существуют за счет налогоплательщиков.

Отметим, что исторически "псевдофеодализм" представлял собой переходную форму. Такие переходные формы, как правило, указывают на магистральные пути развития в будущем. Так, национальные государства следующей за тем эпохи географических открытий были основаны на растущей коммерциализации хозяйственной деятельности городов. Поскольку эта модель срабатывала уже шесть раз на протяжении истории перед началом каждого исторического периода,¹⁹ можно предположить, что она останется справедливой и для будущего. Это означает, что общественная собственность, все более необходимая в условиях современного капитализма США как фундамент существования спектра частных, корпоративных и коллективных форм (муниципальная и non-profit), может перерасти в базовую для следующего исторического этапа освоения новой геоклиматической зоны на основе своей экономической парадигмы.

Примечательно, что несмотря на четкую генетическую связь с прошлым, базовая форма собственности нового ценоза обычно принципиально отличается от всего, что существовало прежде. Например, цеховая собственность средневековых городов не похожа на чартеры эры географических открытий, хоть они и связаны напрямую через город и его экономические и политические институты. Дело в том, что появление новой формы собственности — не простой "передел" чего-то старого, а, как сказано выше, скорее создание принципиально нового объекта присвоения, как бы "не существовавшего" до того. Так, лессовая почва ранних цивилизаций стала ценностью только после того, как

возникла возможность совместного проживания огромных коллективов людей, способных прорыть и поддерживать каналы.

Разумеется, в начале любой исторической эпохи такой новой собственности не слишком много. На всех ее не хватает, поэтому начинают с “передела” старого в отчаянной драке типа Первой мировой войны. Заодно отбирается следующая магистральная технология, т.н. *фундаментальное открытие* эры.

Представление об общественной собственности как основе всего спектра форм собственности будущего ценноз подкрепляется экстремальностью климата следующей геоклиматической зоны. Освоение ее в процессе создания нового объекта присвоения может затребовать сверхгигантских инвестиций в базовую инфраструктуру с неопределенными перспективами возврата вложений. Не исключено, что введение новой модели освоения земель где-нибудь на Крайнем Севере и на юге Азии, а также в горных и пустынных районах, где затруднено построение и поддержание автодорог, приведет к расширению общественного сектора, типа кибуцев и муниципалитетов, включая построение и поддержание новых, более экономичных сетей коммуникаций, например, по воздуху²⁰, с мини-электростанциями, экономящими на прокладке электролиний за счет генерации на местах, с использованием мелких, но разнообразных локальных источников энергии, от речушки до солнечного света и ветра на вершине горы.

В условиях ограниченности пахотных земель и воды перспективны технологии создания искусственных хабитатов, заимствованные из прошлого или разрабатываемые сегодня. Например, “черная земля” (*terra preta do indio*) мезоамериканских цивилизаций до XV в.²¹ резко увеличила производительность скудной почвы Амазонии с одновременным длительным захоронением углерода. Создание искусственных атоллов и новых форм собственности на рыбу в океане, стимулирующих расширение временного горизонта рыбаков, увеличивает сегодня отдачу рыболовства (Pressman, 2006). Израиль разработал технологии интенсивной агрикультуры в пустыне Негев. Интересные предложения высказаны Джозефом Штиглицем, нобелевским лауреатом, бывшим ведущим экономистом Всемирного банка и оппонентом т.н. “свободной” торговли: введение налога на эмиссию углерода, институт банкротства национальных государств, освобождение медицинских инноваций от защиты патентов за счет разовых призов типа “bounty”, стабилизационные фонды для ресурсодобывающих развивающихся стран и, наконец, возрожденная идея Кейнса об универсальной валюте²² (Stiglitz, 2006).

Поскольку собственность молодого ценноз рождается как бы из “ничего”, не имея прецедентов, актуален вопрос о природе возникающей формы собственности и того нового объекта, который будет присвоен с ее помощью. Подчеркнем опасность переноса старых представлений на нечто еще неприсвоенное, а значит, несуществующее. Например, центральное планирование, выработанное в процессе реализации крупных программ 1930-х гг. в странах с разными идеологиями — США, Германии и СССР — принято считать эталонной общественной собственностью с издержками на эксцессы времени. Отметим, что эти формы в упомянутых странах скорее позволяли присвоение средств налогоплательщиков в рамках *государственно-корпоративной* собственности (Hogan, 1987), слабо контролируемой “снизу”. Согласно логике развития ценноз, общественная собственность следующего ценноз может отличаться от предыдущего не меньше, чем цеховая собственность средневековых городов — от чартера эры географических открытий или современного рынка акций.

Социализация собственности: отдаленные перспективы

Социализация разнообразных видов собственности, от индивидуальной и частной до государственной, предполагает погружение их в общественную ткань для повышения благосостояния широких слоев населения. Уже налицо проявления этого процесса. С сокращением традиционной налоговой базы активизируется экономическая деятельность муниципалитетов. Они начинают строить сети Wi-Max, субсидировать частные авиалинии, выполняющие рейсы в региональные аэропорты, с резким удешевлением авиабилетов в Европе на протяжении последнего десятилетия²³. Для стимулирования экономики на местах растет разнообразие форм привлечения посетителей. Например, “Фестиваль огней на воде” в городе Провиденс (США), учрежденный несколько лет назад, в 2004 г. привлек 1,1 млн посетителей с вливанием в городскую экономику 33,2 млн долл. США при расходах в 1 млн долл. Города организуют воскресные рынки и т.н. *passegiate*, прогулки, традиционные для Южной Европы, уже отжившие, казалось бы, в век небоскребов. Социализируются не только люди, но, как выясняется, и экономика.

В свое время А. Смит заметил зарождение новой экономической формы частной собственности, прежде всего на землю, “освобожденную” от крестьян. “Огораживание” — первоначально символ массового несчастья — выбрасывая крестьян из дома, в конечном итоге привело к значительному увеличению производства продовольствия в Британии. Обогнав французов, так и не внедривших частную собственность на землю британского образца, англичане стали размножаться и заселять мир. Новые возможности ценоза открылись с приходом технологий угля.

Сегодня возможности экономики частной и корпоративной собственности начинают приближаться к своему естественному пределу. Как считают столпы капитализма (Peterson, 2004), с обретением мобильности, связанной с оттоком производства и, в конечном итоге, с Интернетом, крупные корпорации утратили широту временного горизонта и патриотизм, которые ранее толкали их на непопулярные и в краткосрочной перспективе невыгодные предприятия, типа плана Маршалла. Печально известны и эксцессы социализма, подобные экологической катастрофе Арала.

С устареванием прежних прямо на глазах возникают более сложные, гибридные формы собственности, например, *private-public partnerships*, с использованием сильных сторон обоих партнеров. Частная компонента помогает привлечь и мотивировать специалистов, в то время как общественная, с **новыми группами собственников**, заинтересованных в развитии местности, финансирует долгосрочные проекты. Как и во времена А. Смита, исчезновение старых и возникновение новых форм стимулируется технологиями, прежде всего Интернетом, который, в частности, привел к мобильности корпораций, разрушив их временной горизонт. Авиалинии могут позволить себе стать сверхдешевыми благодаря замене сети билетных касс Интернетом. Города задешево привлекают посетителей на культурные мероприятия через группы интересов в Интернете, которые демонстрируют свое влияние путем сбора средств и голосов²⁴.

Параллельно появляются и новые **производители**. Аналогично ирригационным каналам ранних цивилизаций, возникшим благодаря аккумуляции мускульной силы больших коллективов, идет аккумуляция интеллектуального труда, уже приведшая к таким новым феноменам, как бесплатные операционные системы, словари и т.н. открытый код: Линукс, ФриБСД, Википедия и т.п. Одновременно с повышением ценности старой собственности, такой как недра страны, на которую теперь претендуют все ее жители²⁵, возникает **новая соб-**

ственность, не существовавшая ранее, например, места на популярных сайтах, частоты спектра для мобильных телефонов и т.п. В то же время возникновение дешевых авиалиний и сетей мобильных телефонов приводит к *изменению геометрии*, характерному для границы между историческими периодами. То, что было далеким, становится близким, облегчая освоение новой зоны. Так, автомобилизация расширила ареал американского фермера с 10 миль (расстояние для лошади за день) до 100. Появление римских дорог стало фундаментом Римской империи. Размер Британской империи определялся паровыми канонерками и сетью железных дорог. Сегодня африканцы в Кении могут выяснять цены на свой продукт по телефону и понести его на рынок, который предложит больше (Eagle, 2003).

Технология определяет геометрию нового региона и формирует тип его общественного устройства. Обширная бюрократия и мощь государств ранних цивилизаций были вызваны к жизни дороговизной содержания каналов и армии колесниц. Массовые профессии XX в. возникли на базе строительства и эксплуатации дорогостоящей инфраструктуры дорог, электростанций и т.п., приведя к созданию корпоративной формы собственности во всех крупных государствах XX в. независимо от идеологии.

Возникающие технологии позволяют в потенциале построение *распределоченных* сверхдешевых инфраструктур на всех уровнях, включая: дешевый авиатранспорт, эффективные грузовые железнодорожные перевозки, местные аграрные и промышленные отрасли с сокращением общего объема перевозок, миниэлектростанции на местном энергетическом сырье, сверхдешевые сети мобильной телефонной связи, охватывающие Африку, распространение через Интернет развлечений, медобслуживания, образования и знаний. Вполне очевидно, что воплотившись в реальность, эти формы пробьются через отчаянное сопротивление консерваторов и ретроградов и приведут к возникновению условий, идеально подходящих для использования возможностей новых технологий в процессе освоения суперэкстремальных зон от Азии до Африки. Как говорилось выше, уже начинается девальвация старых централизованных государственных институтов при одновременном усилении новых структур муниципального типа, где люди совершенствуют свое жизненное пространство, имея долгосрочную заинтересованность в этом.

Хотя в настоящее время в принципе невозможно предугадать конкретный вид базовой формы собственности будущего, эти тенденции демонстрируют масштаб ее вероятной функциональности.

Экономика и финансы: ближайшие перспективы

Исходя из сценария начала XX в., характеризующегося ослаблением золотого фунта стерлингов и британской мировой торговли, в течение ближайших 10—15 лет можно ожидать *перенапряжения и кризиса долларовой системы мировых финансов*. Сегодня, несмотря на растущую конкуренцию со стороны других валют, включая евро, она держится на нефtedолларе. Как ни парадоксально, чем выше цены на нефть, в пределах выносливости мировой экономики, тем лучше для США, страны-импортера нефти и крупнейшего должника. До поры до времени долларové авуары валютных резервов государств, а также выкупаемые у США в системе нефтяных расчетов и трехстороннего обмена, помогают поддерживать уровень потребления в самих США в условиях сокращения внутреннего производства. Несмотря на экономику двойного дефицита²⁶, страна живет в долг за счет нефtedолларов, изымаемых из оборота внутри страны для обслуживания нужд мировой торговли.

Таким образом, современная финансовая система держится на основном неэластичном ресурсе эпохи — нефти. Из этого следует, что будущий отказ от нефти должен ударить прежде всего по стране-лидеру и поддерживаемой ею системе глобальной торговли. То же произошло и в начале XX в. Инфляционный кризис 1913 г., связанный с углем, обозначил высшую точку британского могущества перед его крахом. Британия была держателем мировой системы угольных станций, пострадавшей в ходе Первой мировой войны, после чего начался переход к нефтяной экономике. Грядущий отказ от нефти несет в себе аналогичный зародыш кризиса и вакуума власти. США уже с трудом справляются с ролью единственной сверхдержавы, гаранта мировых систем торговли и финансов. Можно ожидать значительного обострения мировой политической ситуации при их финансовом ослаблении. Уже налицо ранние формы отказа от нефти в таких странах, как Бразилия и Исландия с их природными ресурсами сахарного тростника для биоспирта и геотермальной электроэнергии для производства водорода. В Китае и России также осуществляется развитие энергозаменителей, таких как уголь и природный газ. Это возможная ступень к утилизации метана, которым изобилует природа как побочным продуктом отходов, заполонивших планету.

Если принять во внимание путь, пройденный в первой четверти XX в. экономикой угля, то в ближайшие 15—25 лет можно предсказать достижение инфляционного пика, за которым должно последовать неизбежное *падение цен на нефть с переходом на более экономичные энергозаменители*, в первую очередь, на базе природного газа. То же самое произошло 100 лет назад с углем, пик добычи и цены на который был отмечен в 1913 г., а перестройка экономики началась после 1920-х гг.²⁷ Как это ни парадоксально, несмотря на взрывообразный рост энергопотребления, добыча угля и цена на него падали. Переход с угля на нефть осуществлялся вовсе не в связи с истощением его запасов — угля на Земле достаточно по сей день. Однако по мере перехода к эксплуатации все более труднодоступных и поэтому дорогостоящих месторождений параллельно с ростом стоимости инфраструктуры добычи и транспортировки страны отказывались от потребления угля, переходя на более экономичные альтернативные энергетические источники *по мере их появления*.

Достаточно трудно выделить следующий основной неэластичный ресурс среди целого ряда перспективных технологий. Несмотря на демонстрацию возможностей двигателя внутреннего сгорания в боях Первой мировой войны, вплоть до 1950-х гг. среди энергетических источников, альтернативных углю, лидировала гидроэнергетика, а нефть использовалась в основном в качестве автомобильного топлива. США были первой и, по большому счету, единственной страной в XX в., целиком поставившей на развитие нефтяной экономики с использованием оси Детройт-Техас. Аналогичным образом, в период промышленной революции Великобритания стала доминировать по мере роста потребления угля и начала терять свои позиции после Первой мировой войны, окончательно утратив их с концом Второй мировой.

В свою очередь, США выросли на своем уникальном ресурсе — нефти — и могут лишиться позиции доминанта по мере размывания неэластичности ресурса при замене на возникающие энергетические альтернативы. Под удар ставят себя также все те страны, которые сегодня, на последнем этапе роста нефтяной экономики, продолжают развиваться по старому сценарию. Это не означает, что зра нефти уже исчерпана. Перед тем, как произойдет падение цен и масштабов ее добычи, впереди возможно еще порядка 15—25 лет роста при сохранении значительной роли нефти на протяжении приблизительно четверти века после потери ею статуса незаменимого энергоисточника.

Дальнейшее развитие нефтяных мощностей в странах-производителях в настоящее время представляется вполне разумным при условии вложения прибыли в наукоемкие отрасли альтернативной энергопромышленности. Долгосрочные партнерские отношения стран-импортеров с производителями актуальны на фоне развития альтернативных энергоисточников.

Для взаимодополняющих экономик, таких как Россия и Китай, соседей по трудному для освоения континенту, вопрос о *новой парадигме* освоения внутреннего пространства стоит особенно остро. Каждая новая зона характеризовалась особой геометрией путей сообщения: от колесниц ранних цивилизаций до сохранившихся по сей день римских дорог, от железнодорожных путей эпохи индустриализма до современных скоростных автострад... Распространение по миру сети автомобильных дорог американского типа не представляется возможным по целому ряду причин: от дороговизны строительства и эксплуатации в условиях высокогорья и труднопроходимых пустынь Азии до хрупкости экологии зоны.

Требуется новая парадигма освоения, более соответствующая геометрии и экологии зоны. Опыт "нового курса" (New Deal)²⁸ показывает, что построение инфраструктуры в масштабе континента происходит однажды, как правило, за счет внеэкономических методов, огромным усилием всего народа, связанным с его выживанием, а прибыли, если таковые материализуются, приходят спустя годы и даже десятилетия. Неудивительно, что модернизация инфраструктуры США представляет почти неразрешимую проблему. Практически бесприбыльная электрификация сельской местности была проведена в разгар "великой депрессии" 1930-х в рамках "нового курса", в основном с целью обеспечения занятости. Электрификация обеспечила орошение земель центральных штатов "кукурузного пояса" за счет выкачивания артезианской воды из аквиферы Огаллала, положила конец пыльным бурям и резко увеличила производство продовольствия в США. Строительство сети скоростных автострад (хайвеев) по образцу германских автобанов было проведено в рамках послевоенной федеральной программы при Эйзенхауэре. Как и в Германии 1930-х гг., это было сделано внеэкономически, с целью повышения обороноспособности страны. Все это требовало значительного расширения временных горизонтов, что актуально и сегодня, в начале освоения Азии, и гонки вооружений при рождении нового ценоза.

В этом аспекте и Россия, и Китай обладают существенными преимуществами благодаря наличию значительного общественного сектора с долгосрочным временным горизонтом. Сдерживание с его помощью роста цен может усилить конкурентные позиции экономик этих стран²⁹. Промежуточные формы собственности (private-public partnership) при сотрудничестве государства, муниципалитетов и частного бизнеса, резко удешевляющие строительство и содержание инфраструктуры, хорошо зарекомендовали себя на Западе в течение последних 10—15 лет³⁰. Возникновение новых объектов собственности, подобных коротковолновым частотам телекоммуникаций, кредитам на устранение загрязнения окружающей среды, местам на популярных сайтах Интернета и т.п., исторически ускорялось в девственной зоне, объекте освоения³¹.

И, наконец, последним животрепещущим вопросом является проблема *войны и революции*. Не секрет, что переход в новую зону чреват катаклизмами. Технологические и социальные нововведения ведут к коренной ломке устоявшегося образа жизни. При отсутствии развитого нового объекта собственности начинается передел уже присвоенного. Исторически горькая пилюля модернизации с необходимостью крупных вложений для освоения новой территории, проталкивалась в горло отчаянно сопротивляющемуся населению с помо-

щью войн и революций. Людей “выставляли” из старой зоны и “бросали” в бурные воды новой: авось кто-нибудь выплывет и научится плавать.

Взрывообразное развитие нового ценоза в начале его роста — особо опасное время накопления внутренних и внешних дисбалансов. В начале XX в. это остро затронуло Россию, самую быстрорастущую страну тогдашней мировой экономики. Задача России и Китая — избежать этой западни сегодня.

Библиография

Бадалян Л.Г. Криворотов В.Ф. Волны Кондратьева и техноценозы. Издание Фонда Кондратьева и Сорокина. 51с. Москва. 2005. Lucy Badalian, Viktor Krivorotov. Applying Natural Sciences to Studing History: Regarding the Example of England and the Industrial Revolution. Part I. *Santalka. Filosofija*. 2006, Т.14, Nr. 1. Pp. 47-61.

Bowen, M. Thin Ice: unlocking the secrets of climate in the world's highest mountains. Henry Holt & Co. N.Y. 2005.

Braudel F. Civilization & Capitalism 15th-18th Century. In 3 vol. Harper&Row, Publishers, N.Y. 1984.

Cameron R. N. Y., A Concise Economic History of World. Oxford, 1989.

Deffeyes, K. Hubbert's Peak: the Impending World Oil Shortage. Princeton UP. 2002.

Diamond J., Collapse. How Societies Choose to Fall or Succeed. Viking. 2005.

Fagan, B. The Long Summer. How Climate Changed Civilization. Basic Books. N.Y. 2004

Fischer D. H. The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History. Oxford Univ. Press. New York. Oxford. 1996.

Hobsbawm, E. Industry and Empire: The Birth of the Industrial Revolution, Penguin Books. New Press. N.Y. 1999.

Hogan M. The Marshall Plan: America, Britain, and the reconstruction of Western Europe, 1947-1952. Cambridge Univ. Press. 1987.

Keys D. Catastrophe. An Investigation into the Origins of the Modern World. Ballantine Books. N.Y. 1999

Kitchin J. “Cycles and Trends in Economic Factors”, 1923, *REStat*.

Kuznets S. “Equilibrium Economics and Business Cycle Theory”. 1930, *QJE*.

Kondratieff, N. D. The Long Wave Cycle. New York: Richardson and Snyder. 1984.

Peterson, Peter. Where Are the Business Patriots? CEOs Need to Be Statesmen Again. The Washington Post. B.01. July 18, 2004.

Pressman, Aaron. Fished Out. The US fishing industry is sinking as the catch dwindles and a way of life vanishes. But a market-based fix could fill nets again. Business Week. September 4, 2006. pp 56-64.

Regarding terra preta do indios see:

[Http://www.css.cornell.edu/faculty/lehmann/terra_preta/TerraPretahome.htm](http://www.css.cornell.edu/faculty/lehmann/terra_preta/TerraPretahome.htm)

[Http://www.geo.uni-bayreuth.de/bodenkunde/terra_preta/](http://www.geo.uni-bayreuth.de/bodenkunde/terra_preta/)

Rheingold, H. Smart Mobs. The Next Social Revolution. Basic Books. 2002.

Roberts J.M. A history of Europe. Allen Lane The Penguin Press. 1996

Roberts J.M. Europe. 1880-1945: A General History of Europe. 1989. Longman Group UK Limited. P.

Schumpeter J. Business Cycles: A theoretical, historical and statistical analysis of the Capitalist process, 1939. “The Historical Approach to the Analysis of Business Cycles”, 1949, NBER Conference.

Stiglitz, J. Making Globalization Work. Norton. 2006.

1. Африка задета глобальным потеплением. Технологические и социальные решения пока не ясны.
2. Недавнее заключение соглашения на лунные исследования доказывает общность интересов.
3. 1. Ранние цивилизации дельт великих рек; 2. Средиземноморская цивилизация античности Греции-Рима; 3. Средневековые Европы; 4. Эпоха географических открытий Атлантики; 5. Индустриальная революция в Британии; 6. Массовое общество XX в. — США и СССР.
4. См. другие публикации авторов статьи на эту тему.
5. Используя пример мезоамериканских цивилизаций, также построенных на ирригации, можно оценить урожайность почвы того времени как превышающую современную с использованием химии и тракторов, по крайней мере, вдвое.
6. Согласно существующим оценкам, одна плавка использовала лес с площади не менее акра.
7. Отметим, что опыт огораживания пытались перенять в России после 1861 г. Однако функциональность т.н. "отрезков", коммунальных земель, ранее служивших источником топлива и сена, не была замещена за счет нового ресурса, такого как уголь. Хорошо известно, что в целом неудачные попытки внедрения частной собственности на землю были среди триггеров революции.
8. Например, т.н. коксующийся уголь, используемый при плавке железа, был впервые применен пивоварами, стремившимися избавиться от зловония угля в процессе варки пива.
9. Такого рода "треугольники" характерны для стабильных потоков, от торговых до Гольфстрима.
10. Это явление не имело места лишь однажды за шесть исторических ценозов, в конце эры географических открытий. Тогдашнему доминанту, Франции, не удалось построить систему мировой торговли, и она взорвалась революциями.
11. Критичность наличия адекватной зоны для освоения иллюстрируется примером Германии.
12. В общественном сознании укрепилась скорее противоположная философская парадигма: прошлое ничему не учит. В рамках представлений о геоклиматических зонах и связанных с ними техноценозах мы покажем, как можно учиться на прошлом, используя, казалось бы, отжившее и неактуальное.
13. Среди пионеров замещения древесного угля минеральным были пивовары, так они пытались удешевить производство пива. Из-за содержания серы пиво, сваренное на угле, обладало таким отвратительным привкусом, что не находило потребителей. В стремлении избавиться от запаха, был изобретен процесс коксования, напоминающий производство древесного угля из дерева. А. Дарби, известный пионер коксующегося угля в металлургии, в юности был учеником пивовара.
14. Так, согласно специалистам из MIT, лидером в новых применениях мобильной связи в настоящее время являются вовсе не США, а Кения. — http://web.media.mit.edu/~nathan/africa_nokia.pdf#search=%22Kenya.
15. Рынок ценных бумаг в США возник после золотой лихорадки 1848 г., с финансирования прокладки железных дорог в "никуда", ставших основой скоростного заселения страны. Его истинный потенциал выявился только в XX в.
16. Паника 1837 г., связанная с финансовой политикой президента Джексона, разорила штаты, сделав их неплатежеспособными. Тем, де-факто, была прервана установившаяся практика оплаты коммуникаций за счет чартерных контрактов штатов с монопольными компаниями. Новый способ финансирования возник только после золотой лихорадки 1848 г., которая предоставила средства для прокладки железных дорог путем сбора их со средних и мелких инвесторов. Эти дороги вернули с избытком начальные инвестиции за счет продажи прилежащих земель фермерам. Так, благодаря кризису, была инициирована новая практика public companies.
17. Показателен пример ускоренной эволюции двигателя внутреннего сгорания в Первой мировой войне. В 1914-1918 гг. сменили 5-6 поколений самолетов, от "этажерки"

- братьев Райт до современных истребителей, бомбардировщиков. Британская армия вступила в войну со 100 грузовиками, а кончила ее с 60000. (Roberts, 1989).
18. В связи с появлением огнестрельного оружия в процессе Столетней войны 1337-1453 гг.
 19. Например, "бастард-первоцивилизации", типа поздней Ассирии и Персии, социально были основаны на свободном крестьянине, будущей единице греческой соседской общины — полиса. Аналогично, колонны, до боли напоминающие крепостных средневековья, налицо в позднем Рим.
 20. Что это возможно, доказывается целым набором дешевых авиакомпаний в Европе. Большинство из них частные и, несмотря на жесткую конкуренцию, вполне прибыльные. Но они оперируют в Европе в малых аэропортах, поддерживаемых муниципалитетами. Насыщение такими аэропортами в Азии пока проблема.
 21. Это искусственная земля, выделяющаяся темными пятнами среди подзольной почвы Амазонии, сохранила плодородие с XV в., когда ее впервые увидел испанский конкистадор.
 22. О последствиях введения такого конкурента доллару см. ниже.
 23. Цена авиабилета Лондон-Рим порядка 100 долл. США. За последние 5-8 лет наблюдается массовое возникновение локальных европейских авиалиний.
 24. См., например, избирательную кампанию Ховарда Дина и т.н. феномен "умных" сходок. (Reingold, 2002). http://www.smartmobs.com/book/book_summ.html.
 25. Пошел процесс национализации недр, например, в таких странах как Боливия, где Эво Моралес, фермер коки, стал президентом благодаря голосам аборигенного населения, ранее практически не участвовавшего в политической жизни страны.
 26. Это популярный политический термин, означающий одновременный дефицит госбюджета и внешнеторгового баланса.
 27. См. сноску 6.
 28. Период реформ Ф.Д. Рузвельта, связанный с массированными вложениями в инфраструктуру.
 29. Как известно, термин "competitive advantage" был впервые введен Рикардо. В данном контексте его использование означает сравнительное преимущество страновой экономики за счет удешевления продукции частных производителей при использовании общественных фондов. В современной литературе в этом смысле используется также термин "private-public partnership."
 30. "Private-public partnership" означает разделение ответственности между государством и частными производителями при реализации крупных проектов. Система родилась в США и была опробована в военной области через сеть подрядов и субподрядов. В виде системы военных подрядов первичный вариант существовал также в СССР. В последние годы развивалась в Европейском сообществе — см. систему страновой кооперации, приведшую к построению "Азробуса". Еще более современный пример — разработка Европейского search engine Quero. Аналогичная система используется благотворительными фондами Гэйтса, нацеленными на образование и создание вакцин для третьего мира.
 31. Сравните, например, развитие Германии и США, двух наиболее технологически развитых стран XX в. Германия, намного превосходя всех прочих по научно-техническому потенциалу, не имела пространства для освоения и направила технологии в военную сферу, вызвав две мировые войны.

Азиатские страны в поисках оптимальной интеграционной модели

© 2007

А. Абалкина

Характерной чертой современного этапа развития стран Азии являются не только высокие темпы экономического роста, но и динамичное развитие интеграционных процессов. За последние десять лет было подписано более пятидесяти двусторонних и многосторонних соглашений о преференциальной и свободной торговле. Может создаться впечатление, что именно этот регион является локомотивом интеграционных процессов, и значительные успехи экономического сотрудничества стран Азии и усиление их взаимозависимости являются результатом проводимой интеграции.

Прежде чем серьезно исследовать данный вопрос, автор также придерживался такого мнения. Однако изучение многих данных и их сопоставление заставило изменить позицию и серьезно задуматься над причинами такого обманчивого явления.

Экспортная взаимозависимость в странах Азии

Ошибочное мнение об успехах интеграционных процессов в Азии создает уровень взаимной торговли, который в условиях роста платежеспособного спроса в регионе в последние годы постоянно увеличивался и по итогам 2004 г. составил более 50%. В мировой экономике такой высокий удельный вес внутрирегионального экспорта характерен для регионов, находящихся на одном из этапов интеграции. В Северной Америке, где функционирует зона свободной торговли НАФТА, взаимный экспорт составляет 56%, а в Европейском Союзе с наиболее глубоким уровнем интеграции в мире такой показатель превышает 67%¹.

Как правило, увеличение взаимозависимости торговых потоков и его высокий уровень традиционно интерпретируется как показатель эффективности интеграционных процессов. В азиатском регионе институциональное оформление интеграционных инициатив начало реализовываться в основном в 1990-х гг., то есть сравнительно недавно. Однако рост взаимной торговли происходил и ранее: с 1980 г. по 2004 г. он увеличился с 35 до 55% в странах Восточной Азии (а в абсолютных величинах с 86 млрд долл. до 1 трлн долл.). Поэтому увеличение удельного веса взаимного экспорта нельзя отнести на эффект ожидания интеграции, который возникает за несколько лет до вступления в силу интеграционных соглашений².

Абалкина Анна Александровна, научный сотрудник Центра проблем интеграции Института экономики РАН.

В чем же причина таких высоких показателей взаимозависимости, с одной стороны, и временной задержки в институциональном оформлении интеграционных процессов — с другой? Причины такого феномена кроются в особенностях развития азиатского региона.

На протяжении последних лет Азия выступает одним из самых динамично развивающихся регионов мира. Высокие темпы экономического роста привели к тому, что ныне на Азию приходится примерно 40% мирового ВВП (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Роль азиатского региона в мировой экономике, %

	Доля в мировом ВВП (по ЕППС)			Доля в мировом экспорте (по обменному курсу валют)			Доля в мировом населении
	1996	2000	2005	1996	2000	2005	2005
Япония	8,0	7,3	6,4	7,2	7,0	5,3	2,0
НИС*	3,4	3,4	3,2	10,2	9,9	9,4	1,3
Развивающиеся страны Азии, в т.ч.	22,5	21,6	27,1	7,3	9,2	12,0	52,3
<i>Китай</i>	10,0	11,6	15,4	2,9	3,7	6,6	20,7
<i>Индия</i>	5,0	4,6	6,0	Н/д	0,8	1,2	17,3
Ближний Восток	2,6	2,6	2,8	Н/д	4,2	4,5	3,7

* НИС — Новые индустриальные страны — Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур.

Источник: *World Economic Outlook, International Trade Statistics.*

Причины бурного развития региона обусловлены выбранными моделями экономического роста: активная индустриализация и развитие экспортноориентированных производств, которые возникали, в частности, за счет размещения отделениями американских и европейских транснациональных корпораций своих производств в этих странах. Результатом стало, во-первых, увеличение экспорта региона, объем которого по итогам 2005 г. приблизился к трети мирового. Во-вторых, это предопределило географическую структуру торговли. Основные торговые потоки были сосредоточены на США и Европе. Однако постепенная доля США и европейских стран в торговом балансе снижалась за счет роста удельного веса ряда азиатских стран, что в конечном итоге сказалось на увеличении внутрирегионального экспорта (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Внутрирегиональная торговля в Азии, %

	1980	1985	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Восточная Азия*	35	37	43	52	52	52	54	55	55
Восточная Азия (без Японии)	22	28	33	39	41	41	43	44	44
АСЕАН +3	30	30	29	38	37	37	38	38	39
НИС	6	7	12	16	16	15	15	15	14
АСЕАН	18	20	19	24	25	24	24	24	24
Азия					48,9	48,2	48,9	49,9	50,3

* Восточная Азия включает 10 стран АСЕАН, Японию, Южную Корею, Китай, Гонконг и Тайвань.

Источник: *Regional and cooperation strategy. Manila: Asian development bank, 2006. P. 34.*

Данные таблицы показывают, что экспортная взаимозависимость по азиатским субрегионам распределяется неравномерно. Наибольший уровень внутрирегиональной торговли наблюдается в пятнадцати экономиках стран Восточной Азии. Значительный вклад в увеличение региональной торговли с 1980 г. внесли Китай, Япония, Южная Корея, на которые приходится более 60% внутрирегионального экспорта.

Взаимозависимость других азиатских стран в рамках субрегионов находится не на столь высоком уровне, что легко можно проследить по данным таблицы. По мере исключения крупнейших экономик из группы рассматриваемых стран удельный вес взаимного экспорта снижается. Например, в Восточной Азии этот показатель составляет 55%, тогда как в Восточной Азии без Японии — на 11 процентных пунктов меньше; в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) плюс Китай, Япония, Южная Корея — 39%, а без учета этих трех стран — 24%³.

Удельный вес внутрирегиональной торговли существенно ниже в новых индустриальных странах, за последнее десятилетие ее уровень немного снизился и по итогам 2004 г. составил 14%. Экспортноориентированная модель этих экономик с ограниченным внутренним рынком основана на развитии взаимосвязей в большей степени с США, Европой и Китаем, нежели между собой.

Присутствуют в азиатском регионе также и аутсайдеры — Бруней, Камбоджа, Мьянма и Вьетнам, на которые приходится менее 1,5% внутрирегиональной торговли.

Таким образом, на сегодняшний день азиатский регион характеризуется наличием несопоставимых по уровню экспортной мощи стран, что вызывает асимметрию торговых потоков и их значительную концентрацию. Другой тенденцией стал рост внутрирегиональной торговли как в целом по Азии, так и практически по всем ее субрегионам, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, увеличивающийся объем азиатского экспорта создает спрос на импорт из соседних стран Азии, что в значительной степени сказывается на увеличении внутрирегиональной торговли⁴. Во-вторых, крупнейшие азиатские экономики, обладая значительными внутренними рынками и экспортным потенциалом, создают основные торговые потоки в регионе.

Более высокие темпы роста внутрирегиональной торговли по сравнению с межрегиональной связаны также и с рядом других факторов. Сыграла свою роль либерализация торговых режимов в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а затем и Всемирной торговой организации (ВТО). На протяжении многих лет это было практически единственным механизмом, способствующим снижению тарифной защиты в регионе, что и содействовало развитию внутрирегиональной торговли.

Таким образом, высокая доля внутрирегиональной торговли в Восточной Азии объясняется значительным экспортным потенциалом нескольких крупнейших экономик, на которые приходится доминирующая доля экспорта и ВВП региона. За последние несколько лет увеличение взаимного экспорта происходит преимущественно за счет роста китайского экспорта в азиатские страны. Однако несмотря на различный удельный вес внутрирегиональной торговли в азиатских субрегионах, можно констатировать рост экспорта в абсолютном выражении во всех группах стран.

Удивителен тот факт, что несмотря на высокие показатели взаимной торговли, которые традиционно выступают предпосылкой заключения преференциальных торговых соглашений, вовлеченность стран Азии в интеграционные процессы находится на относительно низком уровне (см. Таблицу 3).

Таблица 3

**Преференциальные торговые соглашения в различных регионах мира
(по состоянию на конец 2004 г.)**

	Вост. Азия и Океания	Юж. Азия	Лат. Америка	Ближний Восток и Сев. Аф- рика	Африка (без Се- верной)
Общее число стран	32	8	39	21	48
Страны, подписавшие хотя бы одно преференциальное торговое соглашение	26	8	35	20	48
Среднее число соглашений на одну страну	2	4	8	5	4
Максимальное число соглашений на одну страну	7	9	19	13	9

Источник: Global Economic Prospects 2005. Trade, Regionalism, and Development. Wash.: World Bank, 2005. P. 30.

В сравнении с другими регионами мира для азиатских стран характерно менее активное участие в экономической интеграции. По таким показателям, как количество соглашений на одну страну, страны Восточной и Южной Азии находятся на последних местах с показателями 2 и 4 соглашения соответственно. Наиболее интегрированы, по данным таблицы, страны Латинской Америки, где в среднем на одну страну приходится 8 соглашений. Азиатские субрегионы в разной степени участвуют в преференциальных торговых соглашениях. Так, если в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) вне интеграционных процессов остаются Монголия, а также ряд островных государств Океании, то в Южной Азии все страны полностью подключены к ним. Безусловно, количество подписанных соглашений не свидетельствует об эффективности и глубине интеграции, однако относительно небольшое количество заключенных договоров наводит на мысль о том, что страны Азии в сравнении с другими экономиками с опозданием включились в процессы региональной интеграции.

Активизация интеграционных процессов в Азии пришлось на 1990-е гг. Она связана, во-первых, с общемировой тенденцией регионализации, когда, с одной стороны, крупные экономики стараются образовать торговый блок с различными по уровню развития государствами для установления преференциальных условий экспорта своих товаров, а с другой — развивающиеся страны-партнеры формируют между собой льготные условия торговли. С 1990 г. количество торговых договоров, в том числе и двусторонних, зарегистрированных в ВТО, увеличилось с 50 до почти 230⁶. В этих условиях не стала исключением и Азия.

Во-вторых, необходимость интеграции вызвана кризисом многосторонних переговоров о дальнейшей либерализации торговых режимов в ВТО в рамках Доха-раунда⁶. Региональная интеграция, преференциальные торговые соглашения выступают альтернативой многосторонним торговым переговорам в рамках ВТО, которые в последние годы зашли в тупик.

В-третьих, заключение ряда преференциальных соглашений в Азии вызывает цепную реакцию. Это связано с тем, что страны, не задействованные в интеграционных группировках, начинают проигрывать в торговле с ними, что вынуждает либо присоединиться к ним, либо инициировать создание других.

В-четвертых, увеличение торговой взаимозависимости стран Азии вызвало необходимость создания институциональных инструментов упрощения торговли, гармонизации торгового законодательства и стандартов, а также учреждение механизмов разрешения споров.

Сыграли свою роль также и внутренние факторы. Основная масса интеграционных соглашений приходится на конец 1990-х гг. в посткризисный период. Глобальный кризис 1997 г. потребовал пересмотра экономической политики стран Азии и вызвал необходимость разработки механизмов защиты региона от внешних финансовых потрясений⁷. По примеру Европейского Союза страны Азии пошли по пути развития финансовой интеграции региона, которая способна обеспечить большую стабильность и устойчивость финансовой системы стран.

Характер многосторонних интеграционных процессов в странах Азии

Для Азии многостороннее экономическое взаимодействие в послевоенные годы не стояло на первом месте и носило подчиненный характер. Во внутрирегиональном сотрудничестве традиционно уделялось много внимания проблемам безопасности, поскольку значительны были внутренние политические конфликты в регионе. Ярким примером такого подхода может стать Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, которая была основана в 1967 г. с целью обеспечения мира и региональной стабильности. Экономическое сотрудничество в этом субрегионе перестало играть второстепенную роль сравнительно недавно, когда в 1992 г. было подписано решение о создании зоны свободной торговли. Такая же трансформация произошла и с Шанхайской пятеркой, которая была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)⁸. Ныне в повестке дня организации стоят вопросы не только безопасности, но и экономического взаимодействия.

В этой связи многосторонние объединения в Азии, основная цель которых преимущественно состоит в экономическом взаимодействии, созданы сравнительно недавно. К настоящему моменту функционирует ряд многосторонних интеграционных объединений, предполагающих разную глубину сотрудничества, среди которых можно выделить созданный в 1992 г. проект зоны свободной торговли в рамках АСЕАН (АФТА), АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея, 2002 г.), Южно-Азиатскую зону свободной торговли (САФТА, 2004 г.), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС, 1989 г.), Восточно-Азиатское сообщество (ВАС, 2005 г.), Бенгальскую инициативу многоотраслевого технического и экономического сотрудничества (БИМСТЕК, 2004 г.), Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АПТА, 2005 г.), которое заменило Бангкокское соглашение от 1975 г.

Характерно, что интеграционные объединения Азии формируются не только между странами внутри региона, но имеют и межрегиональный характер. Высока роль США и Австралии в торговле со странами Восточной Азии, которые объединены с ними в рамках АТЭС. На сегодняшний день большое количество двусторонних соглашений в Азии заключено со странами Северной и Латинской Америки, а также Австралией и Новой Зеландией.

Используемая модель многостороннего сотрудничества в Азии имеет свою специфику. Практически все соглашения в Азии не предполагают глубокой интеграции и ограничиваются созданием зоны свободной торговли, причем во многих из них в отдаленной перспективе. Так, АСЕАН предстоит создать зону свободной торговли АФТА к 2010 г., АСЕАН+3 — к 2015 г., в БИМСТЕК этот процесс должен быть завершен в 2017 г. В АТЭС предусмотрено поэтапное создание беспощлиного обмена товарами: развитые страны либерализуют торговый режим к 2010 г., а развивающиеся — к 2020 г.

Однако на сегодняшний день не во всех интеграционных объединениях проводятся активные действия по ликвидации тарифных барьеров, в некоторых из них даже не начались переговоры по созданию зоны свободной торговли. Например, в Восточно-Азиатском сообществе заключение регионального соглашения о беспошлинной торговле планируется только в 2008 г. Такая ситуация приводит к тому, что на сегодняшний день, в связи с достаточно отдаленными по времени целями, в Азии нет реально функционирующих зон свободной торговли, что выделяет ее среди остальных регионов мира.

В интеграционных группировках Азии наиболее активно происходит сотрудничество именно в торговой сфере. Другие же области сотрудничества, несмотря на их упоминание, достаточно плохо проработаны в соглашениях, предполагающих создание зоны свободной торговли. Например, по свидетельству ЮНКТАД, в рамках БИМСТЕК ставится задача защиты и поощрения инвестиций, однако детальных положений по инвестиционной тематике разработано не было. Это также характерно и для соглашения между АСЕАН и Китаем, которое содержит положения о создании в течение 10 лет зоны свободной торговли, охватывающей торговлю товарами и услугами, а также инвестирование⁴.

В этих условиях единичны проекты, нацеленные на более тесную экономическую интеграцию, включая различные сферы экономического взаимодействия. Например, страны Юго-Восточной Азии намерены к 2020 г. обеспечить свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы по образцу Европейского экономического сообщества. В другой части Азии Совет по сотрудничеству стран Персидского залива планирует не только организовать общий рынок, но и ввести единую валюту. Совет договорился с Европейским центральным банком о том, что он поможет арабским государствам разработать план по переходу на единую валюту, используя опыт введения евро¹⁰. Однако достижение поставленных целей в обоих проектах предвидится нескоро.

Несмотря на высокий уровень экономического сотрудничества в регионе, большинство стран Азии предпочитает неглубокий уровень интеграции. Это способствует их участию в нескольких интеграционных объединениях, поскольку используемая модель открытого регионализма позволяет странам не придерживаться жестких обязательств. Причины использования такого подхода связаны со значительной конкуренцией глобальных и региональных экономических центров за влияние в регионе.

Восточная Азия представляет собой пересечение интересов Японии и США, которые заинтересованы в разных моделях азиатской интеграции. Если Япония, имея ряд незащищенных и неконкурентоспособных отраслей, предпочитает интеграцию с изъятиями и преимущественно путем снижения таможенных пошлин, то США готовы к более глубокой и масштабной интеграции, предполагающей открытие сферы услуг и т.д.¹¹. Появление новых региональных лидеров обостряет борьбу за влияние в регионе. До сих пор значимыми игроками остаются США и Япония, однако все больший вес набирают Китай, Республика Корея и отчасти Индия. Именно расстановка сил обуславливает состав союзов между государствами в Азии, в том числе и объединений интеграционного характера.

В этой ситуации показательна модель интеграции АТЭС, которая проповедует открытый регионализм. В АТЭС нет четких обязательств, что в принципе очень характерно для ряда стран Восточной Азии. Однако противоречия интересов лидеров группировки приводят к тому, что они не достигают своих целей по либерализации торговых режимов и вынуждены создавать новые интеграционные проекты с разными участниками. Япония добилась своего, создав урезанную форму АТЭС в виде Восточно-Азиатского сообщества без участия США. Однако вместо США в этом интеграционном проекте присутствует быстро растущий Китай, который будет оспаривать лидерство в группи-

ровке и мешать Японии играть главную роль. В этих условиях перспективы успешной интеграции в этой организации в ближайшее время малы.

Такая конкуренция интересов вызывает также и то, что экономические взаимоотношения в регионе, в основном строящиеся путем ориентации на крупнейшие рынки региона (Китай, Японию и Республику Корея), не подкреплены многосторонними интеграционными соглашениями, или они были заключены недавно и находятся только в стадии реализации. Эта ситуация во многом противоречит международной практике. Мировой опыт региональной интеграции свидетельствует о том, что появление региональных центров вызывает формирование вокруг них интеграционных объединений, поскольку крупные экономики заинтересованы в продвижении своих товаров на соседние рынки за счет упрощения процедур импорта в этих странах. Примерами могут выступать группировки с одним центром, например, НАФТА во главе с США или союзы на постсоветском пространстве, где главенствующее положение занимает Россия. Также известны и случаи группировок с несколькими центрами, например, МЕРКОСУР с двумя сопоставимыми экономиками — Аргентиной и Бразилией.

В Азии примером моноцентричной группировки служит САФТА во главе с Индией, однако эффективной реализации экономической интеграции в этом субрегионе нет. Уровень взаимной торговли в группировке находится на очень низком уровне: по итогам 2004 г. этот показатель составил всего 5%. А высокий уровень тарифной защиты в Южной Азии, который, кстати, является одним из самых высоких в мире¹², не способствует увеличению объема торговли в регионе. Несмотря на предпринимаемые интеграционные инициативы, страны Южной Азии в большей степени стремятся проводить либерализацию торговли в рамках ВТО, что в условиях кризиса многосторонних переговоров создает для субрегиона серьезную проблему. Не способствуют интеграции также и значительные политические разногласия между странами-участницами.

В целом из-за значительной конкуренции за лидерство в регионе углубление многостороннего экономического сотрудничества тормозится. Однако это не единственная проблема. Реализация многостороннего сотрудничества в Азии осложняется также и тем, что страны не готовы к интеграции. Либерализация торговых режимов в многосторонних интеграционных группировках хотя и происходит, но в первую очередь отражается на тарифах на товары, доля которых во взаимной торговле мала. Например, 22% индонезийских таможенных тарифов и 59% малазийских равны нулю¹³, однако беспощинно импортируются, как правило, товары из других регионов. Поскольку в странах Восточной Азии снижение тарифов не касается основных торгуемых товаров в регионе, на сегодняшний день роль многосторонних объединений в увеличении внутрирегиональной торговли мала.

Такое медленное развитие успешных интеграционных процессов связано также и с неготовностью стран открывать свои уязвимые отрасли для внешней конкуренции. В этих условиях многие интеграционные проекты реализуются с изъятиями, что, однако, вполне соответствует международной практике. Под изъятие подпадают важнейшие сферы экономики, например сельское хозяйство. Так, в шести странах АСЕАН 158 товарных позиций по сельскому хозяйству не подлежат либерализации в ближайшие пятилетия¹⁴.

В условиях медленной реализации многосторонних проектов и кризиса переговоров в ВТО страны Азии нашли более эффективный способ интеграции. Наравне с использованием модели открытого регионализма, в последнее время азиатские страны стали активно прибегать к двустороннему сотрудничеству с целью решения своих практических задач.

Таким образом, на сегодняшний день институционализация многостороннего экономического сотрудничества в Азии не столь успешна, как в других регионах мира. Это объясняется ее сравнительной новизной в регионе, а также значи-

тельной конкуренцией региональных и глобальных центров, по-разному относящихся к глубине и масштабам экономической интеграции. В результате для решения своих краткосрочных задач азиатские страны не ищут компромисса в многостороннем взаимодействии, а используют другие модели интеграции, а именно, активно подписывают двусторонние соглашения о преференциальной торговле.

Активизация двустороннего сотрудничества в Азии

Специфика интеграционных процессов в Азии выражается в наличии большого количества двусторонних соглашений о преференциальной торговле как между странами азиатского региона, так и межрегиональных. К сегодняшнему дню подписано несколько десятков двусторонних соглашений, в которых участвуют по меньшей мере десять азиатских стран. Среди наиболее активных участников можно выделить Сингапур, Таиланд, Японию, Малайзию, Республику Корея. Значительное количество соглашений находится в стадии обсуждения.

Применение двусторонней модели интеграции отчасти связано с отдаленной во времени реализацией многосторонних интеграционных процессов, что было рассмотрено выше. Однако существует также и ряд специфических причин.

Некоторые азиатские страны в большей степени предпочитают заключать двусторонние соглашения, а не участвовать в многосторонних интеграционных проектах, поскольку двусторонний формат сотрудничества в связи с ограниченным количеством участников в наибольшей степени отвечает интересам партнеров по либерализации конкурентоспособных отраслей и защите уязвимых секторов экономики. В формате многосторонних соглашений такого консенсуса достичь намного сложнее. Например, Япония до недавних пор проявляла интерес к заключению двусторонних соглашений о свободной торговле с изъятиями по сельскому хозяйству, стремясь не допускать конкурентов на внутренний аграрный рынок. Иногда такие опасения доводили до курьезов. Даже при заключении соглашения о свободной торговле с Сингапуром, в котором практически отсутствует сельское хозяйство, Япония предпочла не включать эту отрасль в пакет соглашений, опасаясь поставок к себе золотых рыбок.

Другие страны используют двусторонний формат взаимодействия не с целью защиты уязвимых отраслей, а для создания благоприятных условий своим экспортерам. Например, Сингапур и Таиланд за последние годы подписали более 10 двусторонних соглашений, причем не только со странами Азии, но и с США, Австралией и т.д. Таким образом, беспошлинная торговля с этими странами создаст конкурентные преимущества для их экспортеров по сравнению с конкурентами-соседями, например Китаем, у которого такого соглашения с этими странами нет. Нередко такие соглашения лоббируют иностранные транснациональные корпорации, заинтересованные в беспошлинном режиме импорта своих товаров.

Интересен опыт Сингапура по заключению двусторонних соглашений. Внешнеэкономическая стратегия страны построена на заключении преференциальных договоров с представителями различных регионов, поскольку Сингапур, имея скромный внутренний рынок, во многом зависит от внешней торговли¹⁸. Он в одностороннем порядке установил нулевые пошлины на импорт. В этих условиях интерес партнеров по заключению двусторонних соглашений состоит не в либерализации сингапурского торгового режима, а в создании преференциальных условий экспорта, поскольку Сингапур является местом расположения иностранных производств, продукция которых направлена на зарубежные рынки. Поэтому на сегодняшний день Сингапур является лидером азиатского региона по заключению преференциальных торговых договоров.

Другая причина перехода на двусторонний уровень сотрудничества заключается в конкуренции стран-экспортеров за рынки сбыта. Многосторонние переговоры АСЕАН и Японии все равно переходят на двусторонний лад, поскольку меж-

ду странами Юго-Восточной Азии разгорелась борьба за рынок сбыта. Так, например, Малайзия и Филиппины добиваются подписания самостоятельных соглашений с Японией из-за конкуренции за рынок бананов в стране.

Специфический характер двусторонних соглашений формируется также за счет многосторонней разнотемпной интеграции, которая во многом тормозит либерализацию внешней торговли, что вынуждает ряд стран идти по пути двусторонних соглашений. К такому пути прибегли, например, Сингапур и Таиланд. Как члены АСЕАН они, не дожидаясь создания зоны свободной торговли, решили на основе двустороннего соглашения создавать преимущества своим экспортерам.

Активность стран Азии по заключению двусторонних соглашений вызывает значительные дискуссии об их целесообразности и недостатках. Защитники двустороннего сотрудничества указывают, что, во-первых, такие соглашения создают благоприятные условия торговли, и это, безусловно, скажется на увеличении объемов обмена товаров между странами. Во-вторых, преимуществом двусторонних соглашений является возможность активизировать многосторонние торговые переговоры. Так, например, договор Сингапура и Таиланда в рамках АСЕАН открыт для присоединения новых членов. Таким образом, применяемый механизм "2 + X" должен привести в действие интеграцию в АСЕАН¹⁶.

Недостатки двустороннего сотрудничества состоят в том, что они нарушают нормальные условия конкуренции в международной торговле, создавая преференциальные условия торговли для ограниченного числа стран, искажают обмен товарами и снижают гибкость торговой системы. К этому приводит отвлечение торговли от наиболее эффективных поставщиков к странам-партнерам по двустороннему соглашению, что в некоторых случаях может снизить благосостояние нации¹⁷.

Эффективность двусторонних соглашений значительно снижается за счет административных барьеров и стран-импортеров, и экспортеров. Как отмечается в докладе ЭСКАТО о развитии стран АТР, нередко "бюрократические формальности при получении разрешения на использование преференций настолько велики, что иногда целесообразно вообще отказаться от них"¹⁸.

Негативной чертой двусторонних соглашений при их многочисленности является создание значительного количества условий торговли, что весомо увеличивает издержки для бизнеса. По словам вице-президента компании FedEx М.Дакера, "гармонизированные правила уменьшают издержки и увеличивают предсказуемость"¹⁹, тогда как в условиях многочисленных двусторонних соглашений наблюдается обратный эффект.

В особенности против таких договоров выступает ВТО. По словам главы этой организации П.Лами, двусторонние соглашения могут отвечать краткосрочным интересам страны, но, однако, значительно мешают достижению долгосрочных коммерческих задач²⁰. Таким образом, двусторонние договоры о преференциальной торговле — вынужденная мера для азиатских стран в условиях кризиса переговоров в ВТО и медленной реализации многосторонних интеграционных группировок.

* * *

Парадокс азиатского региона состоит в том, что отсутствие институционализации не мешает странам Азии наращивать взаимное экономическое сотрудничество. Азиатские страны в настоящее время предпочитают заключать двусторонние соглашения, исключая уязвимые отрасли из пакета соглашений. Однако двусторонние договоры, хотя и позволяют на определенном этапе спасти ситуацию, но в долгосрочной перспективе не являются эффективным механизмом, поскольку значительно увеличивают издержки торговли. Такая модель интеграции далека от

оптимальной, и в ближайшие годы страны Азии предстанут перед вызовом поиска моделей сотрудничества в многостороннем формате.

К многосторонним региональным соглашениям подтолкнет страны Азии также и быстро растущий Китай. Его безусловное лидерство в будущем может заставить Японию и Республику Корея ускорить интеграцию в Восточной Азии, что потребует от них открытия чувствительных отраслей экономики. В противном случае в среднесрочной перспективе они могут упустить свой шанс интеграции на наиболее выгодных условиях.

1. См.: Абалкина А.А. Взаимная торговля в региональных интеграционных группировках: итоги 2004 года // Информационно-аналитический бюллетень ЦПИ ИЭ РАН. 2006. № 1-2. www.imepi-eurasia.ru/baner/blt.htm
2. Как отмечает Всемирный банк, такой эффект отмечался за год или за два до подписания соглашения в НАФТА и МЕРКОСУР, а также ряде других интеграционных группировок.
3. Однако ради справедливости необходимо отметить, что наличие крупной экономики в субрегионе не всегда притягивает на себя торговые потоки. Например, в САФТА, где главенствующее положение занимает Индия, уровень экспортной взаимозависимости находится на очень низком уровне и составляет всего 5%.
4. Global Economic Prospects 2005. Trade, Regionalism, and Development. Wash.: World Bank, 2005. P.51.
5. Ibid. P.28.
6. ЭСКАТО об актуальных проблемах развития экономики АТР // БИКИ. 2006. № 33. С. 5.
7. Tourk K. The Political Economy of East Asian Economic Integration // Journal of Asian Economics. 2004. № 15. P. 845.
8. ШОС включает в себя Россию, Китай, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан и Казахстан.
9. Сотрудничество по линии ЮГ—ЮГ в области международных инвестиционных соглашений. Женева: ЮНКТАД, 2005. С. 29.
10. Ведомости. 2006. 19 апреля.
11. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: Наука, 2004.
12. Например, в Индии средний таможенный тариф составляет примерно 30%. В Бангладеш реально применяемая средняя величина импортной пошлины превышает 18% при уровне связывания в рамках соглашений по ВТО — 164%.
13. Global Economic Prospects 2005. P.42.
14. Wilson N. Regional Trade Arrangements and Multilateral Trading System // Regional Meeting On Agriculture Trade And Development In Southeast Asian Countries, 2005, October 24—26.
15. Dent C. The New Economic Bilateralism in Southeast Asia: Region-Convergent or Region-Divergent? // International Relations of the Asia-Pacific. 2006. Vol. 6. P. 95.
16. Ibid. P. 95.
17. Однако ради справедливости необходимо отметить, что эффект отвлечения торговли может негативно сказаться на благосостоянии и в случае многосторонней региональной интеграции.
18. ЭСКАТО об актуальных проблемах развития экономики АТР // БИКИ. 2006. № 33. С. 5.
19. WTO's Lamy Warns Over China's Pursuit of Separate Free Trade Agreements // Associated Press. 2006. 6 September.
20. APEC Admits Dangers of Bilateral Deals // Financial Times. 2005. 18 November.

Коллективное экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления

© 2007

В. Фроленков

По мере формирования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) все большую значимость приобретает экономическое направление, что подчеркивается практически во всех важнейших документах саммитов и других форумов Организации. И это не случайность, это — объективная тенденция.

Относительно коллективных экономических перспектив Шанхайской организации сотрудничества существует два диаметрально противоположных взгляда. Так, некоторые политологи, в основном на Западе, полагают, что ШОС недолговечна ввиду своей конъюнктурности и посему ее коллективные хозяйственные планы мало реалистичны. Другие, главным образом в КНР, наоборот, утверждают, что у экономического сотрудничества в рамках Организации большие перспективы. Так, по словам эксперта Госсовета КНР Чжао Цзиньпина, если в регионе ШОС будет успешно осуществлена экономическая интеграция, то к 2020 г. он обеспечит до 30% мирового ВВП. Китайский ученый отмечает наличие определенных предпосылок для этого, приводя данные Всемирного банка о том, что в 2003 г. общий объем ВВП стран ШОС уже достиг 70% соответствующего показателя стран Евросоюза¹.

В настоящее время развитие экономического сотрудничества стран-членов Организации обретает характер приоритетной задачи и даже выходит на первый план. Именно экономическое взаимодействие должно придать декларациям и заявлениям ШОС, при всей их важности, осязаемость и конкретику.

Для Китая его первоначальная задача в ШОС, заключавшаяся в урегулировании пограничного вопроса и достижении нужного для него понимания со стороны государств-соседей проблемы сепаратизма в Синьцзяне, оказалась в основном решенной. Определение понятий террора, экстремизма, сепаратизма в документах ШОС стало еще одним обоснованием легитимности предпринимаемых КНР действий в СУАР², а России — в Чечне, других стран Организации — на их суверенной территории. Пограничный вопрос на обозримую перспективу оказался урегулирован и в рамках российско-китайских отношений, и в рамках китайско-центральноазиатского диалога. (Правда, в отношениях между центральноазиатскими странами ситуация с названной проблемой несколько иная). Ввиду всего этого у Пекина появилась возможность переключо-

Фроленков Виталий Сергеевич — аспирант ИДВ РАН.

Статья подготовлена на основе доклада, сделанного автором на XVI Международной конференции серии "Китай, китайская цивилизация и мир" (Москва, 26—27 октября 2006 г.).

читься на решение следующей задачи — подключения экономического потенциала ШОС к планам внутреннего хозяйственного развития КНР.

В Китае исходят из того, что ШОС — это первая и единственная для него региональная структура многостороннего сотрудничества, инициатором создания которой был он сам. ШОС служит также одним из механизмов адаптации КНР к процессам глобализации и регионализации мировой экономики. Поскольку сегодня в шкале интересов Китая приоритет отдан его экономическому развитию, то Пекин, видимо, усматривает в ШОС и потенциальный инструмент своей экономической стратегии в Центральной Азии, тем более, что кроме ШОС других структур у Китая в регионе пока нет. А вот остальные члены Организации одновременно входят в различные экономические проекты типа ЕврАзЭС³. ШОС является для Пекина возможностью стать монолидером региональной геополитики, а также уникальным посредником между странами ЦА и остальным миром⁴.

В рамках Шанхайской группы КНР является главным застрельщиком торгово-экономического сотрудничества, прежде всего в силу поставленных перед страной хозяйственных задач, а также ее финансовых возможностей. Но в основном ее экономическая активность вызвана очевидной заинтересованностью Пекина в том, чтобы дипломатично “застолбить” политико-экономическое пространство центральноазиатского региона (ЦАР)⁵. И вероятность этого достаточно высока: по оценкам, к настоящему времени экономика КНР составляет около половины экономики всей Азии. Китайские эксперты полагают, что при сохранении текущих тенденций мирового экономического развития, к 2015 г. экономика КНР по масштабам превзойдет американскую и станет крупнейшей в мире⁶.

В качестве специфических условий, благоприятствующих развитию экономической кооперации в рамках ШОС, можно назвать наличие определенных гарантий в виде официальных механизмов взаимодействия в политической, оборонной областях, в сфере обеспечения безопасности. Также к этим условиям можно отнести особый характер разделения труда между странами-участницами ШОС, обусловленный сложившимся хозяйственным “лицом” каждой из них⁷, а также стремление Китая использовать сравнительные экономические преимущества как свои собственные, так и стран-партнеров⁸.

Одним из приоритетных направлений экономической политики КНР в Центральной Азии стала кооперация в нефтегазовой отрасли, поскольку бурно развивающемуся Китаю необходимы все большие объемы энергоресурсов. По подсчетам автора, в ближайшие годы импорт нефти Китаем может возрасти до 220 млн тонн в год⁹.

К настоящему времени взаимодействие Китая и крупнейшей страны ЦАР — Казахстана в названной сфере достигло, пожалуй, даже больших успехов, чем соответствующая китайско-российская кооперация. Уже функционирует часть большого нефтепровода “Западный Казахстан — Китай” (его участок “Атасу — Алашанькоу”), по которому казахстанская нефть пошла на нефтеперерабатывающий завод в Душаньцзы (СУАР КНР), в то время как сооружение нефтепровода “Восточная Сибирь — Тихий океан” с веткой на Дацин только началось.

В двусторонних планах на будущее — совместная разведка и освоение новых месторождений нефти и газа на западе Казахстана. Из этого региона предполагается строительство в Китай газопровода, для транспортировки газа также и из других государств. Это уже сейчас дает новые рабочие места в Синьцзяне и тем самым способствует стабилизации ситуации в этом районе Китая¹⁰.

Между КНР и другой нефтедобывающей центральноазиатской страной ШОС — Узбекистаном заключено соглашение о создании СП в нефтяной сфере с объемами активов в 600 млн долл.¹¹.

Главным экономическим интересом КНР в Организации является не только доступ к энергоресурсам ЦАР, но и выход на рынки объединенной Европы "транзитом" через Центральную Азию. Развитие коммуникаций между Китаем и центральноазиатскими государствами имеет целью значительно интенсифицировать и их торговый оборот. Понятно, что для этого Китаю в первую очередь необходимо развивать совместную транспортную инфраструктуру со странами региона¹². В 2001 г. председатель КНР Цзян Цзэминь заявил, что Китай готов в дальнейшем выступать для стран ЦАР и России в роли железнодорожного и трубопроводного моста и таким образом открыть для них удобный путь к морям Юго-Восточной Азии¹³.

Государства ЦАР выразили свою готовность не только внести посильный вклад в развитие западных районов КНР, но также участвовать в строительстве нового Евразийского континентального моста — аналога Шелкового пути, который предполагается построить по трем направлениям: транспортная система, энергетика, прочие коммуникации. Использование нефтяного и газового потенциала ЦАР в этом контексте становится не только благоприятным, но и обязательным условием¹⁴.

В частности, Казахстан рассматривается руководством КНР как мост, связующий Китай не только с Европой, но и с Ближним Востоком. Уже наращивает пропускные способности казахстанско-китайская железная дорога с пограничными станциями "Достык — Алашанькоу"¹⁵. В настоящее время осуществляется двенадцать проектов, направленных на расширение транспортно-сообщения Казахстана с СУАР КНР.

В Кыргызстане при содействии Китая идет модернизация действующих и сооружение новых транспортных путей. Продолжается восстановление автомагистрали "Китай — Кыргызстан — Узбекистан". Завершено строительство автодороги между Китаем и Таджикистаном, которая в перспективе может обеспечить выход к Индийскому океану через Афганистан и Пакистан¹⁶.

Для России экономическое сотрудничество в ШОС важно для того, чтобы материальным образом подкрепить свой традиционный авторитет в Центральной Азии. Преимущество РФ здесь заключается в том, что и она, и страны Центральной Азии долго были частями единой экономической системы, а сегодня их экономики остаются взаимодополняемыми более, чем экономики государств центральноазиатского региона и Китая.

Интерес России к энергоресурсам ЦАР тоже является мощным мотивом политико-экономической активности нашей страны в Организации. Бюджет РФ весьма зависим от торговли энергоресурсами, поэтому состояние экономики региона, влияющее на конъюнктуру мирового рынка углеводородного сырья, не должно выпадать из внимания России.

Контроль над ресурсами Центральной Азии обретает еще и геостратегическую важность, поскольку энергетическая безопасность и энергообеспечение стали ключевыми вопросами международно-политической повестки. РФ нужно сохранять позиции в "большой игре" за энергоресурсы региона, к которой подключились США, Евросоюз, Индия, Пакистан, Япония, Южная Корея и т. д.¹⁷.

Ввиду того, что позиции России в мировой экономике пока слабее китайских, альянс РФ с КНР в рамках ШОС с целью координации действий в приоритетных направлениях сотрудничества, вполне логичен¹⁸. А поскольку основной интерес КНР в Центральной Азии сейчас лежит в сфере экономики, то и для России целесообразно задействовать все реальные возможности по наращиванию своего участия в хозяйственных процессах ШОС.

РФ уже предпринимает попытки догнать Китай в экономической активности на пространстве Организации. Так, в мае 2006 г. в Сочи на встрече глав

государств России и Казахстана были достигнуты договоренности по вопросам энергетического сотрудничества, включая совместную разработку крупнейшего нефтегазового месторождения на Каспии и увеличение цены покупки казахстанского газа на российской границе. С началом совместной деятельности на месторождении "Курмангазы" торговый оборот между двумя странами может удвоиться и достигнуть 20 млрд долл. в год. Намечен целый ряд совместных проектов и в других сферах¹⁹.

Для стран Центральной Азии развитие их экономик — особо актуальный и болезненный вопрос, решение которого они ищут и на пути взаимодействия в рамках ШОС.

Одним из главных, если не главным, упреждающим средством обеспечения безопасности и политической стабильности видятся меры по преодолению острых социально-экономических проблем²⁰. Именно нерешенность таких проблем во многом создает почву для экстремистских проявлений. В этой связи события весны-лета 2005 г. в Кыргызстане и Узбекистане, а также осени 2006 г. в Кыргызстане заставляют обратить особое внимание именно на социально-экономическую ситуацию в ЦАР.

Исходя из этого, можно определить особенность хозяйственного взаимодействия в рамках ШОС, заключающуюся в том, что в перспективе оно может действенным образом способствовать решению политических задач Организации в плане безопасности и противодействия сепаратизму. То есть, для обеспечения региональной стабильности экономическая кооперация в исполнении ШОС способна оказаться гораздо более эффективной, нежели одно только взаимодействие в сфере антитеррористической деятельности²¹.

Можно сказать, что необходимость экономического сотрудничества стран ШОС обусловлена тем, что по его каналам Организация могла бы не только решать задачи стратегического свойства, но и ощутимо влиять на политико-социальные процессы в странах "шестерки", причем в полном согласии с принципом невмешательства во внутренние дела и соблюдения национального суверенитета²².

В большинстве центраальноазиатских стран-членов ШОС очевиден недостаток собственных ресурсов. Это также диктует потребность в коллективных усилиях по экономическому развитию ЦАР. Хозяйственное сотрудничество в ШОС необходимо развивать еще и потому, дабы не отдать социально-экономическую сферу Центральной Азии в полное ведение других международных структур, например, Азиатского банка развития (АБР) и Всемирного банка с их программами помощи. Тем более, что наличие в регионе другого международного экономического объединения — ЕврАзЭС в настоящее время и так приглушает значение ШОС как носителя экономического взаимодействия²³.

Все шесть стран Организации едины в том, что главными задачами экономического сотрудничества ШОС является развитие энергетических и транспортных систем. Но в принципе эти задачи могут быть реализованы на двусторонней основе, причем, вне рамок Организации. То есть, совершенствование энерго- и транспортной инфраструктур, не обязательно являясь специализацией ШОС, может быть ей "приписано" в качестве коллективного достижения²⁴. Поскольку материально-ощутимых результатов многосторонней кооперации в рамках "шестерки" пока нет, то сейчас реально прослеживается тенденция включения успехов в двустороннем экономическом сотрудничестве в число достижений всей Организации. Видимо, это допустимо в силу того, что двусторонние хозяйственные связи (главным образом, в качестве торговых отношений) "еще долго будут сохранять функции главного канала экономического взаимодействия" на пространстве Шанхайского сообщества²⁵.

Однако никто не отрицает, что реализация хозяйственных планов ШОС на коллективном уровне небесполезна, в том числе, и для сохранения досто-

верности сделанных Организацией заявлений, то есть для поддержания престижа ее многочисленных деклараций и планов.

В настоящее время наблюдается значительный рост физических объемов торговли в рамках Организации на двустороннем уровне. Реальный успех здесь не в абсолютных цифрах — они относительно невелики, а в яркой тенденции роста, которая объясняется следующими обстоятельствами:

1. Увеличением взаимных поставок ввиду объективной политико-экономической заинтересованности в этом партнерствующих сторон. За период 1992—2005 гг. объемы торговли РФ со странами региона возросли в 1,5—2 раза, а Китая — в десятки раз! В 2005 г. российско-центральноазиатский товарооборот достиг 13,2 млрд долл., а китайско-центральноазиатский (с учетом не только стран ШОС, но и Туркменистана) — 8,7 млрд долл. На долю РФ в среднем приходилось примерно 27% торгового оборота государств региона, а на долю КНР — 13%²⁶.

Но если принять во внимание объемы "челночной" торговли Китая со странами ЦАР (не учитываемых статистическими органами государств региона), то КНР сегодня уже играет для них роль не менее важного, чем Россия, торгового партнера.

2. Увеличением стоимости экспортных и импортных товаров (в основном сырьевых ресурсов на мировых рынках) и некоторым ослаблением доллара США.

3. Улучшением экономической ситуации в регионе благодаря беспрецедентному росту мировых цен на нефть и газ (в 2004 г. — в среднем по региону (без Туркменистана) рост ВВП достиг 8,5% в год) при низком уровне инфляции (4—7%)²⁷. В случае Казахстана и Кыргызстана рост в немалой степени достигнут благодаря экономическим реформам: денационализации и приватизации некоторых секторов национального хозяйства, стимулированию малого и среднего предпринимательства.

Экономики КНР, России и государств ЦАР в некоторых аспектах действительно отличаются взаимодополняемостью. Китай и Россия, правда, в разной степени, являются поставщиками в страны ЦАР машин и оборудования, готовой продукции (до 60% их экспорта в регион). Они же представляют собой активных импортеров основной статьи центральноазиатского экспорта — сырья и природных ресурсов (от 70-ти до 100% импорта в зависимости от страны)²⁸.

Будучи развивающимися странами, государства ЦАР нуждаются в технологиях доступных и в инженерном, и финансовом отношении, а также в капиталовложениях. И то, и другое им предлагает Китай. Активность России в данной области гораздо меньше. В двустороннем инвестиционном сотрудничестве со странами ЦАР Россия и Китай делают акцент на добычу и транспортировку для собственной экономики или на мировые рынки центральноазиатских энергоносителей.

Современный торговый баланс Китая, а также России со странами Центральной Азии характеризуется ярко выраженным положительным сальдо в пользу первых. Отчасти это связано с тем, что экспорт двух ведущих стран ШОС в центральноазиатский регион в большей степени насыщен готовой продукцией (машины и оборудование, продовольствие, ширпотреб) с высокой нормой добавочной стоимости. В то же время экспорт стран Центральной Азии в Китай и Россию более представлен сырьевыми ресурсами (энергоносители, черные и цветные металлы, химическое и текстильное сырье, различные виды минерального сырья и т.п.)²⁹.

Примечательно, что между РФ и странами ЦАР имеет место и товарообмен по схеме "сырье на сырье". Доля сырьевых ресурсов в поставках из России в страны Центральной Азии составляет примерно 30%³⁰. Это является одним из свидетельств остающейся с советских времен взаимозависимости некоторых секторов экономик названной группы стран.

Например, в российско-казахстанской торговле значительную роль играет товарообмен энергоносителями. Казахская нефть по причине высокого содержания серы (за исключением нефти Тенгизского месторождения) малопригодна для переработки на казахстанских нефтеперерабатывающих заводах, так как они рассчитаны на переработку нефти без серных примесей. Поэтому Казахстан немалую часть своей нефти поставляет на российские предприятия, а взамен получает российскую нефть, свободную от подобных ингредиентов³¹.

Кроме того, между областями северного Казахстана и приграничными российскими районами имеет место обмен электроэнергией, так как многие населенные и промышленные точки этих регионов еще с советских времен связаны в единую энергетическую сеть. В ряде случаев Россия поставляет в Казахстан сырьевые ресурсы в обмен на импорт природного газа, т.к. в настоящее время без центральноазиатского газа Россия уже не в состоянии и обеспечивать свои потребности в газе, и одновременно выполнять обязательства по экспорту газа в Европу³².

Но в целом и российский, и, конечно же, китайский экспорт в государства ЦАР более насыщен готовой продукцией, чем поставки РФ и КНР во многие другие страны.

В Китае понимают, что благодаря взаимодополняемости продукции стран ЦАР и КНР (в отличие от конкуренции между производствами государств региона), экспортные статьи центральноазиатских стран и Китая (по причине их разноплановости) не соперничают друг с другом в международной торговле. Поэтому содействие в налаживании национальных производств и расширение инвестиций в Центральной Азии Китаем рассматриваются, прежде всего, как удачное вложение в "собственное дело", а не как необходимые "издержки" стратегического партнерства. Развитие же западных районов КНР в опоре на ресурсный и транспортный потенциал ЦАР видится Пекину фактором снижения напряженности на территории самого Китая (например, в СУАР).

Итак, торгово-экономическое сотрудничество стран ШОС пока осуществляется в основном по линии двусторонних отношений, а вот коллективный формат хозяйственного взаимодействия еще не сложился и находится на подготовительной стадии — на стадии согласований, принятия решений и утверждения целеполагающих документов.

Так, в 2003 г. в Пекине была принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества на 20—25 лет, а в 2004 г. — подписан План реализации этой Программы, который включает более 100 позиций.

В 2005 г. на заседании Совета глав правительств государств ШОС были утверждены конкретные меры реализации названного Плана. В ноябре 2005 г. было подписано Соглашение по межбанковскому сотрудничеству стран ШОС, в июне 2006 г. на саммите ШОС в Шанхае документы об официальном учреждении Делового совета ШОС в качестве постоянно действующего органа, а также Программа действий между банками — членами Межбанковского объединения в рамках Организации³³.

В структуре Секретариата ШОС была учреждена должность заместителя Исполнительного Секретаря, ответственного за экономическую группу, обеспечивающую работу Совета глав правительств и совещаний руководителей министерств и ведомств по экономическому и гуманитарному направлениям. На группу также возложена функция по осуществлению контактов с исследовательскими и деловыми кругами стран-членов Организации³⁴.

В Астанинской Декларации глав государств-членов ШОС от 5 июля 2005 г. стороны выразили намерение ускорить создание Фонда развития ШОС и усилить межбанковское взаимодействие с целью оказания финансовой поддержки осуществлению проектов регионального сотрудничества. В этой связи идут переговоры о

создании Банка ШОС для финансового обеспечения проектов Организации за счет средств предпринимателей, частных и банковских структур.

В Москве в мае 2006 г. прошло учредительное заседание Форума ШОС, который станет постоянной многосторонней консультационно-экспертной структурой.

К началу 2006 г. удалось достичь согласования позиций в отношении более ста совместных проектов в области экономического и научно-технического сотрудничества, главным образом в энергетической и транспортной сферах. Наиболее перспективными называются объекты энергетического сотрудничества, что позволят соединить трубопроводные системы Казахстана, России и Китая; возобновление перекачки нефти по нефтепроводу "Омск — Павлодар — Чимкент — Чарджоу"; совместная эксплуатация кыргызского участка газопровода "Бухарский газоносный район — Ташкент — Бишкек — Алматы", а также проект по сотрудничеству в области транзита среднеазиатского и российского газа³⁵.

Финансирование строительства уже упоминавшегося нефтепровода "Атасу—Алашанькоу", способного транспортировать до 400 тыс. баррелей сырой нефти в день, пока осуществлялось китайской стороной, на что КНР потратила 850 млн долл. США³⁶. Однако существуют планы подключения к развиту этой "ветки" и других стран ШОС³⁷.

По мнению России, реализация этих проектов заложит основу для создания в рамках ШОС "клуба потребителей и производителей энергоресурсов", а также концепции единой газо-, нефте- и энерготранспортной системы. В настоящее время обсуждается идея формирования в рамках Организации общего энергетического рынка и создания в перспективе единого транспортного пространства. Направлением коллективного сотрудничества здесь может стать согласование выбора транспортных маршрутов среди производителей энергоресурсов, что позволит избежать конкурентного давления на рынок.

Кроме того, стороны понимают, что им необходимо сформировать совместную нормативно-правовую базу, оптимизировать налоговое и таможенное взаимодействие³⁸.

Если в экономические планы будут вовлечены страны-наблюдатели при ШОС, то тем более полезной станет коллективная реализация проектов энергетического или транспортного характера (например, прокладка транспортного коридора по маршруту Индия — Иран — Россия). Так, эти три страны стали первыми учредителями транспортного коридора "Север — Юг". Предполагается, что названный "коридор" пройдет по маршруту "Россия — Казахстан — Туркменистан — Иран" и далее по Аравийскому морю в Индию³⁹.

Дополнительные возможности хозяйственного сотрудничества в рамках ШОС видятся в связи с вероятным привлечением в развитие сельского мелкого и среднего бизнеса центральноазиатских государств инвестиций из Индии или Пакистана, имеющих плодотворный опыт подобного рода⁴⁰.

До сих пор инвестиции в рамках ШОС направлялись на поддержку двусторонних проектов, причем в основном проектов с низкой степенью риска и быстрой окупаемостью (разработка уже разведанных месторождений с доказанно рентабельными запасами, производство одежды и обуви, сборка несложной бытовой техники)⁴¹. Инвестиции такого целевого назначения мало способствуют "коллективизации" экономического сотрудничества между странами Организации. А вот совместное развитие транспортной и энергетической инфраструктур не просто подразумевает выход экономического сотрудничества на многосторонний уровень, но и прямо предлагает это, поскольку в рамках двусторонних отношений не всегда возможно изыскать достаточные финансовые средства на соответствующие проекты.

Практической подвижкой в деле коллективного торгово-экономического сотрудничества ШОС можно назвать лишь предоставление Китаем в 2004 г. кредита в размере 900 млн долл. странам-членам Организации на цели, говоря словами Ху Цзиньтао, "увеличения объема китайской торговли"⁴². Если стороны утвердятся в том, что назначение этого кредита будет не только коммерческим, то его распределение можно будет назвать реальным направлением коллективной экономической кооперации ШОС. Надежда на это есть, т.к. в июне 2006 г. между Банком развития Казахстана и "Эксимбанком" КНР было подписано рамочное соглашение об условиях названного кредита.

При всей важности масштабных энергетических и транспортных проектов, тем не менее, наиболее быстрыми и весомыми в плане не только экономической, но и политической отдачи видятся совместные проекты несколько иного рода. А именно те, которые были бы нацелены на преодоление конкретных социальных проблем. Например, проекты по созданию мелкого и среднего производства и бизнеса (дабы увеличить число рабочих мест), по сотрудничеству в сфере водопользования на сопредельных территориях стран региона, в здравоохранении и образовании. Такие некрупные проекты более реалистичны, более легко выполнимы и более ощутимы для населения. Значение подобных проектов определяется и тем, что экономики центральноазиатских государств-членов ШОС и Китая являются и трудозатратными, и трудоизбыточными.

Итак, пока реальных дел в многостороннем экономическом взаимодействии ШОС не много, но наличие большого потенциала для него представляется очевидным.

Тем не менее, между государствами-членами ШОС во взглядах на цели коллективной экономической кооперации существуют определенные противоречия. В Организацию входят разновеликие по своим параметрам страны. До сих пор факт их несимметричного партнерства не являлся препятствием на пути развития ШОС, однако, оценивая будущность экономической кооперации в рамках Организации, можно сказать, что возникновение здесь проблем весьма вероятно по целому ряду причин.

Прежде всего потому, что разносторонний формат взаимодействия требует гораздо больших затрат, усилий и согласований, чем двустороннее сотрудничество. Так, с практической точки зрения, у стран-членов разные банковское законодательство, инвестиционный климат и кредитная политика⁴³, что само по себе чревато несоответствиями.

Кроме того, центральноазиатский регион находится в географическом отдалении от внешних торговых потоков России, которые замкнуты преимущественно на Европу и АТР. Транспортная сеть и топливно-энергетический комплекс стран Центральной Азии вообще изначально не имели национальных рамок и создавались как региональные или общесоюзные, не имеющие выходов вовне. Регион географически изолирован, не имеет доступа к морским портам и находится в стороне от мировых финансовых и торговых потоков. В силу общего прошлого, экономического связи между странами ЦАР часто безальтернативны и по-прежнему замкнуты друг на друга и на Россию⁴⁴.

В отличие от Китая, Россия в транспортных услугах центральноазиатских стран практически не нуждается, так как ее внешняя торговля ориентирована на Европу и АТР (в основном, это экспорт сырья и энергоносителей на мировой рынок). Центральная Азия для России представляет некий транспортный тупик, через который транзит грузов крайне затруднен⁴⁵. А вот внешнеторговые потоки стран ЦАР на Запад идут именно через российскую систему дорог и трубопроводов. Это для РФ выгодно и с политической, и с экономической точек зрения. Китай же, наоборот, заинтересован в диверсификации дорожно-магистральной инфраструктуры региона и ликвидации транспортной

монополии России путем вывода транзитных веток на себя. Да и для стран ЦАР Китай — это не только динамичный и доступный экспортно-импортный рынок, но и жизненно важный коммуникационный канал, по которому их продукция может поступать на мировые рынки в обход территории РФ. В этом плане Китай способен помочь им диверсифицировать их транспортную инфраструктуру и устранить абсолютность России как транзитера. А в случае же полноценного участия Казахстана не только в проекте нефтепровода “Атасу — Алашанькоу”, но и в проекте трубопровода “Баку—Тбилиси—Джейхан”, появляется вероятность перекрытия доступа России к узбекским и туркменским углеводородам.

Таким образом, в рамках треугольника “РФ—ЦАР—Китай” уже наблюдается явственное несовпадение интересов. Справедливости ради следует отметить, что с восточным и южным направлением российских, китайских и центральноазиатских товаропотоков дело обстоит иначе. Всем странам ШОС выгодно развитие транспортных коммуникаций в направлении Южной Азии, хотя экономически это более интересно КНР и странам ЦАР, нежели России. РФ активно торгует на западном направлении, а товары в АТР она в принципе может отгружать через свои восточные порты. Как отмечают известные эксперты В. Парамонов и А. Строков, целесообразность формирования новых сухопутных путей на Юг заключается в том, что благодаря им резко сократилось бы время доставки грузов из Центральной Азии и Китая в Пакистан и Индию. Кроме того, транспортная кооперация Центральной и Южной Азии повысила бы инвестиционную привлекательность центральноазиатских государств и облегчила бы проблему низкой конкурентоспособности их экономик. В целом же, прокладка новых коммуникаций на Юг имеет большой политико-стратегический смысл, ибо она позволила бы соединить в общую сеть транспортные системы всех стран-членов ШОС, а также государств-наблюдателей из Южной Азии. (Препятствия здесь — положение в Афганистане и сложный характер индо-пакистанских, а также афгано-пакистанских отношений)⁴⁶.

2. Страны ЦАР и в определенной мере Россия, похоже, уже обрели статус перманентных поставщиков сырья в Китай и покупателей китайской готовой продукции. Особенно в случае небольших центральноазиатских экономик консервация такого положения может привести к постепенному истощению промышленного потенциала ЦАР из-за застоя его перерабатывающих отраслей. А вот китайские инвестиции в страны Центральной Азии (да и в Россию) имеют целью расширение производства и экспорта в Китай именно сырьевых ресурсов, а также стимулирование импорта этими странами китайской продукции. Это тоже способно лишить стимула к развитию перерабатывающие отрасли соответствующих государств. И здесь таится еще одно серьезное несоответствие, ибо в долгосрочной перспективе судьба “однобоких” экономик часто оказывается незавидной⁴⁷.

Поскольку страны ЦАР и Россия зависимы от внешних факторов — мировых цен на нефть и газ, то они оказываются уязвимыми и относительно условий внешней торговли. И РФ, и государства региона заинтересованы в преодолении сырьевой ориентации и диверсификации своих национальных хозяйств. На уровне региональной кооперации (а впоследствии и интеграции) достижению этой цели могло бы помочь создание СП в обрабатывающих отраслях промышленности. Значительную часть технологических операций таких предприятий было бы целесообразно разместить на территории Центральной Азии, т.к. там есть и энергоносители, и более дешевая рабочая сила, а затраты на капитальное строительство в субтропической климатической зоне менее существенны. Ввиду более низких производственных издержек в условиях Центральной Азии по сравнению с Россией подобное размещение производства могло бы дать ощутимый экономический эффект⁴⁸.

Перспективными направлениями деятельности российско-центральноазиатских СП видятся следующие сферы:

— реабилитация и развитие ряда важных для России отраслей промышленности (текстильной и легкой), которые вне связи со странами ЦАР обречены на отмирание. К примеру, в РФ практически отсутствует собственная сырьевая база текстильной промышленности, поскольку из-за особенностей климата выращивание хлопка и текстильное овцеводство в России невозможно. По этой причине около 90% текстильного сырья в бывшем СССР производилось в Центральной Азии⁴⁹;

— развитие аграрного сектора в ЦАР ввиду того, что сельское хозяйство региона, ведущееся в теплой субтропической зоне, потенциально более конкурентоспособно и, следовательно, инвестиционно более привлекательно, чем во многих областях России. В странах Центральной Азии возможно выращивание, причем, в значительных объемах, ценных для российской промышленности культур, которые в более холодном климате или не произрастают, или нерентабельны;

— реабилитация ряда машиностроительных производств (преимущественно сельскохозяйственного и текстильного направления, а также авиастроения и электроники), ибо предприятия этих профилей были построены в Средней Азии и Казахстане еще при СССР и их еще можно возродить;

— цветная металлургия с учетом того, что основные промышленные запасы цветных металлов СНГ залегают в Центральной Азии, включая и те, которых в России практически нет (хром, марганец, вольфрам и молибден) и некоторые другие;

— атомная энергетика (поскольку почти все промышленно-рентабельные залежи урановых руд СНГ находятся в Казахстане и Узбекистане);

— решение проблемы нехватки рабочей силы (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке) путем регулируемого привлечения избыточной рабочей из стран региона, а также КНР⁵⁰.

Целесообразность производственной кооперации Центральной Азии с Россией соответственно обуславливается возможностью модернизации построенных в советское время газодобывающих и газотранспортных мощностей, развитием унаследованных от СССР предприятий высокотехнологичных отраслей, а также вероятностью решения острой для стран региона проблемы "скрытой безработицы"⁵¹.

Однако, как уже указывалось, другая "стержнеобразующая" держава ШОС — Китай заинтересована как раз в сырьевой направленности экономик и соответственно экспорта центральноазиатских стран (и отчасти России) и не похоже, что она будет инвестировать в те отрасли, которые не дадут отдачи прежде всего ей самой. Более того, если тесная кооперация России и стран Центральной Азии в производственной сфере изменит структуру их внешней торговли в пользу готовой продукции (в целом оздоровив их экономики), то, видимо, и это не будет соответствовать интересам Китая. Китаю нужно сырье, а новые конкуренты на мировой арене ему не нужны совсем.

К тому же, Китай более настроен на создание совместных производств именно на своей территории — в СУАР, и это также являет собой несоответствие интересов, которое не стоит упускать из виду.

3. Сейчас даже те страны, которые обладают более конкурентоспособными экономиками, чем государства ЦАР и даже Россия, ускоряют процесс формирования региональных рынков. Например, Китай проводит курс на создание общего рынка с государствами Юго-Восточной Азии. Актуализируется вопрос о создании единой валюты КНР и стран АСЕАН⁵².

Россия и страны ЦАР не против образования общего рынка для себя в рамках ЕврАзЭС или строго в пределах центральноазиатского региона, но они пока не принимают идею КНР о зоне свободной торговли (ЗСТ) ШОС, выдвигая

нутую в 2004 г. китайским премьером Вэнь Цзябао. Это предложение было с настороженностью встречено большинством членов Организации, поскольку уже сейчас на рынке товаров и услуг Центральной Азии многие китайские фирмы занимают лидирующие позиции, и их продукция способна вытеснить товары национальных производителей. В ШОС существует понимание преждевременности идеи ЗСТ и ввиду большой разницы в уровнях экономического развития шести стран³³. В результате, государства ШОС сосредоточивают «основные усилия на постепенном обеспечении условий для свободного движения товаров, капиталов, услуг и технологий»³⁴, что в определенной степени является компромиссным вариантом, и пока о классической ЗСТ речь в ШОС не идет.

Озабоченность центральноазиатских членов ШОС вызывает и увеличение доли китайского населения в структуре трудовых ресурсов этих стран. И это еще одно несоответствие интересов.

4. Государства ЦАР являются прямыми конкурентами за доступ к китайским рынкам. Это вызвано как однотипностью экспортной номенклатуры центральноазиатских стран (которые, за редким исключением, вывозят товары одних и тех же наименований), так и их стремлением переключить на себя инвестиционные потоки и экономическую помощь. Нерешенность территориально-пограничной проблемы между странами ЦАР, напряженность их взаимоотношений из-за остроты проблемы водodelения и водопользования тоже создают трудности на пути многосторонней экономической кооперации.

5. Есть несоответствия в экономических интересах стран-партнеров по ШОС, носящие объективно-практический характер. В Китае полагают, что в торговых политиках стран Центральной Азии в отношении КНР не соблюдается принцип равенства. Так, хотя Китай и принял ряд законов, направленных на облегчение торгово-экономического сотрудничества с соседними странами, однако Казахстан и другие государства ЦАР, дескать, до сих пор не спешат выработать курс, благоприятствующий взаимным хозяйственным связям³⁵. Казахстан, например, заинтересован в импорте коммуникационного оборудования из КНР на условиях бартера, а Китай, апеллируя к международной практике, настаивает на расчете «наличными».

Пекин не приветствует и некоторые аспекты торговой стратегии стран ЦАР, например, политику импортозамещения, ограничивающую проникновение на их рынки товаров из Китая³⁶.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в целом трудно прогнозировать реальную картину экономических отношений внутри ШОС. Прогноз упирается в две основные плоскости: теоретическую (что хорошо бы сделать?) и практическую (а что реально достижимо?)³⁷. И это основное противоречие.

В любом случае, даже при всех вероятных несовпадениях и несоответствиях интересов стран-партнеров по ШОС, это сообщество «является уникальным шансом для создания новой эффективной геополитической модели интеграционного развития, который нельзя упустить»³⁸. По словам К. Токаева, Председателя верхней палаты Парламента Казахстана, значение и специфика этой Организации заключаются в том, что она — как бы «три в одном»: если в Европе за экономику отвечает Европейский Союз, за военную безопасность — НАТО, а ОБСЕ занимается правами человека и электоральными процессами, то в ШОС есть и борьба с терроризмом, и торгово-экономическое сотрудничество, и гуманитарная составляющая³⁹.

1. Примбетов С. Д. ЕврАзЭС и Китай: проблемы экономического сотрудничества // <http://www.kisi.kz/site.html?id=3968>
2. Оразалиев Е. Интересы Китая и России в ШОС // <http://www.kisi.kz/site.html?id=695>

3. Независимая газета. 2004.28.09.
4. Фроленков В.С. Экономический диалог "Китай — Центральная Азия": проблемы и возможные перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 180.
5. Swanstrum N. China Conquers Central Asia Through Trade // Central Asia Caucasus Analyst. Biweekly Briefing. 2001. April 11//http://www.cornellcaspien.com/pub/0104swanstrom_china.htm
6. Приводится по: Парамонов В. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений // Defence Academy of the United Kingdom Conflict Studies. Research Centre Central Asian Series. 2005. № 05(25)(R)//[www.da.mod.uk/CSRC/documents/CentralAsia/05\(25\)\(R\)-VP.pdf](http://www.da.mod.uk/CSRC/documents/CentralAsia/05(25)(R)-VP.pdf).
7. ШОС-КНР // <http://www.allchina.ru/rus/business/eco/blocks/21.htm>
8. См.: Портяков В.Я. Россия и Китай в мировой экономике // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 73.
9. Подсчитано путем экстраполяции тренда, в том числе на основе данных Всемирного банка, приведенных в: Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 11. С. 77.
10. Примбетов С. Д. Указ.соч.
11. <http://www.washtimes.com/op-ed/20050823-091720-3448r.htm>
12. См.: Asia News Agencies. Beijing's interests in Central Asia grow. 2005. April 28; <http://www.asianews.it/view.php?l=en&art=3171>
13. <http://www.kisi.kz/site.html?id=3968>
14. Китай в мировой и региональной политике. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 82.
15. Примбетов С.Д. Указ. соч.
16. Джоши Нирмала. Оценка политики Китая в отношении Центральной Азии // <http://www.kisi.kz/site.html?id=3814>
17. Asia News Agencies. Beijing's interests in Central Asia grow. 2005. April 28. См.: <http://www.asianews.it/view.php?l=en&art=3171>
18. Оразалиев Е. Указ. соч.
19. <http://www.kisi.kz/site.html?id=3968>
20. Амиров В.В. Потенциальное значение социально-экономических проблем Центральной Азии в деятельности ШОС // <http://www.kisi.kz/site.html?id=3897>
21. <http://www.kisi.kz/site.html?id=3897>
22. Чуфрин Г.И. Роль ШОС в обеспечении социально-политической стабильности в Центральной Азии // <http://www.kisi.kz/site.html?id=3900>.
23. <http://www.allchina.ru/rus/business/eco/blocks/21.htm>; Фроленков В.С. Указ. соч. С. 182.
24. Амиров В.В. Указ. соч.
25. Портяков В.Я. Торговля Китая и России с государствами Центральной Азии: Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 92.
26. Парамонов В., Строков А. Россия и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений // Defence Academy of the United Kingdom Conflict Studies. Research Centre Central Asian Series. 2006. 06/31 (R) // [http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06\(31\)VPRussian.pdf](http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06(31)VPRussian.pdf); Фроленков В.С. Указ. соч. С. 188, 189 (Таблица 1а).
27. Гидадубли Р.Г. Региональное сотрудничество в Центральной Азии: достижения, перспективы, задачи // <http://www.kisi.kz/site.html?id=3732>
28. [http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06\(31\)VPRussian.pdf](http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06(31)VPRussian.pdf) и расчет автора на основании: Фроленков В.С. Указ. соч. С. 189-200.
29. Парамонов В., Строков А. Указ. соч.
30. [http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06\(31\)VPRussian.pdf](http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06(31)VPRussian.pdf)
31. Там же.
32. Там же.
33. Чуфрин Г.И. Указ. соч.
34. <http://www.kisi.kz/site.html?id=3968...>
35. Чуфрин Г.И. Указ. соч.
36. China in Central Asia. Editorial // The Washington Times, 2005. 24 August. См.: <http://www.washtimes.com/op-ed/20050823-091720-3448r.htm>

37. Чуфрин Г.И. Указ. соч.
38. <http://www.kisi.kz/site.html?id=3900>; Ким Н.П. Место и роль ШОС в мировом экономическом развитии // <http://www.kisi.kz/site.html?id=3866>
39. Оразалиев Е. Указ. соч.
40. <http://www.kisi.kz/site.html?id=3900>
41. Парамонов В. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений // Defence Academy of the United Kingdom Conflict Studies. Research Centre Central Asian Series. 2005. 05(25)(R) // [www.da.mod.uk/CSRC/documents/CentralAsia/05\(25\)\(R\)-VP.pdf](http://www.da.mod.uk/CSRC/documents/CentralAsia/05(25)(R)-VP.pdf).
42. Жэньминь жибао. См.: <http://russian.people.com.cn/31518/3424521.html>.
43. Ким Н.П. Указ. соч.
44. Парамонов В., Строков А. Указ. соч.
45. Там же.
46. Парамонов В., Строков А. Указ. соч.
47. Парамонов В. Указ. соч.
48. [http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06\(31\)VPRussian.pdf](http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06(31)VPRussian.pdf)
49. Здесь и далее — Парамонов В., Строков А. Указ. соч.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же.
53. Лузянин С. Г. Россия и Китай в Центральной Азии. Проблемы развития ШОС Российско-китайские отношения. Состояние. Перспективы. М.:ИДВ РАН, 2005. С. 98.
54. Абатуров В. Осеннее давление геополитики // <http://www.review.uz/archive/article.asp?u=2005&m=77&id=313>; Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: РИСИ, 2005. С. 55.
55. Подробно см.: Ван Хайянь. Чжунго Синьцзян юй Чжунъя у го цзин-мао хэцзодэ гуанси хуэйгу хэ чжаньван (История и перспективы отношений торгово-экономического сотрудничества китайского Синьцзяна с пятью государствами Центральной Азии) // Элосы Чжунъя Дуоуоу шичан. 2005. № 6. С. 20.
56. Interview with Yao Peisheng, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the PRC // <http://www.winne.com/kazakhstan/vi01.html>.
57. [http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06\(31\)VPRussian.pdf](http://da.mod.uk/defac/colleges/csrc/document-listings/ca/06(31)VPRussian.pdf)
58. Ким Н.П. Указ. соч.
59. <http://www.kisi.kz/site.html?id=3866>

Экономический потенциал Северо-Восточного Китая и его влияние на развитие сотрудничества с приграничными регионами России

© 2007

А. Тарасюк

Регион любого ранга является открытой системой, которая характеризуется экономическими взаимодействиями двух типов: торгово-экономическими связями с другими регионами и торгово-экономическими связями с другими странами.

Взаимодействие между Россией и КНР в настоящее время представляет собой сложный и многогранный процесс, его основными составляющими (и в то же время наиболее противоречивыми проблемами) являются торгово-экономические взаимоотношения приграничных регионов, инвестиционное сотрудничество, китайская миграция на российскую территорию.

В этой связи актуальным является анализ эффективности осуществления между регионами Дальнего Востока России и провинциями Северо-Востока КНР второго типа связей, а именно российско-китайской торговли на региональном уровне, через призму первого типа — межрегиональной торговли, определяемой связями внутри этих регионов по ввозу и вывозу продукции.

Для оценки потенциала и тенденций развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества на региональном уровне в первую очередь необходимо изучить основные направления социально-экономического развития Северо-Востока КНР.

В настоящее время Северо-Восток КНР — это провинции Хэйлуцзян, Ляонин и Цзилинь. Будучи старейшей промышленной базой страны, Северо-Восток КНР обладает значительным экономическим преимуществом перед другими провинциями Китая.

Так, к примеру, провинция Ляонин имеет открытый доступ к мировым транспортным коммуникациям, прежде всего морским, что определилось географическим положением этой провинции.

В провинциях Хэйлуцзян и Цзилинь, из-за ограниченного доступа к морю за счет перегруженности ляонинских портов и границы со стороны России и Северной Кореи, большое внимание уделялось развитию внутренней инфраструктуры с выходом на российские и северокорейские порты. В этих целях в конце 80-х годов провинция Хэйлуцзян выдвинула курс на создание магистралей для международной торговли, преимущественно транзитом через территорию России. Опорными точками проникновения провинции на внешние рынки должны стать выходы на Транссиб через Хэйхэ на севере, Суйфэнхэ на

востоке, Маньчжоули на западе, а также на морские коммуникации через Сунгари, Уссури и Амур.

В новой структуре экономического районирования КНР, внедрявшейся параллельно с проведением экономических реформ, провинции Северо-Востока попали в разные группы. Провинция Ляонин была отнесена к одному из "прибрежных районов" страны, курс на приоритетное развитие которых на принципах политики "внешней открытости" был избран руководством Китая в 1982 г. Хэйлунцзян и Цзилинь попали в группу "внутренних районов".

В 90-е годы центральной частью программы регионального развития Северо-Востока стало создание в нем "структуры открытости приграничных районов". Для каждой провинции Северо-Востока с учетом ее экономического потенциала, географического положения, наличия природных ресурсов и прочих факторов была разработана своя стратегия развития.

В первичную основу китайской стратегии экономического продвижения на север были положены идеи экономической взаимодополняемости соседних территорий: нехватка рабочих рук, продуктов питания и товаров широкого потребления в Сибири и на Дальнем Востоке могла быть восполнена китайской стороной, а Россия в свою очередь способна удовлетворить потребности Китая в природных ресурсах, оборудовании, удобрениях.

В настоящее время на территории этих провинций сосредоточено большое количество природных и трудовых ресурсов, хорошо развито сельское хозяйство, а также имеется неисчерпанный потенциал развития промышленных производств.

На территории северо-восточных провинций КНР открыто более 130 видов полезных ископаемых, из которых более 80 осваиваются и используются. Важнейшими видами полезных ископаемых являются: каменный уголь — 2,1 млрд тонн гарантированных запасов, нефть — 113,99 млн тонн, железная руда — 460 млн тонн. По гарантированным запасам золота регион занимает 10 место в Китае, по запасам таких видов полезных ископаемых, как нефтеносный сланец, диатомит, кремнезем — 1 место в стране, 3 место — по запасам молибдена и германия. По запасам нефти, железа, бора, магнетита, алмазов, талька, нефрита, базальта регион лидирует в стране. Запасы нефти и природного газа провинции Ляонин составляют соответственно 15% и 10% от общего количества в стране. По запасам каменного угля Хэйлунцзян — на первом месте среди трех северо-восточных провинций.

Хэйлунцзян и Цзилинь являются крупнейшими в КНР провинциями, обладающими значительными лесными ресурсами и самой крупной лесозаготовительной базой страны. По площади леса, по общим лесным запасам и объемам лесозаготовок провинция занимает первое место в стране. Хозяйственная деятельность, связанная с лесоводством, ведется в этих провинциях на 40 млн га, лесом покрыто свыше 41,9% территории, запасы древесины составляют 2,4 млрд куб м. Одно из главных богатств провинции Хэйлунцзян — ее плодородные почвы. Для использования пригодно примерно 44 млн га. Под сельскохозяйственное производство отведено 40% угодий. Черноземные почвы занимают 68% всей используемой в сельском хозяйстве земли.

Северо-Восток Китая обладает значительными запасами водных ресурсов. Так, реки провинции Хэйлунцзян Уссури, Хэйлунцзян (Амур), Сунхуацзян (Сунгари), Нэньцзян и Суйфэньхэ (Раздольная) образуют пять крупных водных систем, кроме того, на территории находятся около 6000 озер и водохранилищ. Внутренние водные ресурсы провинции Ляонин представлены 392 реками, общая протяженность которых 160 тыс км., а площадь бассейна — 145 тыс кв. км. Ляохэ — одна из 7 крупнейших рек Китая, длина ее ляонинского участка составляет 512 км, площадь бассейна — 6,9 кв. км. Объем водных ре-

сурсов провинции — 36,3 млрд кубометров. Провинция обладает богатыми рыбными ресурсами. По площади акваторий, занятых под рыбоводство, Ляонин занимает 2-е место в стране.

Население трех Северо-Восточных провинций КНР в 2005 г. составило 109,7 млн чел., в частности на Хэйлуцзян приходилось — 39%, Цзилинь — 26%, Ляонин — 35%. Сельское и городское население региона составляют примерно равные доли: соответственно, 48,6% и 51,54%.

В КНР данные провинции можно расценивать, как самые жизнеспособные экономические зоны с большими потенциальными возможностями, которые определяются в первую очередь возможностью модернизации и переоснащения своих промышленных предприятий в регионе, а также в доступе к природным ресурсам Востока России.

До сих пор реформа государственных предприятий на Северо-Востоке Китая проходила сравнительно медленно. Это можно объяснить высоким удельным весом крупных предприятий, особенно в тяжелой и добывающей промышленности, которые на предыдущих этапах реформ находились под государственным управлением и контролем. В целом доля государственных предприятий в промышленном производстве провинции Ляонин составляет 62,4, Цзилинь — 77,9, Хэйлуцзян — 79,6%, тогда как в Китае в среднем — 40,8%.

Одной из самых важных составляющих реформирования является открытие секторов экономики, в которых государство фактически является монополистом, для отечественных и иностранных частных инвесторов на основе развития слияний и поглощений с ориентацией на внешний рынок. Такой подход предполагает ускорение процесса приватизации путем поощрения иностранных инвестиций, модернизации структуры управления и приведения ее в соответствие с требованиями современного бизнеса, внедрения системы социального обеспечения и др.

Основная цель такой политики — создание каналов привлечения не только иностранного капитала, но и передовых технологий и управленческого опыта.

В августе 2003 г. китайское правительство приняло стратегию возрождения экономики Северо-Восточного Китая, призванную ускорить социально-экономическое развитие этого региона (см. Табл.1). Речь идет, прежде всего, о реконструкции и переоснащении современным оборудованием “старых промышленных баз”, большинство которых было создано в 50-е годы прошлого века при помощи СССР.

Таких объектов в Северо-Восточном Китае — 156, треть из них находится в провинции Хэйлуцзян, в том числе 25 предприятий — в Харбине. Как правило, это крупные предприятия базовых отраслей промышленности. В провинции Хэйлуцзян — это предприятия машиностроения, фармацевтической, химической и пищевой промышленности, электроники. В провинции Ляонин — это предприятия металлургии, энергетики, машиностроения. В провинции Цзилинь — Чанчуньский автомобильный завод.

Ускорение реструктуризации государственных предприятий и привлечения иностранных инвестиций обеспечит возможности для перестройки экономики этого региона, выравнивая темпы экономического роста, превращая его в конкурентоспособную промышленную базу, производящую основные виды оборудования и сырья.

Начиная с 2004 г., в экономическом развитии северо-восточного региона обнаружился новый поворот, темпы роста экономики увеличились, экономический эффект повысился. Так, в 2004 г. ВВП провинции Хэйлуцзян вырос на 11,5%, аналогичные показатели провинций Цзилинь и Ляонин составили 19% и 26,7% соответственно. При этом в целом по Китаю этот показатель составил 17%.

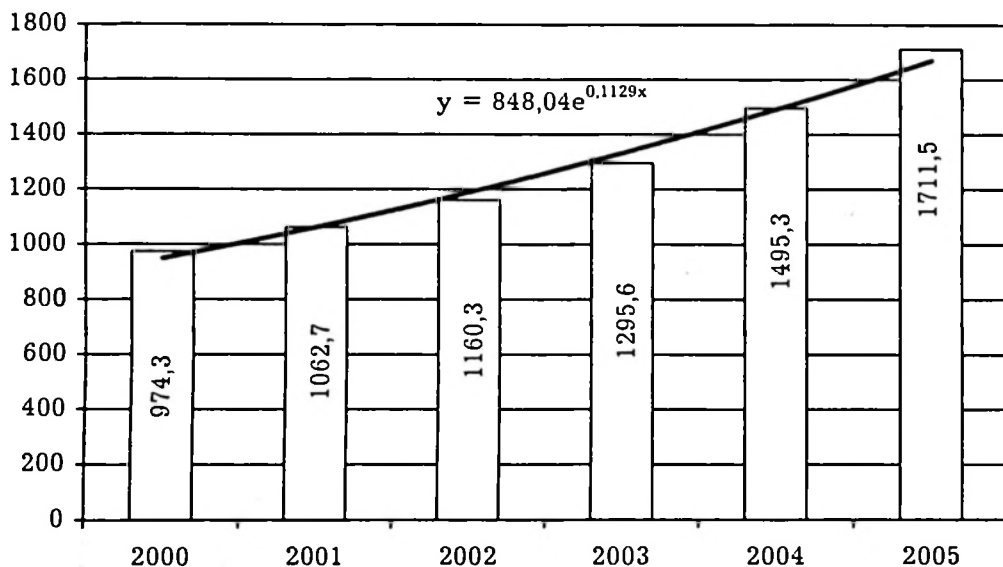
Таблица 1

**Динамика роста ВВП Северо-Восточных провинций КНР
в 2000 — 2005 гг. и до 2010 г. (млрд юаней)**

Провинции	ВВП 2000 г.	ВВП 2002 г.	ВВП 2005 г.	ВВП 2010 г. (в ценах 2002 г.) прогноз
Ляонин	466,9	545,8	801,5	1180
Цзилинь	182,1	224,3	551,0	480
Хэйлуцзян	325,3	390,2	359,0	800
Итого:	974,3	1160,3	1711,5	2460

Источник: Го Ли. Соединить Север с Югом и сделать его открытым: о сотрудничестве провинции Хэйлуцзян со странами СВА // Россия и АТР. Владивосток. 2003. № 2. С.121 — 125

**Общий объем ВВП Северо-Восточных провинций КНР в 2000 — 2005гг.
(млрд юаней)**

В 2005 г. прирост ВВП Северо-Восточных провинций КНР составил 14,5% по сравнению с предыдущим годом (216,2 млн долл.).

Наряду с этим здесь наблюдалось динамичное развитие негосударственного сектора экономики, который стал играть важную роль в реформе предприятий, служа важным каналом трудоустройства уволенного с предприятий персонала.

Объем освоенных иностранных инвестиций трех провинций в 2005 г. увеличился на 72% по сравнению с показателями предыдущего года. При этом в Китае темп роста объема иностранных инвестиций в текущем году составил 107, % по сравнению с 2004 г.

Таблица 2

Основные показатели социально-экономического развития Северо-Восточных провинций КНР в 2005 г. (% к предыдущему году)

	Провинция Ляонин	Провинция Хэйлуцзян	Провинция Цзилинь	КНР
Численность населения, млн чел.	0,097	0,27	0,28	0,59
Произведенная добавлен- ная стоимость в промыш- ленности, млрд юаней	16,6	12,6	13,3	11,4
Производство э/э, млрд кВт/ч	10,5	10,5	9,9	12,3
Производство зерновых, млн тонн	1,5	14,8	2,8	3,1
Доход местных бюджет- тов, млрд юаней	22,7	18,6	24,6	18,6
Доход освоенных плано- вых обществ. инвести- ций, млрд юаней	40,1	25,4	53,8	25,7

Источник: China Statistical Year Book 2004. 2005

Развитие экономики Северо-Восточных провинций по основным макроэкономическим показателям превышает темпы роста национальной экономики. К примеру, если в 2005 г. в целом по Китаю темп роста произведенной добавленной стоимости составил 11,4%, то в провинции Хэйлуцзян — 12,6, Цзилинь — 13,3, Ляонин — 16,6. Аналогичная ситуация складывается и по другим экономическим показателям. Так, темп роста промышленного производства в среднем по трем провинциям Северо-Востока КНР в 2005 г. составил 14,7%, превысив средний показатель по стране на 5%.

В сфере промышленного производства в регионе стабильно лидирует провинция Ляонин. Здесь также достигнут наиболее высокий уровень производительности труда, наиболее значительны объемы освоенных плановых инвестиций и прямых иностранных инвестиций. В последующем в этой провинции основной упор будет сделан на создание на базе Даляньского морского порта международного транспортного узла Северо-Восточной Азии, строительство припортовой промышленной зоны на острове Чансиндао, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры.

Темп роста доходов местных бюджетов Северо-Восточных провинций КНР превышает общекитайский показатель на 3,4%. Значительную разницу составляют также темпы роста доходов освоенных плановых общественных инвестиций Северо-Восточных провинций КНР по сравнению с КНР в целом, которые составляют 39 и 26% соответственно.

При этом темпы роста производства сельскохозяйственной продукции в 2005 г. в целом по стране (3,1%) превышают аналогичные показатели провинций Ляонин (1,5%) и Цзилинь (2,8%). Достаточно низкие темпы роста сельскохозяйственного производства, особенно зерновых и бобовых культур, объясняются тем, что свободных площадей для расширения сельхозугодий в провинции Ляонин уже нет, резервы применяемых технологий исчерпаны. Похожая ситуация наблюдается и в сельском хозяйстве провинции Цзилинь. Резервы для расширения сельхозплощадей имеются пока только в провинции Хэйлуцзян, где рост сельскохозяйственно-го производства в 2005 г. по сравнению с предыдущим годом составил 14,8%.

По оценкам специалистов, в настоящее время объем производства зерновых культур вдвое превышает внутренние потребности самого региона. Большая часть этих излишков сейчас вывозится в другие регионы, однако руководство провинций Хэйлунцзян и Цзилинь принимает меры по организации современных производств по их глубокой переработке и получению продукции с высокой добавленной стоимостью. Для создания таких предприятий также активно привлекаются зарубежные инвесторы.

Темп роста производства электроэнергии в Северо-Восточных провинциях в 2005 г. ниже, чем в целом по Китаю на 2%. Показательными можно также назвать и темпы роста численности населения на Северо-Востоке КНР, которые в среднем ниже среднекитайского уровня на 0,37%, что является отражением невысокого уровня жизни населения в регионе по сравнению с южными провинциями.

Таким образом, при всех различиях в уровне развития каждой из трех провинций, темпы роста их экономики заметно превышают средние показатели по стране.

В то же время как в сфере промышленности, так и сельского хозяйства, перед регионом стоит несколько серьезных проблем:

- снижение эффективности производства в промышленности, приведшее к уменьшению прибыли ряда крупных промышленных предприятий и росту их убытков. Одной из главных причин этого является удорожание энергетических и сырьевых ресурсов.

- слабые возможности по противодействию стихийным бедствиям в сельском хозяйстве, медленный рост доходов сельского населения, увеличение себестоимости продукции.

- значительная нагрузка на местные бюджеты в сфере обеспечения занятости и социального обеспечения, усилившаяся в связи с проведением реформы государственных предприятий.

К концу 2005 г. реформа госпредприятий была в целом завершена в провинции Ляонин, но медленно осуществляется в Хэйлунцзяне и Цзилине.

Одно из главных направлений развития экономического потенциала региона — повышение конкурентоспособности продукции на мировых рынках и степени открытости его экономики. Однако достигнутые результаты пока далеко не соответствуют поставленным целям.

Если оценивать степень конкурентоспособности и экономической открытости региона по доле его экспорта в валовом внутреннем продукте, то для КНР в целом эта доля составляет 33%, а для Северо-Восточных провинций КНР — только 15% (Ляонин — 23%, Хэйлунцзян — 9%, Цзилинь — 5%). В 2002 г. как тревожный симптом специалистами рассматривалось то, что доля региона в объеме внешней торговли КНР составляла всего 4,8%. Однако за три прошедшие года при росте абсолютных показателей эта доля еще и снизилась до 4,02% [5: С.67].

В первую очередь это объясняется тем, что провинции региона могут предложить на экспорт в основном такую продукцию машиностроения и сельского хозяйства, мировой спрос на которую достаточно стабилен. Значительный рост ВВП в регионе обеспечивает сейчас внутреннее потребление, производство так называемой непродаваемой продукции (объектов инфраструктуры, строительства, машиностроительной продукции, потребляемой внутренним рынком), связанных с ними энергетических, сырьевых отраслей, сельского хозяйства и различных услуг. Китайские эксперты признают, что объективные препятствия для наращивания экспорта — крайне слабые собственные инновационные возможности региона в сфере новых и высоких технологий, а субъективные — недостаточный опыт управленцев в сфере ведения международного бизнеса, что является следствием относительно позднего вхождения региона в рыночную экономику.

Таблица 3

Основные показатели внешней торговли региона в 2000 — 2005 гг. (в% к предыдущему году)

	Провинция Ляонин				Провинция Хэйлуцзян				Провинция Цзилинь			
	2000	2002	2004	2005	2000	2002	2004	2005	2000	2002	2004	2005
Объем внешней торговли, млн долл. США	100	116,7	141,5	123,8	100	117,4	120,6	169,2	100	136,5	166,5	96,2
Экспорт, млн долл. США	100	113,9	149,7	129,9	100	99,5	88,3	284,8	100	125,6	129,7	101,8
Импорт, млн долл. США	100	119,9	132,4	116,8	100	145	134,5	114,4	100	147,3	220,9	83,8

Источник: China Statistical Year Book. 2000, 2002, 2004, 2005

Вследствие реализации такой политики и полученных результатов Северо-Восточный Китай оставался единым регионом лишь географически, но не экономически. В области внешних связей провинция Ляонин, учитывая ее географическое положение, прибрежный статус, исторические реалии (давние связи с Японией), была ориентирована прежде всего на Японию и Корею. Провинция Цзилинь, граничащая с Корейским полуостровом и имеющая значительную корейскую диаспору, — на Северную и Южную Корею и в меньшей степени на Россию. Лишь для провинции Хэйлуцзян экономические отношения с российским Дальним Востоком имели исключительно важное значение.

Однако эволюция российско-китайских отношений в начале XXI в. отразилась и на активизации российско-китайского торгово-экономического сотрудничества на региональном уровне.

Значительно предпочтительнее выглядят позиции Северо-Восточного Китая в развитии торгово-экономического сотрудничества с Россией.

Так, если во внешнеторговом обороте КНР доля России составляет 2,04%, то в регионе — 11,54%, на этот регион приходится 22,9% всей российско-китайской торговли. При этом большая часть этого объема проходит через провинцию Хэйлуцзян, достигнув 59% от всего ее внешнеторгового оборота. Доля торговли с Россией провинций Цзилинь и особенно Ляонин очень близка к среднему уровню по стране — 2,7% и 1,96% соответственно.

В сфере внешней торговли Россия стоит на первом месте среди партнеров провинции Хэйлуцзян, на пятом — провинции Цзилинь и на девятом — провинции Ляонин. Высокие показатели провинции Хэйлуцзян определяются, прежде всего, географическими преимуществами региона, непосредственно граничащего с Россией. В настоящее время провинция Хэйлуцзян превратилась в крупнейшего торгового посредника между Россией (товарооборот — 5,7 млрд долл.) и экономически развитыми регионами Китая, она активно развивает эту сферу своей экономики.

На период 11-й пятилетки (2006 — 2010 гг.) правительство провинции Хэйлуцзян поставило задачу еще более высокими темпами наращивать объем товарооборота с Россией и довести его до 14 млрд долл. США к 2010 г. С этой целью предусмотрено ускорение строительства объектов транспортной инфраструктуры и пограничных пунктов пропуска, подготовка соответствующих кадров, совершенствование структуры торговли и расширение сфер сотрудничества. В г. Харбине уже созданы совместные с Россией научно-технологический и промышленный парки, с которыми связываются планы расширения научного сотрудничества.

Таблица 4

Внешняя торговля Северо-Восточных провинций КНР с Российской Федерацией в 1997 — 2005 гг. (млн долл. США)*

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Хэйлуцзян:									
- оборот	852,5	676,0	916,3	1375	1799	2334	2955	2925	5680
- рос. Экспорт	508,2	498,3	684,4	910	1019	1361	1317	841	3840
- рос. Импорт	344,3	177,7	231,9	465	780	973	1638	1652	1840
Ляонин:									
- рос. Экспорт	235,6	184,5	159,3	236,8	262	329	372	393	805
- рос. Импорт	96,7	79,0	83,2	152,0	160	200	207	281	339
- рос. Импорт	138,9	105,5	76,1	84,8	102	129	165	249	466
Цзилинь:									
- рос. Экспорт	61,1	46,5	64,2	68,4	69,8	57,8	57,3	46	177
- рос. Экспорт	31,8	27,1	55,4	58,6	57,3	38,1	27,6	18	140
- рос. Импорт	29,3	19,4	8,8	9,8	12,5	19,7	29,7	28	37

* в приграничную торговлю включены торговые операции, осуществляемые китайскими компаниями, зарегистрированными в приграничных районах КНР с разрешения властей, через установленные пограничные пункты пропуска.

Источник: Таможенная статистика КНР

Динамичное развитие экономического сотрудничества провинции Хэйлуцзян с Россией является дополнительным стимулом для провинций Ляонин и Цзилинь к более активным действиям, результатом чего уже стали значительные темпы роста товарооборота в 2005 г. (см. Табл.4).

Развитие сотрудничества с Россией для провинции Ляонин является не только фактором стабильного роста его экспорта, но и доступом к энергетическим и природным ресурсам, современным технологиям, к созданию собственных патентованных видов продукции, совершенствованию структуры производства, осуществлению стратегии расширения географии внешней торговли. В качестве основных направлений сотрудничества провинции с Россией обозначены увеличение импорта сырой нефти, природного газа, угля, древесины, создание баз экспортного производства, усиление научно-технического сотрудничества, наращивание электротехнической продукции, продукции на основе новых и высоких технологий, развитие туризма.

Рост внешнеторгового оборота провинции Цзилинь с Российской Федерацией в 2005 г. стал показателем стремления китайской стороны к решению основной проблемы взаимодействия с Россией и дальнейшему развитию двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Тем не менее усилия Китая по формированию крупных промышленных узлов на Северо-Востоке Китая создают предпосылки к закреплению за данным регионом роли международного центра притяжения инвестиций, технологий и ресурсов. Интенсификация промышленного развития Северо-Востока КНР открывает перед Россией не только дополнительные возможности по развитию международного сотрудничества, но и создает определенные проблемы. Так, например, Дальнему Востоку России отводится лишь роль сырьевого и энергетического донора в реализации данной стратегии Китая.

Негативным последствием для российского Дальнего Востока является отток иностранных инвестиций. Для переориентации экономики российского Дальнего Востока с добывающей на перерабатывающую, иностранные инвестиции также играют немаловажную роль. В связи с этим может возникнуть со-

перничество между предприятиями Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая за привлечение частных инвесторов и новейших технологий.

Наращивание производственных мощностей в северо-восточных провинциях КНР влечет за собой реальную угрозу экологической безопасности российского Дальнего Востока. Быстрые темпы реконструкции старой промышленной базы Северо-Востока Китая, рост новых мощностей, сокращение затрат на обеспечение технологической и экономической безопасности предприятий, отсутствие очистных сооружений ведут к увеличению числа аварий и техногенных катастроф.

Вместе с тем, благодаря высоким темпам социально-экономического развития Северо-Восточных провинций Китая и стремлению повысить конкурентоспособность промышленной продукции на мировом рынке, стратегия КНР по возрождению старых промышленных баз создает значительные предпосылки для развития сотрудничества с приграничными регионами Российского Дальнего Востока.

Однако для расширения торгово-экономического, технологического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества России с Северо-Восточными провинциями КНР необходимо оценить быстрые темпы роста двустороннего товарооборота. Объективно надо признать, что "прорыв" в двусторонней торговле в последние годы был достигнут на экстенсивной основе. Более того, российско-китайское сотрудничество осуществляется почти исключительно в форме обычной торговли. Ему не присущи такие современные формы, как давальческая переработка и сборка, ввоз оборудования в качестве вклада в уставные фонды предприятий с иностранными инвестициями, хотя на долю последних приходится более половины внешнеторгового оборота КНР.

В настоящее время для российского Дальнего Востока важнейшее значение имеет изменение места и роли Китая, который одновременно является и визави в конкурентной борьбе, и барьером при выходах на международные рынки товаров и инвестиций, и потенциально выгодным экономическим партнером.

Учет степени ориентированности экономики российского Дальневосточья на Китай при реализации того или иного варианта стратегии развития определит долгосрочные выигрыши или долгосрочные проблемы.

В современной ситуации представляется возможным выделить три логически увязанных, внутренне непротиворечивых и совершенно реальных варианта развития российско-китайского межрегионального торгово-экономического сотрудничества, обладающие разной степенью эффективности для российского Дальнего Востока.

К первому сценарию можно отнести сохранение сложившегося характера сотрудничества, основа экономического содержания которого — внешнеторговый обмен, так называемый сырьевой бартер. Примером этому может служить товарная структура экспорта дальневосточных территорий в КНР, где львиная доля принадлежит необработанным лесоматериалам.

Следующий вариант представляет собой для Дальнего Востока России ситуацию ожидания реализации Китаем государственной стратегии хозяйствования "Идти вовне". В 2005 — 2008 гг. в провинции Хэйлунцзян предполагается создание пяти региональных баз перерабатывающей промышленности, объединяющих 50 ведущих экспортеров провинции. Для стимулирования их деятельности в регионе вводится льготный порядок возмещения налога на добавленную стоимость, расширяется применение во внешнеторговой деятельности давальческого сырья, реформируется система контрольно-пропускных пунктов. Экономический эффект для экономики Дальнего Востока России от реализации этого варианта сотрудничества видится весьма сомнительным, тем более что на первое место здесь выходят экономические интересы Северо-Восточных провинций КНР.

Таблица 5

Товарная структура экспорта территорий Дальнего Востока (Хабаровский край, Приморский край, ЕАО, Амурская область) в КНР в 2004 г.

	Хабаровский край		Приморский край		Амурская область		ЕАО	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Всего, экспорт в том числе:	919,6	100	316,3	100	72	100	4,8	100
Лесоматериалы необработанные	265	29	93,8	30	34,9	48	3,5	73
Лесоматериалы обработанные	-	-	14	5	3,2	4,5	0,2	4,3

Источник: Таможенный сборник ДВТУ ФТС РФ за 2004 год.

По мнению П.А. Минакира, к настоящему времени постепенно оформилась новая версия концепции развития Востока России, основанная на использовании своего трансграничного потенциала через сотрудничество со странами СВА и с КНР в частности. Она заключается в широкомасштабном использовании экспорта энергетических ресурсов и транспортных услуг на основе развития инфраструктуры. Речь идет о создании магистральных коридоров для передачи в СВА российских энергоресурсов и энергопродукции, а также транзита европейской и азиатской продукции.

Идея заключается в том, чтобы использовать в качестве ресурса регионального развития, во-первых, эффект масштаба при эксплуатации имеющихся ресурсов углеводородов (в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке) за счет подключения спроса на энергию в странах АТР и СВА, а во-вторых, инфраструктурную ренту от транспортных и энергетических межконтинентальных коридоров.

Ожидается, что вскоре будет утверждена "Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона". Концепция Программы предусматривает развитие транзитных, экспорториентированных магистральных трубопроводов на юге Дальнего Востока, запитываемых с Сахалинского и Якутского газодобывающих центров.

Проектируемая энергетическая инфраструктура для транзита ТЭР (нефте- и газопроводы, высоковольтные ЛЭП), а также транссибирский железнодорожный маршрут сформируют на полигоне "Восточная Сибирь—Сковородино—Благовещенск—Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре—юг Приморского края" энергетический коридор, напоминающий по своей форме пространственную дугу, в создании которой предполагается вложить не менее 15 млрд долл. США. Энергетический коридор превратит юг Дальнего Востока в мощнейший транспортно-энергетический транзитный полигон.

По сути, создается не просто новый сектор внутринациональной и международной экономической специализации региона, меняется весь перспективный облик региона.

В настоящее время за Россией, в лице ее Дальнего Востока, закрепляются две ниши, которые могут быть конкурентоспособны в абсолютном смысле: 1) сырьевые, особенно топливно-энергетические и лесные ресурсы; 2) услуги по транзиту грузов, в основном топливно-энергетических.

Уже сейчас конкурентоспособны преимущественно отрасли природно-ресурсного сектора экономики российского Дальнего Востока. Большинство отраслей перерабатывающего комплекса региона на внешнем рынке ограниченно конкурентоспособны или неконкурентоспособны. Неизбежное в будущем существенное повышение производственных издержек, прежде всего за счет роста цен на продукцию/услуги естественных монополий, при низких объемах инвестиций может окончательно подорвать конкурентоспособность отраслей глубокой переработки продукции. Зато в среднесрочной перспективе основная масса добывающих и ресурсоемких производств, по-видимому, сохранит запас ценовой конкурентоспособности.

В этой связи наиболее привлекательным с точки зрения экономической эффективности для Дальнего Востока России является “китайский” вариант кооперации территорий Востока России со странами СВА. Он учитывает следующие факторы:

Китайская экономика является наиболее динамично развивающейся экономикой мира и даже в перспективе, после вероятного снижения среднегодовых темпов роста до 5—6% в год, сохранит в этом отношении преимущество перед другими странами региона. Потенциально китайский рынок практически неисчерпаем.

Налицо продолжительная сухопутная граница между Россией и КНР, в том числе на территории Дальнего Востока, известная степень взаимодополняемости экономических потенциалов и сопоставимость уровней развития.

Более активное привлечение и использование китайской рабочей силы на российском Дальнем Востоке, освобожденное от административных ограничений, способствовало бы подъему сельскохозяйственного производства и легкой промышленности в регионе, а также решению ряда острых социальных проблем (строительство жилья, объектов соцкультбыта и т.п.), что могло бы создать более благоприятные условия для закрепления населения в регионе и привлечения населения из других районов Российской Федерации и СНГ.

Существуют и благоприятные международно-политические факторы. Как США, так и Япония объективно заинтересованы в поддержании баланса сил в АТР. Вследствие этого в перспективе нельзя исключить возможности реализации крупномасштабных трехсторонних экономических проектов на территории региона с реализацией продукции на рынках стран АТР, с использованием японской (американской, южнокорейской) технологий и капиталов, природных ресурсов и территории Востока России, китайской рабочей силы.

В качестве последующих шагов по формированию единого экономического пространства можно предложить постепенное ослабление и последующее снятие ограничений на свободное перемещение капитала, услуг, технологий и рабочей силы, постепенную интеграцию транспортной и энергетической систем и т.п.

Список использованных источников:

1. Бочарников Е.Б. Негативные тенденции, проявившиеся в торговых отношениях между ДВ федеральным округом и провинциями Северо-Востока Китая. Пути их преодоления // www.asia-business.ru/analit/9.shtml — 2004.

2. Дальний Восток и Забайкалье — 2010: программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 / Под ред. П.А. Минакира; Дальневосточное отделение РАН. Институт экономических исследований. М.: Экономика, 2002. 434 с.

3. Деваева Е.И. Перспективы развития экономического сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии. Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы выездных исследований, 24 октября — 5 ноября 2005 г. / Отв. ред. Минакир П.А. Дальневосточное отделение РАН. Ин-

ститут экономических исследований; Фонд Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2005. 48 с.

4. Карлусов В. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ / В. Карлусов, А. Кудин // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3.

5. Китай после вступления в ВТО / Под ред. Лоуренса Дж Брама. Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2005.

6. Китай: факты и цифры. 2003. Пекин: Синьсин, 2004.

7. Лю Цзайци. Внешняя политика КНР и перспективы китайско-российских отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 9.

8. Минакир П.А. Россия в Северо-Восточной Азии: вызовы и возможности. Дальневосточный международный экономический конгресс. В 8 т. / Под ред. В.И. Ишаева. Т. 6. Развитие приграничного сотрудничества на Востоке России: материалы круглого стола. Хабаровск, 28 сентября 2005 г. Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 176 с.

9. Стратегические проблемы национального развития и международного сотрудничества. Дальневосточный вектор / Отделение общественных наук РАН. Хабаровск, 2005. 304 с.

10. <http://chinaembassy.ru>

11. Data of Gross Domestic Product of China, 1996—2002 / National bureau of statistics of China. Beijing: China statistics press. 2003. P. 210, 225, 240.

12. China Statistical Yearbook. 2001, 2002, 2003, 2004, 2005.

История

Китайско-советский Договор о дружбе и союзе 1945 г. и Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом 1950 г. (сравнительный анализ)

© 2007

Луань Цзинхэ

Современная историческая наука в изучении Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом 1950 г. уже достигла определенных успехов, но многие проблемы еще требуют более обстоятельного анализа. Это касается не только определения характера китайско-советских отношений после образования КНР, но имеет важное позитивное значение для объективного подхода ко всей истории китайско-советских отношений. Данная статья является попыткой сравнительного анализа исторического фона подписания этого договора и китайско-советского Договора о дружбе и союзе между СССР и гоминьдановским правительством Китая от 14 августа 1945 г., процесса переговоров, содержания текстов договоров и приложений к ним. В статье под новым углом зрения рассматривается история заключения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом.

I

Если говорить об историческом фоне подписания Китайско-советского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., то прежде всего необходимо кратко обрисовать историю развития китайско-советских отношений после Октябрьской революции. Известно, что, подписав 31 мая 1924 г. "Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой" и "Соглашение между Союзом ССР и Китайской Республикой о временном управлении КВЖД", Китай и СССР восстановили двусторонние отношения и установили дипломатические отношения нового типа. Однако из-за событий на КВЖД 1928 г. эти отношения вновь осложнились, в результате чего советское правительство 18 июля 1929 г. в одностороннем порядке заявило о прекращении дипломатических отношений с Китаем. В дальнейшем Китай и

Луань Цзинхэ — первый заместитель генерального секретаря Всекитайского общества по изучению истории китайско-российских отношений, руководитель Отдела внешней политики Китая Института новой истории АОН Китая, доктор исторических наук.

Советский Союз прилагали немалые дипломатические усилия, но им никак не удавалось нормализовать межгосударственные отношения¹. Такая возможность представилась после "инцидента 18 сентября 1931 г.". СССР, исходя из собственных стратегических интересов, в условиях агрессии Японии в трех северо-восточных провинциях Китая оказал Китаю моральную поддержку и материальную помощь. Поскольку не было никакой надежды, что Лига Наций, США, Англия и другие страны смогут обуздать японских агрессоров, и в особенности, руководствуясь внутренними потребностями Китая в восстановлении отношений с СССР, правительство Гоминьдана 5 октября 1932 г. приняло решение о безусловном восстановлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Правительства Китая и Советского Союза 12 декабря 1932 г. путем обмена нотами вновь установили дипотношения и решили обменяться послами.² Китайско-советские отношения формально нормализовались, но на самом деле между двумя странами сложились отношения взаимного недоверия и подозрительности.

После "инцидента у Лугоуцяо 7 июля 1937 г." началась китайско-японская война, и правительство СССР, реализуя собственные стратегические интересы на Дальнем Востоке, приняло решение оказать всестороннюю помощь правительству Чан Кайши в отпоре японской агрессии. Советский Союз был заинтересован в заключении договора о взаимном ненападении с Китаем для укрепления политической основы оказания помощи Китаю. В результате Китай и Советский Союз 21 августа 1937 г. подписали Китайско-советский договор о взаимном ненападении. Объективно подписание договора значительно активизировало процесс антияпонской борьбы в Китае, укрепило китайско-советское военное и экономическое сотрудничество, однако не могло помочь Китаю решить коренные вопросы антияпонской войны, а именно разгромить японских агрессоров. Данный договор юридически обеспечивал СССР большие по сравнению с прошлым возможности оказания помощи Китаю, но китайско-советские отношения в тот период времени оставались весьма неустойчивыми³.

Начавшаяся 7 декабря 1941 г. война на Тихом океане не только явилась важным переломным моментом Второй мировой войны, она также способствовала формированию предпосылок наступления в китайско-советских отношениях периода, максимально благоприятного для интересов СССР.

Поскольку США, Англия и Китай объявили войну Японии, они настаивали, чтобы и Советский Союз одновременно вступил в войну с ней, но СССР не мог вести войну на западе и на востоке одновременно и отказался принять их требования. Однако в тот период уже сформировался мировой антифашистский фронт и СССР заявил, что сосредоточил силы на Дальнем Востоке, и в соответствующий момент объявил Японии войну.

Вступление СССР в войну с Японией, несомненно, было очень важно для Китая и стран коалиции, но одновременно привело к последствиям, которые США и Англия не могли предвидеть — условия объявления войны с Японией явились предпосылкой для реализации интересов СССР на Дальнем Востоке. На Ялтинской конференции в январе 1945 г. Сталин выдвинул совершенно четкие условия вступления в войну с Японией:

1) сохранение нынешнего статуса Внешней Монголии (Монгольская Народная Республика);

2) восстановление всех прежних прав России, которых она лишилась в результате вероломного нападения Японии в 1904 г.:

(а) южная часть острова Сахалин и приграничные острова должны быть возвращены СССР;

(б) торговый порт Далянь должен иметь статус международного, и Советскому Союзу предоставлено право наибольшего благоприятствования. Должна быть восстановлена аренда порта Льюшунь (Порт-Артур) как военной базы СССР;

(в) создание китайско-советских совместных предприятий и установление совместного управления Южно-Маньчжурской железной дорогой от г. Далянь до КВЖД, причем СССР предоставляются льготные права пользования ею. Китай же сохраняет суверенные права на территории Маньчжурии.

3) Курильские острова должны быть возвращены Советскому Союзу⁴.

Несмотря на то, что США и Англия не были полностью согласны с требованиями Советского Союза, в целях скорейшего вступления СССР в войну с Японией они полностью поддержали их. Хотя главы трех держав пришли к выводу, что вопрос о статусе Внешней Монголии и соглашениях по вышеуказанным портам и железной дороге необходимо решать с правительством Гоминьдана, они согласились с тем, что все требования должны быть безусловно выполнены после разгрома Японии. Одновременно советская сторона заявила о своей готовности подписать договор о дружбе с гоминьдановским правительством Китая для того, чтобы оказать вооруженную поддержку Китаю в освобождении страны от японских захватчиков. Ялтинское соглашение не только четко определило зоны влияния различных государств на Дальнем Востоке после завершения войны, но и подготовило почву для подписания Китайско-советского договора о дружбе и союзе. США и Англия должны были на основе этих решений убедить Китай согласиться с условиями Советского Союза. Что касается китайского правительства, то до направления советских войск в Китай, оно должно признать независимость Внешней Монголии, согласиться с тем, что СССР на Северо-Востоке Китая имеет определенные особые права. Это означало, что переговоры по заключению Договора о дружбе и союзе между Китаем и СССР будут происходить исключительно в рамках "Ялтинской декларации".

По сравнению с Китайско-советским договором о дружбе и союзе исторический фон, на котором происходило подписание Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи был выгоден для только что взявшей в свои руки политическую власть Компартии Китая. После образования КНР в 1949 г. китайско-советские отношения вступили в новый этап. С точки зрения идеологии партии обеих стран являлись марксистско-ленинскими политическими партиями пролетариата. Несмотря на то, что в ходе китайской революции ВКП(б) и Коминтерн допускали некоторые ошибочные действия, которые частью китайского руководства считались не отвечающими общеполитической обстановке в Китае⁵, тем не менее объективно ВКП(б) и Сталин по вопросу о развитии и расширении революции в Китае придерживались принципиальной позиции ее поддержки. Высшие руководители коммунистических партий двух стран поддерживали тесные связи в период гражданской войны в Китае⁶. После падения гоминьдановского правительства и победы революции под руководством КПК для СССР стало очевидным, что заключенный с гоминьдановским правительством Китайско-советский договор о дружбе и союзе уже не отвечает интересам двух стран. ЦК ВКП(б) и лично Сталин, осознавая, что этот договор имеет неравноправный для Китая характер, заявили о необходимости внесения изменений в духе времени в соответствующие статьи договора⁷.

Два месяца спустя после провозглашения КНР 16 декабря 1949 г. Мао Цзэдун отправился с визитом в СССР под формальным предлогом празднования 70-летия Сталина. Главной же его целью было подписание нового договора

с СССР и получение политической поддержки и экономической помощи со стороны Советского Союза. СССР в тот момент согласился на визит Мао Цзэдуна в Москву, так как КПК в континентальном Китае уже обрела политическую власть в полном масштабе. СССР, исходя из интересов революции и своей геополитической стратегии, стремился поддерживать дружественные связи с Китаем, руководимым компартией. Теперь уже СССР не надо было поддерживать в Китае дружественные связи с двумя правительствами — коммунистов и Гоминьдана⁸. Что касается международной обстановки, то в этот период уже сформировались два лагеря во главе с СССР и США. Коммунистический Китай, учтя уроки истории и практики длительной революционной борьбы, отказался от политики равновесия между СССР и США, роли моста между ними, поддержания нейтралитета в отношении Америки, и стал проводить антианкайшистскую и антиамериканскую политику.⁹ Такая политика объяснялась тем, что Китай в условиях изменившейся после войны международной обстановки был вынужден выработать стратегическую линию, отвечающую интересам СССР и Китая на Дальнем Востоке. В рамках сложившегося после войны нового международного сообщества не только Китай нуждался в СССР как в сильной в военном, политическом и экономическом отношении державе. Советский Союз еще больше нуждался в Китае в качестве безопасного прикрытия на Дальнем Востоке, противовеса империалистическому лагерю.

Что касается планов Мао Цзэдуна посетить Советский Союз, то нужно вернуться ко времени гражданской войны в Китае. Еще до образования КНР Мао Цзэдун по меньшей мере трижды планировал посетить СССР, но из-за сложной военной обстановки его визит каждый раз откладывался. Хотя в тот период КПК и ВКП(б) поддерживали дружественные отношения, но Советский Союз не прерывал дипломатических связей с гоминьдановским правительством Чан Кайши, что ставило СССР в трудное положение. Опубликованные архивные документы полностью подтверждают, что секретная поездка Микояна в январе-феврале 1949 г. в Сибайпо на пленум ЦК Компартии была связана с вопросом о том, каким образом устанавливать китайско-советские дипломатические отношения после образования нового Китая. Секретный визит Лю Шаоци в июне-августе 1949 г. в Москву способствовал укреплению принципов советско-китайских отношений нового типа, внес ясность в вопрос о времени поездки Мао Цзэдуна в Москву. Таким образом, Мао Цзэдун отправился в СССР с официальным визитом в конце 1949 г. после установления дипломатических отношений между СССР и КНР.¹⁰ 9 ноября 1949 г. Мао Цзэдун от имени ЦК КПК известил китайского посла в СССР о времени своего визита в Москву. В этот же день Чжоу Эньлай в переговорах с советским послом в Китае Рощиным официально поставил советскую сторону в известность о планах Мао Цзэдуна относительно поездки в СССР. Кроме установления личных отношений со Сталиным во время празднования 70-летия со дня его рождения, Мао Цзэдун также был готов во время визита поставить вопрос о подписании китайско-советского договора¹¹. На этот раз советская сторона своевременно выразила свое согласие на визит Мао Цзэдуна и приветствовала приезд китайской делегации в Москву¹².

II

Китайско-советские Договор о дружбе и союзе и Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи не только были заключены на разном историческом фоне — значительно отличаются их тексты и ход переговоров. В первом случае переговоры шли под сильным давлением со стороны СССР, вторые перего-

воры явно проходили в атмосфере согласованности. Это различие непосредственно повлияло на содержание позднее подписанного договора. Отправляясь на переговоры по заключению Договора о дружбе и союзе, представители гоминьдановского правительства оптимистически рассчитывали на довольно приятную процедуру переговоров. В свою очередь, США рекомендовали китайской стороне договориться с Советским Союзом по всем нерешенным вопросам, считая, что в тот момент сложились наилучшие условия для достижения договоренностей.

30 июня 1945 г. делегация во главе с председателем Исполнительного юаня Китая Сун Цзывэнем прибыла в Москву, и во время встречи с ним Сталин дал понять китайской стороне, что соглашение, несомненно, будет подписано, но что касается решения о направлении войск на Северо-Восток Китая и подписания договора, то это, прежде всего, зависит от того, сможет ли китайская сторона удовлетворить требования Советского Союза. Сталин заявил Сун Цзывэню, что процесс переговоров предстоит трудный, но Сун Цзывэнь должен быть твердо уверен и ни в коем случае не должен сомневаться¹³. И действительно, на официальных переговорах 2 июля Сталин сначала очертил рамки переговоров, изложив для китайской стороны основные положения Ялтинского соглашения. Лишь после того, как китайская сторона уяснила содержание Ялтинского соглашения, Сталин согласился продолжить переговоры, причем, прежде всего, обсудить вопрос о независимом статусе Внешней Монголии. Сун Цзывэнь и Чан Кайши считали, что вопрос о Внешней Монголии не является вопросом, требующим настоящего решения, и его можно отложить на время. Однако Сталин считал, что этот вопрос нужно решить в первую очередь, так как, по его мнению, Внешняя Монголия стала буфером, обеспечивающим безопасность СССР на Северо-Востоке, и имеет особое стратегическое значение. Если СССР не будет иметь законного права самообороны в Монголии, то в дальнейшем может потерять весь Дальний Восток¹⁴. Германия и Япония и после капитуляции по-прежнему останутся сильными державами. Учитывая вышесказанное, Советский Союз должен иметь юридические права на защиту территории Внешней Монголии. Сталин считал, что народ Внешней Монголии не захочет присоединиться ни к Китаю, ни к СССР, а потребует независимости. Для Китая независимость Внешней Монголии имеет больше положительных, чем отрицательных сторон. Другое решение невыгодно как для Китая, так и для СССР. Сталин подчеркивал, что целью предложения СССР о заключении союза с Китаем является укрепление стратегических позиций СССР в борьбе против Японии. Объединение вооруженных сил двух стран, а также сил Америки и Англии позволит одержать полную победу над Японией, так что требования СССР в отношении портов Далянь и Люйшунь, южной части острова Сахалин, равно как и в отношении Внешней Монголии, укрепят стратегические позиции в борьбе против Японии¹⁵.

По вопросу о Даляне Сун Цзывэнь указал, что в Ялтинском соглашении лишь в общих чертах заявляется о восстановлении прежних прав России, незаконно попранных Японией в 1904 г. Этот вопрос требует изучения. Сталин заявил, что этот вопрос ни в коей мере не касается интересов Китая и является проблемой советско-японских отношений. Принимая за базовые условия Конвенции 1898 г.¹⁶, Сталин потребовал улучшения управления портами, особенно теми, которыми пользуется СССР. Сун Цзывэнь заявил, что право управления портами должно принадлежать китайской стороне. Поскольку Советский Союз обладает одним из самых мощных морских флотов, ему будут предоставлены преимущественные права в торговых портах Китая. Сун Цзывэнь указал, что данная Конвенция была подписана с царской Россией, и срок ее

действия истек. Сейчас ситуация изменилась, и поэтому упомянутая конвенция не может быть базовой для нового договора. Сталин же не только потребовал подписать новый договор, но и расширить предоставляемые по нему права — не только интернационализации портов, но обеспечения преимущественных прав в портах для СССР. Сталин четко заявил, что Советскому Союзу требуется один незамерзающий порт, и если СССР не будет иметь определенных прав в портах, к которым подходит КВЖД, то в железной дороге не будет никакого смысла¹⁷.

По вопросу о военном порте Люйшунь Сун Цзывэнь заявил о нежелании Китая вновь отдавать его в концессию и выразил надежду, что Китай и СССР будут совместно использовать этот порт. Сталин сказал, что понимает желания китайской стороны и не хочет создавать прецедент, который мог бы повредить Китаю, но можно подобрать более подходящую формулу, чтобы достичь цели. По вопросу о КВЖД Сталин заявил, что дорога ведет в военный порт Люйшунь, а также связывает Владивосток и Сибирь. Китай и Советский Союз должны совместно управлять дорогой и вести совместную эксплуатацию, право же собственности на дорогу принадлежит ее строителям (имеется в виду СССР — Автор). В будущем все будет возвращено Китаю, по истечении срока СССР полностью оставит железную дорогу.

Надо отметить, что в процессе переговоров обе стороны затрагивали проблемы внутренней политики Китая, включая, естественно, взаимоотношения Гоминьдана и Компартии Китая и позицию СССР в этом вопросе. Сталин высказал мнение, что отношения между партиями — внутреннее дело Китая, и он интересуется этим постольку, поскольку его заботит будущее Китая. Здесь нужно подчеркнуть, что именно вышеупомянутая позиция Сталина повлияла на возобновление переговоров между Гоминьданом и КПК, в результате которых 10 октября 1945 г. были подписаны “10 пунктов”. Видя жесткую позицию Сталина, Сун Цзывэнь в тот же день телеграфировал Чан Кайши: “Переговоры по Японии, по вопросу о трех Восточных провинциях вполне удовлетворительны; вопрос о Внешней Монголии зашел в тупик”¹⁸. Позже Сун Цзывэнь представил Чан Кайши подробный доклад о ходе переговоров по вопросам о статусе Внешней Монголии, сроках аренды портов Люйшунь и Далянь, позиции СССР в отношении КПК, с тем, чтобы Чан Кайши дал указания с учетом мнения советской стороны. 5 июля состоялось заседание высшего руководства ЦИК ГМД, на котором было принято решение по китайско-советским переговорам. На следующий день Сун Цзывэнь был проинформирован об этом решении телеграфом, и Чан Кайши потребовал его реализации на переговорах.

9 июля 1945 г. состоялась четвертая и самая важная китайско-советская встреча. Вначале Сун Цзывэнь зачитал текст телеграммы Чан Кайши: “Китайское правительство, преисполненное искренности, принося величайшие жертвы, желая найти радикальное разрешение вопроса о дальнейшем развитии и укреплении советско-китайских отношений и устранить все возможные разногласия и осложнения для того, чтобы добиться в будущем прочного сотрудничества с Советским Союзом, что является исполнением воли Сунь Ятсена, выдвигает три предложения. В основе этих предложений лежит требование сохранения территориального суверенитета и административной целостности Китая, действительного единства Китая. Китайское правительство выражает надежду на то, что Советское правительство проявит сочувствие к Китаю, окажет ему конкретную помощь и ответит ему совершенно определенно и конкретно на следующие три предложения...”. Далее излагались эти три главных предложения:

1. Сохранение территориального суверенитета и административной целостности Маньчжурии. В интересах общего блага Китай готов пойти на сов-

местное использование порта Люйшунь с целью организации там военно-морской базы. Китай готов сделать Далянь открытым портом сроком на 20 лет. Административное управление портами должно осуществляться Китаем, так как только при этих условиях могут быть соблюдены суверенитет и целостность Маньчжурии. КВЖД и ЮМЖД могут эксплуатироваться совместно Китаем и СССР с разделением прибыли поровну. Однако право на владение этими дорогами должно принадлежать Китаю. Что касается веток и предприятий, связанных с этими дорогами, то они могут эксплуатироваться совместно. Срок совместной эксплуатации указанных железных дорог — 20 лет.

2. Китайское правительство выражает желание, чтобы Советский Союз совместно с Китаем на основе подписанных ранее соглашений оказал содействие Китаю в подавлении беспорядков в Синьцзяне с целью восстановления двусторонней торговли и транспортного сообщения. Что же касается Алтайского хребта, то он принадлежит Синьцзяну и должен оставаться частью этой провинции.

3. Ввиду отдельной военной и административной организации КПК военные и административные власти Китая не могут быть полностью объединены под руководством Центрального правительства. Всякая помощь — политическая, материальная или моральная, которую Советское правительство будет оказывать Китаю, должна быть оказана только Центральному правительству Китая.

Чан Кайши заявил также, что правительство Китая считает, что «поскольку вопрос о Внешней Монголии явился камнем преткновения в деле развития советско-китайских двусторонних отношений, то оно, исходя из общих интересов обеих стран и интересов длительного общего мира, готово после поражения Японии и после того, как будут достигнуты цели, упомянутые в вышеуказанных трех пунктах, предоставить Монголии независимость. В целях избежания в будущем каких-либо конфликтов, этот акт должен быть осуществлен путем плебисцита. После проведения плебисцита Китай заявит о независимости Монгольской Народной Республики».¹⁹ Одновременно в своей телеграмме Чан Кайши четко определил будущие границы Внешней Монголии, которые должны соответствовать указанным на старых китайских картах.

Сталин с удовлетворением выслушал текст телеграммы Чан Кайши, и после этого переговоры с Сун Цзывэнем продолжались на основе изложенных в телеграмме предложений. Хотя в понимании и взглядах китайской и советской сторон по вопросам независимости Внешней Монголии, ее суверенитета и сюзеренитета были значительные расхождения, это ни в коей мере не отразилось на продолжении переговоров. Сталин указал, что по вопросу о Маньчжурии он уже сделал заявление, но, идя навстречу китайской стороне, он еще раз хочет заявить, что СССР полностью признает суверенитет Китая над Маньчжурией. Что касается китайских коммунистов, то советская сторона их не поддерживает и не думает поддерживать. В Китае существует только одно правительство, и если имеется другое, — это внутреннее дело Китая. Поэтому по поводу требования Чан Кайши об оказании помощи только Центральному правительству Китая Сталин заявил, что до сих пор всегда только так и делалось. Сталин подчеркнул, что он сам искренне желал бы поддерживать отношения с Китаем как с союзным государством.

12 августа 1945 г. на девятом заседании в ходе переговоров китайская и советская стороны перешли к обсуждению ряда технических проблем. Советская сторона продолжала настаивать на своей позиции по вопросу об управлении КЧЖД и смешанной китайско-советской военной комиссии, подчеркивая, что административная власть не может принадлежать китайской стороне.

Поскольку у китайской стороны было другое мнение, стороны никак не могли прийти к соглашению.

13 августа Чан Кайши дал телеграмму Сун Цзывэню: "По вопросу о Внешней Монголии и другим нерешенным пунктам уполномочиваю старшего брата (Сун Цзывэня — Автор) принять решение по мере возможности в пользу Китая"²⁰. Имея полномочия от Чан Кайши, Сун Цзывэнь и Ван Шицзэ поздней ночью 13 августа на переговорах со Сталиным наконец пришли к соглашению и решили все спорные вопросы. Так было в 1945 г.

* * *

16 декабря 1949 г., после того, как группа Мао Цзэдуна прибыла в Москву, состоялась его первая встреча со Сталиным, на которой прежде всего был затронут вопрос о советско-китайском Договоре о дружбе и союзе. Мао Цзэдун заявил, что ЦК КПК уже обсудил Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем. Сталин сказал, что этот вопрос можно решить путем обсуждения, главное — определить, заявлять ли о сохранении существующего Договора о дружбе и союзе между СССР и Китаем или же объявить, что в договор будут внесены изменения, и теперь же внести поправки. Сталин был обеспокоен тем, что Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем был заключен на основе Ялтинского соглашения, и его основные положения согласованы с Америкой и Англией. Учитывая это обстоятельство, советская сторона узким кругом лиц приняла решение не вносить в договор никаких изменений. Сталин предложил формально сохранить существующий договор, а фактически исправить его. Так, Советский Союз формально сохраняет право на содержание войск в Люйшуне, фактически же в соответствии с предложением китайского правительства выводит оттуда свои войска. Что касается КЧЖД, то и в этом случае договор можно было бы формально сохранить, а фактически соответствующие статьи договора исправить с учетом пожеланий китайской стороны. Сталин доверительным тоном сказал Мао Цзэдуну: "Если это предложение не устраивает китайских товарищей, то они могут выдвинуть свои предложения"²¹. Мао Цзэдун ответил, что когда они в Китае обсуждали вопрос, они не учли позиции Америки и Англии в связи с Ялтинским соглашением. "Мы должны поступить так, чтобы было выгодно общему делу. Этот вопрос нужно обдумать. Но уже сейчас совершенно ясно, что в настоящий момент изменять договор не следует"²².

Что касается КЧЖД и порта Люйшунь, то Мао Цзэдун сказал, что нынешняя ситуация отвечает интересам Китая. Китай один не сможет противостоять империалистической агрессии. Кроме того, КЧЖД является школой по подготовке китайских железнодорожных и промышленных кадров. Сталин ответил, что вывод советских войск отнюдь не означает, что СССР больше не будет помогать Китаю. В то же время Сталин выразил озабоченность, что присутствие советских войск на территории Китая, возможно, вызовет протест со стороны Америки и Англии. Он подчеркнул, что если советские войска с согласия обеих сторон будут выведены из Люйшуна, то СССР и Китай выиграют на международной арене. Все увидят, что китайские коммунисты сделали то, что не мог сделать Чан Кайши. Сталин сказал, что хотя договор обеспечивает право СССР держать свои войска в Люйшуне, Советский Союз может не воспользоваться этим правом и вывести свои войска по просьбе китайского правительства. И наоборот, если будет необходимо, то СССР по просьбе китайской стороны может оставить в Люйшуне свои войска на несколько лет.

Отсюда видно, что разногласия между советской и китайской стороной касались вопроса о том, нужно ли вносить изменения или заново подписывать китайско-советский договор о дружбе. Советская сторона фактически согласилась с выдвинутым 4 июля 1949 г. Лю Шаоци первоначальным проектом относительно китайско-советского договора о дружбе. Китайское правительство немедленно заявило, что Китай полностью принимает действующий договор и не будет вносить никаких изменений²³. Хотя во время переговоров Мао Цзэдун заявил, что китайская сторона при обсуждении договора не учла позицию Америки и Англии по Ялтинскому соглашению, Китай согласился с мнением советской стороны, что в настоящий момент не стоит вносить изменения в договор, но на самом деле Мао Цзэдун считал, что поскольку договор подписан СССР с гоминьдановским правительством Китая, которое сейчас уже отстранено от власти, не подписывать упомянутый договор заново будет нехорошо по отношению к собственному народу. Однако нельзя не признать, что Сталин на протяжении всего времени переговоров относился к Мао Цзэдуну не так как к Сун Цзывэню, на которого оказывал некоторое давление. Сталин считал, что поскольку вопрос о Внешней Монголии, который особенно его беспокоил, уже был решен, международная обстановка в момент настоящих переговоров в значительной степени отличалась от той, что была 5 лет тому назад.

В этот период Сталин, чтобы показать, какое важное значение придает-ся визиту Мао Цзэдуна, много раз посылал заместителя председателя Совмина СССР Молотова, министра иностранных дел Вышинского и др. посетить Мао Цзэдуна, узнать его пожелания и мнения с тем, чтобы определить, что дальше следует предпринять обеим сторонам, не возникло ли новых идей. Сталин лично звонил Мао Цзэдуну и спрашивал о его мнении²⁴.

2 января 1950 г. вечером Мао Цзэдун на встрече с Молотовым и Микояном ясно сказал, что Китай хотел бы подписать с СССР новый договор, который бы окончательно определил китайско-советские отношения²⁵. Чуть позже Мао Цзэдун в беседе с министром иностранных дел СССР Вышинским еще раз подчеркнул, что подписание нового китайско-советского договора отразит совершенно новый тип отношений, сложившихся между СССР и Китаем после победы народной революции. Что касается действующего в настоящее время договора, то его, безусловно, необходимо пересмотреть, так как две его основные составляющие — Япония и Гоминьдан — претерпели важные изменения: Япония уже более не является сильной военной державой, а Гоминьдан отстранен от власти. Кроме того, общеизвестно, что часть населения Китая прямо недовольна действующим китайско-советским договором, поэтому подписание нового китайско-советского договора о дружбе и союзе будет выгодно обеим сторонам²⁶. На основе конкретных указаний Мао Цзэдуна от 2 января 1950 г. Чжоу Эньлай ранним утром 10 января 1950 г. выехал из Пекина и 20 января прибыл в Москву для проведения переговоров о подписании китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, а также соглашений о предоставлении кредита, торговле и другим вопросам. Поскольку визит Чжоу Эньлая в Москву был хорошо подготовлен, и Мао Цзэдун в посланной 2-3 января телеграмме ЦК КПК очень четко определил задачи Чжоу Эньлая во время этого визита, на третий день после прибытия Чжоу Эньлая в Москву, а именно 22 января, китайская и советская стороны уже провели переговоры по принципиальным вопросам, касающимся разработки проекта нового договора, соглашения о предоставлении кредита и др.

После того, как Сталин выслушал доклад Молотова, Микояна, Вышинского и др. о том, что китайская сторона желает подписать новый договор, он

изменил свою точку зрения, заключающуюся в том, что нужно временно оставить китайско-советский договор о дружбе и союзе в прежнем виде, и согласился подписать новый дружественный договор с китайской стороной. На встрече 22 января он прежде всего сказал, что, по его мнению, требующие обсуждения вопросы следует разделить на две группы: первая группа — это вопросы о существующих советско-китайских соглашениях, а вторая группа о текущих делах — Маньчжурии, Синьцзяне и др. О китайско-советском договоре Сталин сказал, что советская сторона считает, что этот договор обязательно нужно изменить. Советская сторона поначалу считала, что этот договор можно было бы оставить, но поскольку в основе его лежит принцип войны против Японии, которая закончилась, Япония разгромлена, обстановка изменилась, так что этот договор не соответствует современным условиям²⁷.

Когда Сталин попросил китайскую сторону высказать свое мнение по новому договору, Мао Цзэдун сказал, что китайская сторона еще не имеет проекта договора, только некоторые наброски. По этому поводу Сталин ответил, что можно обменяться мнениями, а потом уже разработать соответствующий проект договора. После этого Мао Цзэдун сказал: "Учитывая современную ситуацию, мы считаем, что необходимо договором и соглашениями закрепить существующие дружественные отношения между нашими странами. Это будет иметь положительный резонанс как в Китае, так и в области международных отношений". Мао Цзэдун подчеркнул, что в новом договоре необходимо зафиксировать все то, что гарантирует процветание и могущество наших двух государств, а также предусмотреть необходимость предотвращения повторения японской агрессии. Поскольку существует заинтересованность в процветании обоих государств, постольку не исключено, что империалистические государства попытаются помешать этому. Сталин одобрил предложение Мао Цзэдуна, так как считал, что хотя Япония потерпела поражение в войне, но ее кадры сохранились, и она неизбежно рано или поздно поднимет голову, особенно при условии продолжения американцами их нынешней политики. Мао Цзэдун еще раз подчеркнул, что коренное различие между новым и существующим договорами заключается в том, что Гоминьдан тогда лишь на словах заявлял о дружбе. Теперь же ситуация изменилась, и имеются все условия для настоящей дружбы и сотрудничества. Новый договор должен включать вопросы политического, экономического, культурного и военного сотрудничества. Наиболее же важным вопросом будет экономическое сотрудничество²⁸. По вопросу о КЧЖД Сталин спросил Мао Цзэдуна, какие предложения есть у китайской стороны. Мао Цзэдун ответил, что возможно, также как и в соглашении по Льюшуню, принять в качестве основы принцип о юридическом сохранении в силе соглашения по КЧЖД, а фактически допустить изменения. Сталин сказал, не значит ли это, что китайская сторона согласна заявить о юридическом сохранении существующего соглашения, но фактически внести соответствующие изменения. Мао Цзэдун выразил мнение, что китайская сторона должна подумать, как поступить, учитывая интересы как Китая, так и СССР. После того, как Сталин ясно высказал, что соглашение о порте Льюшунь советская сторона считает неравноправным, Мао Цзэдун выразил обеспокоенность, что внесение изменений в договор отрицательно скажется на Советском Союзе, так как задевает решения Ялтинской конференции. Сталин же заявил, что раз мы приняли решение о внесении изменений в договор, нужно довести это дело до конца. Конечно, это может создать некоторые трудности для СССР, поскольку придется вести борьбу с американцами, но "мы уже с этим примирились". Согласно ходу рассуждений Сталина по этому вопросу, исходной точкой действу-

ющего договора, подписанного в период антияпонской войны, является то, что расквартирование советских войск в Люйшуне будет в интересах Советского Союза и демократии в Китае. Сталин предложил объявить, что соглашение по Люйшуню до заключения мирного договора с Японией по-прежнему остается в силе, а после заключения мирного договора с Японией советские войска будут выведены из Люйшуна. Возможен другой вариант: объявить о сохранении действующего соглашения, и тогда фактически советские войска будут выведены из Люйшуна. Сталин сказал, что независимо от того, какое предложение будет принято, советская сторона с ним согласится²⁹. Мао Цзэдун придерживался позиции, что соглашение должно оставаться в силе до подписания мирного договора с Японией; хотя он выразил согласие с мнением Сталина, он все же считал, что китайско-советское двустороннее сотрудничество в Люйшуне должно продолжаться, и Китай мог бы обучать там свой военно-морской флот. Мао Цзэдун полагал, что Люйшунь может стать базой для китайско-советского военного сотрудничества, а Далянь — базой для экономического сотрудничества. В итоге стороны пришли к согласию по вопросам о портах Люйшунь и Далянь. Чжоу Эньлаю и Вышинскому было поручено выработать проект нового соглашения. При обсуждении конкретных вопросов по КЧЖД Мао Цзэдун высказался за то, чтобы в новом соглашении было указано, что принцип совместной эксплуатации и управления дорогой будет действовать и впредь, но в управлении дорогой китайская сторона должна играть основную роль. Молотов сказал, что в условиях двустороннего сотрудничества при совместном управлении каким-либо предприятием обычно предусматривается паритетное участие обеих сторон, а также чередование в замещении руководящих должностей. Сталин также считал, что раз речь идет о совместном управлении, логично, чтобы система чередования в замещении руководящих должностей продолжала действовать. Против сокращения срока действия соглашения советская сторона не возражала. Теперь, когда стороны обсудили вопросы, связанные с экономическим сотрудничеством, ответственными за их решение стали тт. Чжоу Эньлай, Ли Фучунь, Микоян, Вышинский. Мао Цзэдун был удовлетворен ходом китайско-советских переговоров и работой над проектом договора о дружбе, союзе и взаимопомощи. 25 января 1950 г. он направил Лю Шаоци телеграмму следующего содержания: "22 января мы шестеро вместе с Шичжэ встречались с тов. Сталиным и приняли решения по всем принципиальным вопросам и методам работы. 23 числа Чжоу, Ван и Ли³⁰ обсудили с Микояном, Вышинским и Роцинуму некоторые конкретные вопросы. 24 числа мы уже отправили Вышинскому разработанный нами проект Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи. Сейчас разрабатываем проект второго документа, а именно соглашения о Люйшуне, Даляне и КЧЖД. Вероятно, сегодня уже будет готов проект. Уже подготовлен и третий документ по тем вопросам, которые были решены за эти три дня, а именно — Соглашение о китайско-советской торговле. В целом работа идет весьма успешно"³¹.

Хотя мы в настоящей статье лишь рассмотрели краткие записи двух бесед между Сталиным и Мао Цзэдуном, но из содержания двусторонних бесед и отдельных высказываний видно, что нет оснований считать переговоры неравноправными и проходившими в обстановке неуважения друг к другу.

III

Китайско-советский договор о дружбе и союзе отличается от Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи тем, что в его назва-

нии на два иероглифа меньше, очень похожи тексты договоров, а некоторые пункты совершенно идентичны³², поэтому кажется, что новый договор — доработанный старый³³. Однако, если тщательно сравнить тексты нового и старого договоров, нетрудно заметить, что хотя выражения и обороты явно похожи, по содержанию и основным принципам они существенно отличаются.

Китайско-советский договор о дружбе и союзе — это договор о военном союзе, подписанный между СССР и правительством Гоминьдана. Договор был направлен на объединение сторон для оказания совместно с другими государствами Объединенных Наций отпора японской агрессии вплоть до окончательной капитуляции Японии. Из первых четырех статей договора следует, что главная цель этого договора — война против Японии и предотвращение повторения агрессии и нарушения мира Японией. Следующие четыре статьи посвящены двустороннему послевоенному сотрудничеству, а также принципиальным моментам двусторонних отношений. Хотя в договоре было зафиксировано, что после установления мира обе стороны “...в соответствии с принципами взаимного уважения их суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела будут совместно работать в тесном дружественном сотрудничестве”, однако очевидно, что в тот момент взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности уже гарантировало независимость Внешней Монголии. По вопросу о Внешней Монголии, в нотах министра иностранных дел правительства Китая Ван Шицзэ и наркома иностранных дел СССР Молотова еще раз было указано: “Ввиду неоднократного выражения народом Внешней Монголии стремления к независимости, Китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, Китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах”. Фактически тем самым на международной арене было официально заявлено, что Китай согласен на независимость Внешней Монголии.

По вопросу о КЧЖД стороны договорились, что дорога является общей собственностью СССР и Китайской Республики и будет эксплуатироваться ими совместно. Соглашением устанавливался статус Даляня как свободного порта, открытого для торговли и судоходства всех стран. Кроме того, “Протоколом к Соглашению о Даляне” также устанавливалось, что половина всех портовых сооружения и оборудования сдается в бесплатную аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет, другая половина остается за Китаем. Расширение и переоборудование порта производится по соглашению между Китаем и СССР. Советская сторона, чтобы сохранить свои военные позиции в Даляне и Люйшуне, потребовала зафиксировать протоколом, что участки КЧЖД, ведущие из Даляня в Шэньян, и в пределах района военно-морской базы Люйшунь не будут подлежать какому-либо военному надзору или контролю, установленному в этом районе. В “Соглашении о порте Люйшунь” зафиксировано, что в целях укрепления безопасности Китая и СССР и предотвращения повторной агрессии со стороны Японии, обе стороны будут использовать Люйшунь в качестве военно-морской базы. Одновременно в Приложении к Соглашению четко оговаривалась территория района военно-морской базы. Необходимо отметить и прежнее “Соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию трех Восточных провинций Китая в связи с настоящей совместной войной против Японии”, которое имело важный смысл. Этим соглашением четко определялись отношения между советскими войсками после их вступления на территорию Дунбэя и местной китайской администрацией, вопросы управления,

круг полномочий и др. Хотя Сталин не пожелал, чтобы было четко прописано, что в течение трех месяцев после поражения Японии советские войска должны быть выведены из северо-восточных провинций Китая, он гарантировал, что в течение трех недель должен начаться вывод советских войск, эвакуация которых завершится максимум через три месяца.

Китайско-советский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанный между СССР и Китайской Народной Республикой — это договор о двусторонних отношениях нового типа. Это не просто военный, но в большей степени политический союз. Цель этого союза — не только совместно воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы в любой форме с Японией для совершения актов агрессии, направленных против СССР или КНР. В еще большей степени договор призван укрепить дружбу и сотрудничество между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом, что отвечает коренным интересам народов двух стран. Обе стороны выразили готовность в духе искреннего сотрудничества принимать участие во всех международных действиях, имеющих своей целью обеспечение мира и безопасности во всем мире, и отдавать все свои силы ради скорейшего осуществления этих целей. Особенно отметим 4-ю статью договора, в которой ясно говорится, что обе стороны будут консультироваться по всем важным международным вопросам, затрагивающим Китай и Советский Союз, руководствуясь интересами укрепления мира и всеобщей безопасности. В связи с завершением Второй мировой войны обстановка в Дальневосточном регионе коренным образом изменилась: японский империализм был разгромлен, реакционное гоминьдановское правительство было свергнуто, уже образовано правительство Китайской Народной Республики, проводящее политику дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Две стороны решили заново урегулировать свои отношения. В новом договоре решение вопросов о портах Люйшунь, Далянь и КЧЖД уже не является предварительным условием советской стороны, которая стремится получить некоторые исключительные права. Напротив, советская сторона в соответствии с изменениями международной обстановки гарантировала, что не позже конца 1952 г. безвозмездно передаст Китаю все свои права по совместному управлению КЧЖД и все принадлежащее дороге имущество. Одновременно обе стороны договорились, что после подписания мирного договора с Японией, но не позднее конца 1952 г. советские войска будут выведены из совместно используемой военно-морской базы Люйшунь, и все оборудование, находящееся в этом районе, будет передано китайскому правительству. Таким образом, по новому договору Китаю полностью возвращались все права на порты Далянь и Люйшунь.

После того, как мы рассмотрели фон подписания документов, сравнили содержание переговоров и тексты договоров, различия в характере договоренностей становятся совершенно ясны. Китайско-советский договор о дружбе и союзе подписан в условиях нестабильности двусторонних отношений. К тому же Ялтинское соглашение в ущерб суверенитету Китая, наложило отпечаток на все статьи договора. В процессе подписания договора китайское гоминьдановское правительство согласилось на независимость Внешней Монголии в обмен на решение о вводе советских войск в Дунбэй для отпора агрессии милитаристской Японии и завершения 8-летней антияпонской войны. Сталин, исходя из стратегических интересов на Дальнем Востоке, выдвинул ряд жестких условий, нарушающих суверенитет Китая, а гоминьдановское правительство, надеясь на скорый ввод советских войск на северо-восток Китая, почти

полностью удовлетворило все требования и условия, выдвинутые советской стороной. Если и говорить о каких-либо уступках, на которые пошла советская сторона в ходе переговоров о заключении договора, то эти уступки в конце концов предопределили ущерб, нанесенный суверенитету и территориальной целостности Китая. Что же касается Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, то это был первый договор о двусторонних отношениях после завоевания китайскими коммунистами политической власти, и обстановка на Дальнем Востоке коренным образом изменилась. Этот договор в полной мере отражал будущие отношения сотрудничества нового типа между КНР и СССР. Следует подчеркнуть, что это был не только союзный договор, но в большей степени — договор о сотрудничестве и взаимной помощи.

Если проанализировать процесс переговоров по двум договорам и их содержание, то совершенно очевидно, что целью первого было полное обеспечение интересов Советского Союза. Договор 1950 г. отличался коренным образом: в нем полностью были воплощены принципы равноправных консультаций и диалога. Хотя содержание Ялтинского соглашения было еще раз упомянуто Сталиным в ходе китайско-советских переговоров 16 декабря, Сталин в то время полностью изменил свою позицию и вел переговоры совсем иначе, чем с представителями Гоминьдана. Он согласовывал все шаги с Мао Цзэдуном, излагал все обстоятельства дела. В итоге Сталин, отнюдь не под давлением китайской стороны четко заявил, что в процессе взаимного обмена мнениями он изменил свое первоначальное намерение не пересматривать договор 1945 г. Что касается последнего договора, то имеются две проблемы, которые находятся в центре внимания современной исторической науки. Во-первых, договором установлено, что СССР не позднее конца 1952 г. должен вывести свои войска из Китая, но на самом деле они были выведены из Даляня и Люйшуня только после 1954 г., когда Хрущев посетил Китай. По мнению автора, вывод советских войск в 1954 г. из Даляня и Люйшуня отнюдь не являлся “подарком при встрече” с Мао Цзэдуном от Хрущева, так как в то время представлявшая угрозу государственной безопасности Китая Корейская война завершилась, и Советский Союз уже подписал мирный договор с Японией (так в оригинале. — *Прим. ред.*). Советский Союз не вывел в согласованный по договору срок свои войска из Даляня и Люйшуня по просьбе китайской стороны¹⁸. Во-вторых, что касается “Секретного соглашения” то его целью было во имя обеспечения безопасности обеих стран воспрепятствовать влиянию третьих сил на Северо-Востоке и в Синьцзяне. В условиях противостояния двух лагерей Китай и Советский Союз сделали такой выбор, который отвечал не только интересам СССР, но в большей степени интересам молодой Китайской Народной Республики. Именно благодаря этому соглашению китайские коммунисты имели в дальнейшем все возможности для того, чтобы обеспечить стабильность и безопасность в приграничных районах Синьцзяна.

1. 18 июля 1929 г. правительство СССР в одностороннем порядке заявило о прекращении дипломатических отношений с Китаем и одновременно объявило о сохранении в силе соглашения, подписанного в 1924 г. с правительством Чжан Цзолиня. В это время китайская и советская стороны прилагали дипломатические усилия для нормализации двусторонних отношений. Так, Чжан Сюэлян 22 декабря 1929 г. подписал с Советским Союзом “Хабаровское соглашение”, целью которого было восстановить

- положение на КВЖД в том виде, каким оно было до конфликта, восстановить китайско-советские отношения, установить торговые связи на местном уровне. Однако Нанкинское правительство отказалось от достигнутых договоренностей, обвинив Чжан Сюэляна в превышении полномочий. Несмотря на это, китайская и советская стороны на основе соответствующих положений "Хабаровского соглашения" с 11 октября 1930 г. по 7 октября 1931 г. все же вели переговоры по вышеуказанным вопросам. Однако в связи с тем, что китайская сторона настаивала на передаче ей КВЖД, у двух сторон имелись значительные разногласия, и после инцидента 18 сентября 1931 г. переговоры были прекращены.
2. Ван Тея. Чжунвай цю юэчжан хуйбянь [Сборник старых договоров Китая с иностранными государствами]. Саньянь шудянь. 1962. Т. 3. С. 910—912.
 3. Панюшкин А.С. Записки дипломата. Китай, 1939—1944. М., 1981.
 4. Чжунсу гоцзя гуаньсиши цзыляо хуйбянь [Сборник материалов по истории китайско-советских отношений], 1933—1945. Шэжэ вэньсянь чубаньшэ. 1997. С. 524.
 5. Мао Цзэдун лунь гунчан гоцзи хэ сыдалинь ды дуй хуа чжэнцэ [Мао Цзэдун о Коминтерне и внешней политике Сталина], 31 марта 1956 г. // Чжунсу гуаньси данань вэньцзянь сюаньдэн. № 10. С. 2—6.
 6. Архив внешней политики РФ (АВП РФ), ф. 45, оп. 1, п. 330, л. 95—118; См.: Тихвинский С.Л. Путь Китая к независимости и объединению. 1898—1949. М., 1996.
 7. АВП РФ, ф. 3, оп. 65, п. 606; См.: Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 100—101.
 8. Луань Цзинхэ. Синь чжунго чэнли цянъси сулянь дуй хуа чжэнсэ поуси [Изучение внешней политики СССР по отношению к Китаю до образования КНР] // Дандай чжунго ши яньцзю. 2003. № 2. С. 106—107.
 9. Дин Мин. Чжань хоу гоцзи гуаньси юй во го цзянь го чу ци "ибянь дао" фанчжэнь ды синчэн [Международные отношения после войны и политика "односторонней ориентации" в первые годы после образования КНР] // Дандай чжунго ши яньцзю. 2003. № 2. С. 97.
 10. Чжунгун чжунъян дайбяотуань баогао. 1949 г. 4 июля // Чжунсу гуаньси данань вэньцзянь сюаньдэн [Сборник документов по китайско-советским отношениям]. № 9. С. 27
 11. АВП РФ, ф.1, оп.42, п.19., л. 82.
 12. Документы хранятся в фондах АВП РФ; См.: Капица М.С. Три десятилетия, три политики. М., 1979. С. 29.
 13. Синчжэн юаньчжан Сун Цзывэнь чжи Цзян Цзэши дянь [Телеграмма председателя Исполнительного юаня Сун Цзывэня Чан Кайши], 30 июня 1945 г.; См.: Чжунхуа миньго чжуняо шилляо чубянь — дуй жи кан чжань шици ди сань бянь: чжань ши вай цзяо [Первый сборник основных материалов по истории Китайской Республики — Период антияпонской войны] / гл. ред. Цинь Сяои. Тайбэй, 1981. Т. 2. С. 572.
 14. АВП РФ, ф. 45, оп. 1, п. 322, л. 4; Русско-китайские отношения в XX в. Советско-китайские отношения в 1937—1945 гг. Кн. 2. М., 2000. Т. 4. С. 74.
 15. АВП РФ, ф. 45, оп. 1, п. 322, л. 5; Там же. С. 74.
 16. Имеется в виду китайско-российский "Договор об аренде портов Льюшунь и Далянь" или китайско-российская "Конвенция об аренде части полуострова Ляодун с портами Льюшунь, Далянь и с прилегающим к ним водным пространством и территорией", подписанная 27 марта 1898 г. Данный договор устанавливал срок аренды в 25 лет, и Россия имела право на аренду портов Льюшунь и Далянь, морского залива и территорий севернее него.
 17. АВП РФ, ф. 45, оп. 1, п. 322, л. 6—7. Русско-китайские отношения в XX в. Советско-китайские отношения в 1937—1945 гг. Кн. 2. М., 2000. Т. 4. С. 75.
 18. Синчжэн юаньчжан Сун Цзывэнь чжи Цзян Цзэши дянь [Телеграмма председателя Исполнительного юаня Сун Цзывэня Чан Кайши], 2 июля 1945 г. См.: Чжунхуа миньго чжуняо шилляо чубянь — дуй жи кан чжань шици ди сань бянь: чжань ши вай цзяо [Первый сборник основных материалов по истории Китайской Республики — Период антияпонской войны. Глава 3]. Тайбэй, 1981. Т. 2. С. 576.
 19. Шидалинь тунши юй Сун Цзывэнь юаньчжан ди сы ци таньхуа цзилу [Запись четвертой беседы Сталина с председателем Исполнительного юаня Сун Цзывэнем]. Москва, 9 июля 1945 г. // Чжунхуа миньго чжуняо шилляо чубянь — дуй жи кан чжань шици ди сань бянь: чжань ши вай цзяо Тайбэй, 1981. Т. 2. С. 609—620.
 20. Цзян Цзэши чжи синчжэн юаньчжан Сун Цзывэнь чжи, вайцзяо бучжан Ван Шицзэ дянь [Телеграмма Чан Кайши председателю Исполнительного юаня Сун Цзывэню

- и министру иностранных дел Ван Шицзэ]. Чунцин. 13 августа 1945 г. См.: Цинь Сяо (гл. ред.) Чжунхуа миньго чжуняо шиляо чубянь — дуй жи кан чжань шици ди сань бянь: чжань ши вай цзяо [Первый сборник основных материалов по истории Китайской Республики — Период антияпонской войны. Глава 3]. Т.2. Тайбэй, 1981. С. 649.
21. Сыдалин гун Мао Цзэдун хуйтань цзилу [Запись беседы Сталина и Мао Цзэдуна]. 1949 г., 16 декабря // Чжунсу гуаньси данань вэньцзянь сюаньдэн [Сборник документов по китайско-советским отношениям]. № 3. С. 3.
 22. Там же. С. 4
 23. Чжунгун чжунъян дайбяотуань баогао. 4 июля. 1949 г. [Доклад делегации ЦК КПК] // Чжунсу гуаньси данань вэньцзянь сюаньдэн [Сборник документов по китайско-советским отношениям]. № 9. С. 25.
 24. Ши Чжэ. Цзай лиши цюда жэнь шэнь бянь [Рядом с гигантом истории] // Чжунянь вэньсянь чубаньшэ. 1991. С. 437.
 25. Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао [Сочинения Мао Цзэдуна после образования КНР]. Чжунянь вэньсянь чубаньшэ, 1987. Т. 1. С. 211—212.
 26. Мао Цзэдун юй Вэйсинсыцзи хуйтань цзилу [Беседа Мао Цзэдуна с Вышинским], 1950 г. 6 января. Дан ши яньцзю цзыляо. 1998. № 5. С. 10.
 27. Сыдалин гун Мао Цзэдун хуйтань цзилу [Запись беседы Сталина и Мао Цзэдуна], 1950 г. 22 января // Чжунсу гуаньси данань вэньцзянь сюаньдэн. [Сборник документов по китайско-советским отношениям]. № 3. С. 9.
 28. Там же. С. 10.
 29. Там же. С. 11—12.
 30. Имеются в виду Чжоу Эньлай, Ван Цзясян и Ли Фучунь.
 31. Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао [Сочинения Мао Цзэдуна после образования КНР]. Чжунянь вэньсянь чубаньшэ, 1987. Т. 1. С. 251.
 32. Ван Тея. Чжунвай цзю юэчжан хуйбянь [Сборник старых договоров Китая с иностранными государствами]. Саньянь шудянь, 1962. Т. 3. С. 1327—1328; Чжунхуа жэньминь гун хэ го дуйвай гуаньси вэньцзянь цзи [Сборник документов по внешней политике Китая] Шицзе чжиши чубаньшэ. 1957. Т. 1. С. 75—77.
 33. Сюэ Сяньтянь в своей статье “От китайско-советского Договора о дружбе и союзе до Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и Союзом ССР считает, “что новый договор был переделан из старого. Хотя договор носит преемственный характер, содержание похоже, но по сути он совершенно отличается”. Подробнее см.: Чжун гун дан ши цзыляо. 2001. Вып. 78. Июнь. С. 88—89.
 34. Чжунсу гуаньюй яньчан гунтун шиюн Люйшунькоу хайцзюнь цзиди цисянь ды хуаньвэнь [Обмен нотами о продлении срока совместного использования порта военноморской базы Люйшунь]. Чжунхуа жэньминь гун хэ го дуйвай гуаньси вэньцзянь цзи [Сборник документов по внешней политике Китая]. Шицзе чжиши чубаньшэ. 1958. Т. 2. С. 89—91.

Русские в Китае

Н.В. Устрялов — профессор Харбинского юридического факультета

© 2007

В. Романовский

В современных публикациях о Николае Васильевиче Устрялове основное внимание уделяется его политической и публицистической деятельности¹. Вместе с тем идеолог национал-большевизма был философом, ученым, деятелем культуры, педагогом, однако эти грани личности Устрялова не получили достаточного отражения в исследовательской литературе. В настоящей статье освещаются некоторые аспекты педагогической и научной деятельности профессора Устрялова в годы эмиграции.

После разгрома власти Омского правительства Н.В. Устрялов — один из активных участников белого движения в Сибири — был вынужден покинуть Россию. В конце января 1920 г. он вместе с бывшими членами "всероссийского правительства" прибыл в Харбин. Его первоначальные планы (добраться до Владивостока) оказались невыполнимы, так как в Приморье установилась эсеро-меньшевистская власть. Устрялов решил остаться в Харбине. Этот город со значительным русским присутствием благодаря концентрации интеллектуальных, политических и культурных сил становился крупным центром русской эмиграции.

С прибытием новой волны русских беженцев, среди которых было немало квалифицированных специалистов и вузовских преподавателей, в городе появилась возможность открытия высшего учебного заведения. Ранее этот вопрос уже обсуждался харбинской общественностью. В 1918 г. был образован даже "Комитет по учреждению высшего учебного заведения в г. Харбине" под председательством Н.В. Борзова — директора Коммерческого училища КВЖД. Комитет собрал необходимые денежные средства, вел в Томске переговоры с руководством университета и Технологического института об условиях их участия в этом деле, но попытка успеха не имела². Между тем конкретная обстановка в полосе отчуждения КВЖД объективно способствовала реализации проекта. Здесь было довольно много молодежи, которая после начальной школы, а также средних учебных заведений (их было более десяти в зоне КВЖД) стремилась продолжить обучение в высшей школе.

По воспоминаниям Г.К. Гинса, Устрялов первым среди омских беженцев вновь выдвинул идею организации в Харбине высшего учебного заведения;

Романовский Вячеслав Константинович — кандидат исторических наук, Нижегородский институт развития образования.

сначала он обсудил ее с коллегами-преподавателями, а затем с представителями вышеупомянутого комитета. Идею Устрялова поддержали М.В. Абросимов (он в свое время работал в Московском коммерческом институте и Омском политехническом институте), Н.И. Петров (Омский политехнический и сельскохозяйственный институты), Г.К. Гинс (Санкт-Петербургский университет и Омский политехнический институт) и др.³ Сам Устрялов, выпускник юридического факультета Московского университета, также имел опыт вузовской работы: в 1916—1918 гг. он занимал должность приват-доцента Московского университета, преподавал в Коммерческом институте и Народном университете имени Л.А. Шанявского, а с осени 1918 по январь 1919 г. работал в Пермском университете, где незадолго от отъезда в Омск был избран профессором.⁴

Инициатива Устрялова и коллег-преподавателей нашла полную поддержку со стороны подготовительного комитета. Вскоре были обсуждены организационные и финансовые вопросы по открытию “Высших экономико-юридических курсов”, соответствующих программе университетского юридического факультета, но с углубленным преподаванием экономических наук. Оговаривалось, что если курсы подтвердят свою жизненность, то их можно будет переименовать в “факультет” или “институт”. Решение материальных проблем взял на себя “Комитет по учреждению высшего учебного заведения”. Было избрано Правление, в которое вошли представители от подготовительного комитета и профессорско-преподавательского состава. Академические функции всецело принадлежали преподавательской коллегии (Совету курсов). Помещение бесплатно предоставлялось Коммерческим училищем с разрешения Управляющего КВЖД. Председателем правления был утвержден Н.В. Борзов, много сделавший для материального благополучия нового учебного заведения. Первым деканом избрали профессора Н.В. Устрялова, заложившего основы эффективной системы учебной работы на курсах.⁵

28 февраля 1920 г. состоялось торжественное заседание по поводу открытия “Высших экономико-юридических курсов”, а с 1 марта начались учебные занятия. Общее количество записавшихся на учебу составило 98 человек (75 студентов и 23 вольнослушателя).⁶

Первые учебные планы, разработанные под руководством профессора Н.В. Устрялова, были нацелены на то, чтобы за один удлиненный семестр, без перерывов на выходные и праздничные дни, в несколько сокращенном виде выполнить программу первого курса юридического факультета. К началу июля 1920 г. учебный процесс на первом курсе был успешно завершен.

Последующие годы стали временем укрепления и расцвета учебного заведения. С июля 1922 г. “Высшие экономико-юридические курсы” стали называться Юридическим факультетом, который действовал на основе российского университетского Устава 1884 г. В 1925 г. факультет уже состоял из двух отделений — юридического и экономического. Экономическое отделение подразделялось на три самостоятельных подотдела: железнодорожный, коммерческий и восточно-экономический. В 1926 г. при факультете были образованы “Подготовительные курсы для китайских юношей”. Поступление на факультет (через китайское подготовительное отделение) молодых людей из различных провинций страны свидетельствовало о том, что этим учебным заведением интересовались широкие круги населения Китая. С каждым годом возрастало общее число студентов факультета. Так, в 1921 г. их насчитывалось 90 человек, в 1922 г. — 179, в 1923 г. — 156, в 1924 г. — 260, в 1925 г. — 512, в 1927 г. — 762, а в 1928 г. — 935.⁷

По мере развития учебного заведения создавались новые кафедры. В середине 1920-х гг. на факультете имелось 12 кафедр: римского права, гражданского права и гражданского судопроизводства, торгового права и торгового

судопроизводства, уголовного права и уголовного судопроизводства, истории русского права, государственного права, международного права, административного права, финансового права, канонического права, политической экономики и статистики, энциклопедии и истории философии права. Помимо обязательных лекционных курсов и семинаров на факультете читались дополнительные курсы: судебная медицина, бухгалтерия, теория тарифов, железнодорожное хозяйство, всеобщая история, история хозяйственного быта, экономическая деятельность в районе Тихого океана, введение в этику и др.⁸

Наблюдался также рост численности и профессионального уровня профессорско-преподавательского состава. Если в первый год работы курсов насчитывалось всего 5 преподавателей, то в конце 1920-х гг. на факультете работало уже около 50 человек. Среди них — профессора В.А. Рязановский, В.В. Ламанский, В.В. Энгельфельд, Е.М. Чепурковский, Лэй-Инь, Н.И. Никифоров, Г.Г. Тельберг, В.А. Овчинников, Г.К. Гинс, Н.В. Устрялов; приват-доцент Н.Е. Эсперов; преподаватели — Л.А. Устругов, С.Н. Петров, Н.А. Стрелков, В.И. Сурин, В.Я. Исакович, Н.А. Сетницкий, Н.И. Морозов, А.А. Ягубов, Е.Х. Нилус, М.Э. Гельчер, А.А. Неопиханов, П.Е. Ковыркин, Н.Н. Трифонов, П.Г. Толшмяков, С.Ф. Кичин, Г.Г. Авенариус, О.О. Сморгчевский и др.⁹

Юридический факультет имел тесные связи с Государственным Дальневосточным Университетом. Его ведущие преподаватели приглашались на чтение лекций. Некоторые из них со временем переезжали в Харбин, пополняя кадровый состав Юридического факультета (философы М.Н. Ершов и Л.А. Зандер, юристы А.А. Камков и В.А. Рязановский, финансист Н.И. Кохановский, историк Н.И. Никифоров, этнограф и географ Е.М. Чепурковский и др.). С участием ГДУ решался вопрос о проведении государственных испытаний (экзаменов) для выпускников факультета. Представители Дальневосточного Университета, детально ознакомившись с его учебными программами и составом преподавателей, дали высокую оценку Юридическому факультету и сочли возможным утвердить Юридическую испытательную комиссию при нем в составе Г.К. Гинса, Н.В. Устрялова, Н.И. Миролюбова, В.В. Энгельфельда и других профессоров¹⁰.

Николай Васильевич преподавал на Юридическом факультете с 1920 по 1934 г. Он читал лекционные курсы по общей теории права, государственному праву, истории философии права. Во вступительной лекции по курсу общей теории права, который читался на первом курсе, содержатся интересные мысли Устрялова о праве, роли и значении этой отрасли знаний в жизни народов. «Теория права, — говорил он студентам, — определяет основное существо всех юридических наук... это — лаборатория юридического мышления, подвергающая анализу не факты, а принципы, уясняющая метод изучения права, как путь к познанию предмета. Только через подлинное проникновение в сущность последнего, только через постижение разумного смысла права — можно приобрести правовое воспитание, научиться «юридически» мыслить». Устрялов указывал на диалектическую связь между прошлым и настоящим временем, старым и новым правом. «Новое всегда имеет корни в прошлом», подчеркивал он, хотя современникам переломных эпох трудно выявить глубокую связь «революционного правотворчества с основами старой общественно-государственной жизни». «Исторические перевороты, ниспровергающие конкретные системы права, — отмечал Устрялов, — по существу своему не столь универсальны и всесокрушающи, как это представляется взволнованному взору современника. Для того, чтобы их осмыслить в подлинном их значении, чтобы лучше провидеть их реальные результаты, нужно изучать историю страны, ее старое право, новые тенденции, зарождавшиеся в его лоне и приведшие к творческой катастрофе. Старое неизбежно так или иначе отражается на новом»¹¹.

На занятиях со студентами Устрялов ставил сложную проблему границ действия правового принципа. По его мнению, право — насущнейший, необходимый элемент в жизни народов, и глубоко ошибаются те, кто его недооценивает. Но, отмечал профессор, в “критические” эпохи истории не право движет миром. Оно безмолвствует. Правовой принцип “должен быть признан ограниченным” в эпохи великих революционных переворотов. Когда же заканчивается силовая переоценка ценностей, на историческую арену вновь возвращается право, “чтобы регистрировать совершенные перемены”. Таким образом, “в иерархии ценностей праву принадлежит подчиненное место. Выше его — нравственность, эстетика, религия”¹².

Лекционный курс Устрялова по государственному праву читался на первом и втором курсах. Начинался он вводной лекцией “Понятие государства”. В ней проблема сущности государства и его важнейших элементов анализировалась с использованием обширного научного наследия (от Аристотеля до современных политиков и исследователей — евразийца Н.Н. Алексеева, марксиста В.И. Ленина, социал-демократа К. Каутского, либерала П.Н. Миллюкова, многих других отечественных и зарубежных авторов). Наряду с этим в лекционных материалах содержались и весьма интересные авторские положения по обсуждаемым вопросам.

Устрялов полагал, что “государство есть прежде всего союз власти и подчинения”. Власть же — “основной и первичный элемент государства”. В обществе порядок наступает тогда, “когда в нем установлена власть, способная приказывать и принуждать”. Но сама власть покоится не на силе, а на добровольном подчинении. Опора власти — не пушки, не кулаки, а души человеческие. Когда нет опоры в душах, штыки и тюрьмы не помогут. Власть государства действует строго на определенном пространстве и распространяется лишь на людей, живущих в пределах этого пространства. Она превращает “бесформенную массу индивидов в единый организованный народ, устанавливая в ней отношения господства и подчинения, основу социального порядка”¹³.

Государство, несомненно, есть союз не только властный, но в значительной степени и правовой. Однако, отмечал профессор, государство не должно рассматриваться исключительно как правовое явление. Сторонники такого подхода, по словам Устрялова, грешат “утратой чувства реальности государства”, сознательно “затушевывают сложную историческую природу государства, которая “не уместается в рамки чистого права”¹⁴.

Лекции по истории философии права, которые читались второкурсникам, Николай Васильевич стремился приблизить к процессам и тенденциям современной жизни. Мысли древних мыслителей, которые могли казаться скучными и архаичными, в его лекционном материале приобретали особую свежесть и злободневность. Так, в лекции, посвященной Платону, харбинский профессор приходил к выводу, что современный термин “идеократия” выпукло выражает существо платонова политического идеала. Лектор давал лаконичную характеристику идеократическому государству и умело формулировал вопросы, которые вряд ли могли оставить равнодушной студенческую аудиторию, проживающую по соседству с Советской Россией.

О непревзойденном лекторском мастерстве Устрялова сохранились воспоминания воспитанницы факультета Елизаветы Рачинской: “Первая лекция (вступительная), которую мне пришлось прослушать на факультете, была прочитана профессором общей теории и философии права Николаем Васильевичем Устряловым. Довольно высокий, одетый с изящной небрежностью, с небольшой эспаньолкой, придававшей ему нечто мефистофельское, Устрялов сразу овладел вниманием аудитории. Он читал с блеском, легко и непринужденно развивая тему, щеголяя цитатами, сам увлекаясь и увлекаая слушате-

лей... Его увлекательные лекции по философии права вызывали желание хотя бы в общих чертах познакомиться с идеями великих мыслителей прошлого”¹⁵.

Привлекая внимание молодых людей к теоретическим, философским проблемам, профессор приглашал заинтересованных студентов к их дальнейшему обсуждению вне учебных занятий. Для этих целей на факультете с 1922 г. работал философский студенческий кружок, которым руководил Устрялов. Его участники готовили доклады по различной тематике, которые заслушивались и обсуждались на заседаниях кружков. Тематика докладов была разнообразна: “О евразийстве”, “О новых работах Бердяева”, “О религии с марксистской точки зрения”, “Об общественном идеале Новгородцева”, “Кризис демократии” и др. Перед кружковцами выступал и сам Устрялов с сообщениями: “Закат Запада у О. Шпенглера”, “Проблемы философии культуры в постановке Р. Куденхов-Калерги” и др.¹⁶.

Николай Васильевич Устрялов принимал активное участие в издательской деятельности факультета. С 1925 г. в вузе стали регулярно выходить “Известия Юридического факультета”. Под его редакцией в 1929 г. вышел 7-й том “Известий”. Кроме того, работая с 1925 г. в должности директора Центральной библиотеки КВЖД, он подготовил и издал в 1932 г. двухтомный “Библиографический сборник” по Китаеведению, в котором содержались обзорные научно-исследовательские и историографические статьи по экономическим, этнографическим, внешнеполитическим и иным проблемам Китая¹⁷.

В годы работы на факультете Устрялов много внимания уделял научной и публицистической работе. Как мыслитель, политик и недавний участник переломных событий в России он стремился осмыслить и понять то, что произошло и происходило с его страной. В отличие от многих представителей русской эмиграции, подвергавших жесткой критике большевизм, “русский бунт 1917 года” и его последствия, Устрялов приходил к заключению, что русская революция национальна по своему характеру и ее корни следует искать в различных течениях общественного движения и отечественной мысли (от славянофильства до русского марксизма). Советская власть — власть национальная, ибо только она сумела восстановить единство, целостность России почти в прежних территориальных пределах, создала сильную армию, восстановила престиж страны в мире. Анализируя изменения во внутренней политике большевиков (переход от военного коммунизма к нэпу), Устрялов выдвинул концепцию русского термидора, которая, как ему казалось, реально отражала общественные процессы на Родине: большевики отказывались от утопических сторон революции, при их участии происходил ее “спуск на тормозах”, страна переводилась на “новые хозяйственные рельсы” (буржуазные, капиталистические принципы хозяйствования), советское общество эволюционировало в направлении буржуазного государства. С учетом этого русской интеллигенции предлагалось “сменить вехи”: принять революцию, признать советскую власть единственной и реальной в России, пойти на сотрудничество с большевиками, начать “активно и честно работать” на благо страны, во имя ее могущества и процветания. Стратегическая цель состояла в том, чтобы, с одной стороны, помогать большевистскому режиму восстанавливать государственную мощь страны, а с другой — способствовать преодолению самого большевизма “эволюционно и изнутри”. В этом заключалась, по его мнению, суть идеологии национал-большевизма¹⁸. Обоснованию национал-большевистской доктрины он посвятил множество публикаций, ряд своих авторских сборников¹⁹. Научные интересы Устрялова не ограничивались русской революцией и Советской Россией. Не в меньшей степени его занимали проблемы развития послевоенной Европы, возникновения фашистских режимов, кризиса западного конституционализма и демократии, сущности общественного прогресса и другие темы²⁰.

Общественная атмосфера в Харбине была весьма политизированной. Здесь были сосредоточены белоэмигрантские общества, союзы, партии, ассоциации самых различных идейно-политических ориентаций. Политические споры, дискуссии велись на страницах газет и журналов, в клубах и учреждениях. Не был в стороне от этого и преподавательский коллектив Юридического факультета, в котором работало немало откровенных противников советского режима (Тельберг, Гинс, Никифоров и др.). Нередко возникали публичные дискуссии по актуальной проблематике. Так, весной 1922 г. в газете "Заря" сообщалось об одной из таких дискуссий, посвященных проблеме отношения к Советской России. "В зале, вмещающем 1200 человек, аншлаг. С одной стороны — противники Советов, профессора Миролюбов, Гинс, Никифоров, которые стремились доказать, что ничего не следует делать, что было бы "на руку большевикам", потому что "советский строй Россию спасти не может". В числе их оппонентов профессор Устрялов и его коллега по факультету Нилус, доказывающие, что необходимо "протянуть руку Советской власти"²¹. Непонимание, недоверие между сторонниками и противниками Советской России внутри факультетского профессорско-преподавательского состава сохранялось и в последующие годы.

Устрялов, проживая в Харбине и работая на факультете, имел небольшой круг лиц, с которыми у него были теплые, дружеские отношения: факультетские преподаватели Н.А. Сетницкий и Е.Х. Нилус, писатель С.Г. Скиталец (Петров), публицист Е.Е. Яшнов, экономист Г.Н. Дикой, японовед А.Я. Авдощенко, филолог Г.Г. Подставина, некоторые другие представители харбинской русской интеллигенции.

В начале 1930-х гг. обстановка в Харбине существенно изменилась: усилилось японское влияние, активизировалась деятельность различных белоэмигрантских союзов и движений, обострились отношения между сторонниками и противниками советской России в эмигрантской среде, ухудшались отношения со стороны местных властей к тем, кто симпатизировал СССР. Все это беспокоило и угнетало Устрялова. В письмах своему товарищу Г.Н. Дикому, переехавшему в 1930 г. в Париж, он сообщал, что жить в Харбине "становится все трудней и трудней", "одинок", "поговорить толком не с кем". Устрялов сожалел, что "засиделся на краю света", мечтал съездить в Европу, посмотреть "нынешнюю европейскую жизнь", прикоснуться к "святым местам", "первоклассной культуре", до которой он "был всегда охотником" и от которой "постыдно отвык"²².

В учебном заведении обстановка становилась все более политизированной. Декан факультета Н.И. Никифоров, его заместитель Н.Н. Трифонов, а также Г.К. Гинс и другие преподаватели, фактически отказались сохранять академический климат в стенах вуза и вовлекали его в уличную политику. По выражению Устрялова, они стремились превратить факультет "в боевое эмигрантское заведение". Попытки профессора права и его единомышленников отстоять академическую направленность факультета, результатов не принесли. "Эти две недели чуть ли не ежедневно, — сообщал он в Европу евразийцу К. Чхеидзе в мае 1934 г., — мы (совместно с Н.А.С.) (Н.А. Сетницким — В.Р.) бьемся в поисках выхода, заседаем до ночи, но толку пока нет — не можем найти общего языка — для сохранения русского советско-эмигрантского высшего учебного заведения". 1 июня 1934 г. Н.В. Устрялов вместе с группой других профессоров и преподавателей вынужден был подать заявление об отставке и расстаться с родным учебным заведением²³. Через год он вернулся на Родину, некоторое время преподавал экономгеографию в Московском институте инженеров транспорта, а в 1937 г. был репрессирован. В том же году в Харбине прекратил свое существование Юридический факультет, ставший важной вехой в творческой биографии профессора Н.В. Устрялова.

1. Быстрянцева Л.А. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н.В. Устрялова (1890—1937) // Новая и новейшая история. 2000. С. 162—190; Сергеев С. М. Стратотерпец великодержавия // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 7—47; Чернавский М. Первый национал-большевик: (Н.В. Устрялов как политический мыслитель) // Наш современник. 2004. № 10. С. 212—220; Романовский В.К. Н.В. Устрялов о русской революции (по его публикациям 1917—1918 гг.) // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 150—161 и др.
2. Известия Юридического Факультета. Высшая школа в Харбине. Харбин, 1925. Т. 1. С. 201.
3. Новое русское слово. 1960. 19 ноября; Известия Юридического Факультета... Т.9. Харбин, 1931. С. 308.
4. Центральный исторический архив г. Москвы, ф. 418, оп. 244, л. 19, л. 39; ф. 635, оп. 3, л. 9, л. 58, 67, 103; ф. 635, оп. 3, л. 94, л. 105; Устрялов Н.В. Былое — Революция 1917 г. (1890-е — 1919 гг.). М., 2000. С. 184—185, 186, 196, 200, 212—219.
5. Известия Юридического Факультета... Т. 1. Харбин, 1925. С. 201—202.
6. Известия Юридического Факультета... Т. 9. Харбин, 1931. С. 308, 316, 318.
7. Там же. С. 316—318.
8. Известия Юридического Факультета... Т. 1. Харбин, 1925. С. 203—209.
9. Известия Юридического Факультета... Т. 9. Харбин, 1931. С. 320.
10. Там же. С. 316.
11. Устрялов Н.В. О разуме права и праве истории // Устрялов Н.В. Под знаком революции. 2-е изд. Харбин, 1927. С. 283—286.
12. Там же. С. 286—287, 289.
13. Устрялов Н.В. Понятие государства // Известия Юридического факультета... Т. 9. Харбин, 1931. С. 11—14, 19.
14. Там же. С. 14, 19.
15. Рачинская Е. Калейдоскоп жизни: воспоминания. Париж, 1990. С. 178—180.
16. Известия Юридического факультета... Т. 1. Харбин, 1925. С. 212.
17. Известия Юридического факультета... Харбин, 1929; Библиографический сборник. Обзор литературы по китаеведению / Под ред. проф. Н.В. Устрялова. Харбин, 1932. Т. 1, 2.
18. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 5912, оп. 1, л. 143, л. 237—238.
19. Устрялов Н.В. В борьбе за Россию: сборник статей. Харбин. 1920; Он же. Под знаком революции. Харбин, 1925 (2-е изд. 1927).
20. Устрялов Н.В. Проблема Пан-Европы. Харбин, 1929; Он же. Итальянский фашизм. Харбин, 1928; Он же. Германский национал-социализм. Харбин, 1933; Он же. Кризис современной демократии // Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 263—282; Он же. Проблема прогресса. Харбин, 1931.
21. Заря. 1922. 3 апреля.
22. "Политическая эмиграция — не наш путь": Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому, 1930—1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 106—113, 126; № 3. С. 109, 125, 126.
23. ГАРФ, ф. 5911, оп. 1, л. 78, л. 16, 25; Исторический архив. 1999. № 2. С. 110; 1999, № 3, С. 122, 141.

Образование

Высшие учебные заведения в Китае в условиях совместного управления центра и регионов

© 2007

Лю Цзайци

До того, как в 1985 г. в КНР началась реформа системы высшего образования, в стране на базе изучения и заимствования советского опыта сложилась такая система управления высшим образованием, при которой центральные ведомства и местные правительства самостоятельно создавали высшие учебные заведения (вузы) и руководили ими. Эта система, сформировавшаяся и развившаяся в условиях высокоцентрализованного планового хозяйства, в основном удовлетворяла потребности в кадрах различных специальностей для нужд экономического строительства и общественного развития. Однако по мере изменений хозяйственного механизма, ускорения научно-технического прогресса и общественного развития проблемы в системе управления высшим образованием в Китае стали проявляться все более наглядно. Главные из них заключались в следующем.

Во-первых, в условиях прежней системы управления вузы ведомств и отраслей превращались в своеобразную "отдельную" систему, развивавшуюся обособленно. Они были слабо связаны с регионами местонахождения и мало помогали их социально-экономическому развитию.

Во-вторых, в условиях развития современной науки и техники все более проявлялась тенденция комплексности, пересечения и взаимопроникновения предметов и дисциплин. Экономическое и социальное развитие настоятельно требовало комплексно подготовленных специалистов. В этой ситуации многие вузы ввели у себя новые дисциплины и специальности, что, однако, повлекло за собой новые проблемы: дублирование, распыление кадровых ресурсов, снижение качества преподавания.

В-третьих, система отдельного создания вузов и управления ими со стороны центральной и местных властей вела к еще большему распылению и без того весьма ограниченных средств, к чрезмерно узкой специализации выпускаемых кадров, что негативно влияло на качество подготовки специалистов и затрудняло их разумную ротацию.

Очевидно, что традиционная система функционирования высшего образования, построенная по принципу разобщенного отраслевого и территориального управления, уже не могла соответствовать целям реформы и не отвечала стратегии процветания государства на основе развития науки и образования и потребностям модели роста экономики КНР. Поэтому возникла настоятельная необходимость в глубокой реформе системы управления высшим образованием в Китае.

Исторические обстоятельства и ход процесса совместного создания высших учебных заведений в Китае центральным правительством и местными властями

ЦК КПК начал исторический поворот в области управления высшим образованием на базе реформы экономической системы. В октябре 1984 г. 3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва принял "Решение о реформе экономической системы", а в марте 1985 года ЦК КПК также принял "Решение о реформе научно-технической системы"¹. Реформы в экономической и научно-технической сферах дали толчок реформе системы образования в Китае. В мае 1985 г. ЦК КПК принял "Решение о реформе системы образования" (далее — "Решение"). В нем отмечалось, что в традиционной системе управления образованием имелись большие недостатки, и она более не способна соответствовать новой ситуации: проведению политики реформ и открытости в Китае и подъему научно-технической революции во всемирном масштабе. Указывалось, что направлением реформ в системе управления высшим образованием является усиление со стороны государства и образовательных ведомств макрорегулирования и руководства высшим образованием². Так был дан старт реформе системы управления высшим образованием в Китае в новое время.

Реформа в основном реализуется в двух аспектах: во-первых, руководство большинством вузов, которые раньше подчинялись различным центральным ведомствам (за исключением министерства образования), перешло к местным административным органам, ведающим образованием; во-вторых, права вузов на самоуправление в учебном процессе постепенно расширяются.

В конце 1992 г. в ходе поисков путей реформ системы высшего образования тогдашний Государственный комитет образования и провинция Гуандун выдвинули предложение о совместном создании подчиняющихся Комитету университетов: Чжуншаньского (Университета имени Сунь Ятсена) и Южно-китайского политехнического. При этом провинция Гуандун обязалась оказывать финансовую и иную поддержку этим двум университетам, а они, в свою очередь, обязались принимать большее участие в экономическом и социальном развитии провинции Гуандун³.

Практика показала, что совместное создание вузов и управление ими со стороны центральных ведомств и местной власти представляет собой удачный и эффективный путь реформирования вузовского образования в Китае. Такой метод не только дал возможность сохранить определенные преимущества в отношении распределения средств, научных исследований и профессионального руководства, присущие управлению вузами со стороны центральных министерств, но и позволил преодолеть прежний разрыв между системами образования ведомственного и местного подчинения; повысить активность мест в финансовой помощи вузам путем предоставления им тех или иных преференций. Результатом стало расширение сферы приложения сил вузов, их более активное по сравнению с прежним содействие экономическому строительству и социальному развитию на местах наряду с продолжением выполнения миссии подготовки высококвалифицированных кадров и решением задач в области науки и техники для разных отраслей экономики. К концу 1994 г. 27 отно-

свишихся к центральным министерствам вузов перешли под совместное управление провинций и ведомств (19 из них подчинялись Министерству образования)⁴.

В документе канцелярии Госсовета КНР "Некоторые мнения об углублении реформы системы высшего образования", распространенном в июле 1995 г., и на совещании о реформе системы управления высшим образованием в конце того же года были определены следующие виды преобразования вузов: совместное создание, объединение, слияние, координация, разделение и изменение специализации. Причем было ясно отмечено, что реформа системы управления высшим образованием состоит не в том, чтобы просто передать вузы под новый контроль и заменить прежнее ведомственное управление на местное, а в том, чтобы создать такую систему управления высшим образованием, которая будет соответствовать реформам в экономике, политике, научно-технической и культурной сферах, будет способствовать делу развития и реформы высшего образования.

Крупномасштабное совместное строительство вузов развернулось вслед за реорганизацией органов Госсовета. В начале 1998 г. правительство КНР решило уменьшить количество ведомств Госсовета с 40 до 25. При этом оказалось необходимым переподчинить 91 вуз, относившийся к девяти упраздненным ведомствам. В 10 вузах, в т.ч. в Университете Дунбэя и в Пекинском научно-техническом университете, повседневное управление в основном сконцентрировалось у местной власти, а управлением в ключевых областях занимаются центральные ведомства. 81 ВУЗ был передан в совместное ведение центра и мест с управлением со стороны местных правительств в качестве главенствующего.

В начале 1999 г. в 25 вузах, которые подчинялись Комитету оборонной науки и промышленности, система управления также была упорядочена. Учитывая специфические потребности развития оборонной промышленности, 7 вузов, включая Харбинский промышленный университет, были оставлены под управлением Комитета, остальные же были переведены в совместное управление центра и регионов при главенствующем региональном управлении⁵.

В начале 2000 г. Госсовет провел еще одно важное упорядочение системы управления высшим образованием, в ходе которого было изменено подчинение 153 вузов. 55 вузов были переданы в подчинение Министерства образования (в том числе 28 из них вошли в состав действующих вузов, подчиненных Министерству образования). Остальные 98 вузов были переданы правительствам провинций, автономных районов, городов центрального подчинения. В результате передачи более 400 вузов из подчинения центральных ведомств в подчинение местным правительствам. Сложилась новая система управления высшим образованием, характеризующаяся двухуровневым контролем Центра и регионов при главенстве местных правительств.

Нынешняя ситуация в области совместного управления вузами центральной и местной властью

По состоянию на 2002 г. в 517 вузах была внедрена система совместного управления центральными ведомствами и местными правительствами при главенствующей роли регионов. В 29-ти вузах внедрена аналогичная система совместного управления, но при главенствующей роли центральных ведомств. В 317 вузах развернута кооперационная система организации учебного процесса, на основе которой сформировалось 227 кооперационных учебных центров⁶. В результате реформы удалось в основном преодолеть недостатки прежней системы управления высшим образованием, добиться первичной оптимизации распределения образовательных ресурсов, повысить качество и эффективность учебного процесса.

В целом можно выделить *три разновидности* совместного управления вузами со стороны центральной и местных властей.

1. Управление осуществляется совместно центром и регионами, но местные правительства играют главную роль.

При передаче в 1998 г. 81 вуза в совместное управление центра и регионов Госсовет, стремясь избежать увеличения нагрузки на места, предусмотрел, чтобы финансирование прежних расходов на осуществление учебного процесса, возраставших в определенной пропорции, по-прежнему осуществлялось центральным правительством. Кроме того, Центр также дает определенную дотацию в случае нехватки средств на капитальные нужды. Ответственность же за повседневное управление вузами несут местные правительства. Поскольку базовые условия деятельности этой группы вузов были неплохими, данный подход встретил одобрение местных органов власти.

Рациональная реорганизация вузовской системы на местах, которая затронула ранее имевшиеся там образовательные ресурсы, и дополнительные меры местных правительств в виде предоставления переданным им в управление вузам земельных участков, увеличения инвестиций, предоставления различных льгот и т.п., позволили в целом оптимизировать и полнее использовать вузовский потенциал, заметно улучшить условия функционирования системы высшего образования и поднять уровень преподавания.

2. Управление со стороны центра играет ведущую роль, но для развития вузов активно привлекаются инвестиции местных правительств. Из 72 вузов, которые по поручению Госсовета управляются Министерством образования, в 34 вузах реализован принцип строительства совместно с местными правительствами. Эти вузы в основном являются известными учебными заведениями. Местные правительства осознают, что данные вузы имеют огромный потенциал в деле содействия экономическому развитию и социальному прогрессу регионов. В этой связи они вкладывают значительные средства в совместное строительство вузов. После перехода к такой модели большинство этих вузов внесли существенный вклад в экономическое развитие районов в плане подготовки кадров, усвоения современных научно-технических достижений, улучшения инвестиционной среды. Практика показывает, что все прямо подчиняющиеся центру вузы, которые вносят большой вклад в развитие регионов их пребывания, получают значительную поддержку со стороны местных органов власти. По статистике Министерства образования, к началу 2003 г. местные правительства вложили 11 млрд юаней в развитие этих вузов. Местные правительства также предоставили существенные льготы и оказали большую помощь в строительстве квартир для преподавателей и студенческих общежитий.

3. Центр и западные регионы руководят вузами совместно. Чтобы содействовать подъему западных территорий, Министерство образования и Госплан (с 2003 г. — Комитет развития и реформ) выделяют целевые средства для развития местных вузов в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения западного и частично центрального регионов Китая. Кроме того, местным вузам оказывают поддержку высшие учебные заведения центрального подчинения.

Основные особенности совместного управления вузами центральной и местной властью

Поскольку вузы, совместно управляемые центром и региональными правительствами, сформировались на базе вузов, подчинявшихся центральным ведомствам, они значительно отличаются от вузов, напрямую подчиняющихся центру, и обычных вузов местного подчинения, особенно в отношении номенк-

латуры специальностей, методов подготовки студентов и аспирантов, научных исследованиях.

Потребности государственного и общественного развития являются постоянной движущей силой развития высшего образования. Формирование основных и специальных дисциплин в вузах осуществлялось в процессе их приспособления к удовлетворению потребностей государственного и регионального экономического и социального развития. В предшествующий переход, когда вузы находились в подчинении у различных центральных ведомств, их *учебные специальности* ориентировались на удовлетворение потребностей соответствующих отраслей. В течение длительного времени такие вузы имели специализацию, отличавшуюся ярко выраженными отраслевым уклоном и спецификой. Комитетом оборонной науки и промышленности явный приоритет в вузах отдавался специальностям, связанным с ядерной, авиационной, оружейной промышленностью, судостроением и т.п. В вузах, подчиняющихся прежним министерствам угольной промышленности, геологии и полезных ископаемых, преобладали специальности геологической разведки, съемки, добычи и обогащения полезных ископаемых, безопасности производства и т.д. С переходом вузов под совместное управление цели их деятельности изменились. Теперь они служат не только отраслевой промышленности, но и местному экономическому развитию. В связи с этим на основе сохранения прежней номенклатуры специальностей вузы, находящиеся под совместным управлением, дополнительно ввели специальности, соответствующие потребностям местной экономики.

Изменения в номенклатуре специальностей в вузах совместного подчинения влекут за собой изменения в *модели* подготовки специалистов: выпускники теперь готовятся не только для различных отраслей промышленности, но и для удовлетворения потребностей социально-экономического развития регионов, где такие вузы расположены. Точно так же произошли подвижки и в сфере вузовских *научных исследований*. Продолжая традиционные для себя теоретические и прикладные исследования, ориентированные на применение в общегосударственной промышленности, вузы, находящиеся под совместным управлением центра и регионов, активно привлекаются к научному обслуживанию регионального развития.

Проблемы в деятельности вузов, находящихся в совместном управлении центра и регионов

Есть все основания утверждать, что внедрение практики совместного управления вузами явилось большим достижением в процессе реформирования высшего образования в Китае. Вместе с тем, в результате изменения общей ситуации и условий осуществления учебного процесса такие вузы пока еще сталкиваются с рядом проблем.

1. Напряженная ситуация с финансированием

Утрата финансовой поддержки прежних ведомств Госсовета, в подчинении которых находились вузы, далеко не всегда может быть восполнена ввиду ограниченности финансовых ресурсов местных правительств. Поэтому вузы, находящиеся в совместном управлении центра и регионов, нередко испытывают гораздо больший недостаток средств, чем до изменения системы управления. В условиях рыночной экономики это влечет за собой множество проблем. Например, невозможность обновления учебного оборудования, затруднения с привлечением талантливых и квалифицированных преподавателей и руководителей науки. Эти проблемы негативно влияют на преподавание и повышение качества обучения в вузах.

2. Неверная самооценка

До смены системы управления вузы, подчинявшиеся ведомствам центрального правительства, обладали богатыми ресурсами и определенными преимуществами. Например, эти ведомства оказывали им значительную помощь в средствах, учебном оборудовании, кадрах и т.д. Соответственно, такие вузы считали, что располагают большими преимуществами по сравнению с другими обычными вузами. После принятия на вооружение стратегии, в соответствии с которой "центр и местные власти совместно управляют вузами, но главенствующая роль в этом отводится местному правительству", часть вузов, находящаяся под совместным управлением, продолжает рассматривать себя как объекты поддержки центра, обладающие превосходством над обычными вузами. Такие ошибочные представления отрицательно влияют на развитие вузов, находящихся в совместном управлении центра и регионов.

3. Неверная ориентация

Завышенная самооценка порождает ошибки в целевой ориентации вузов. Некоторые из них впадают в гигантоманию, отрываясь в своих претензиях на масштабы и диверсификацию учебного процесса от реальной действительности. Идет необоснованная погоня за количеством в ущерб качеству, не обращается внимания на необходимость тесной увязки масштабов, структуры, качества и эффективности функционирования высших учебных заведений. Имеет место и безудержная самореклама. Вслед за появлением в Китае идеи создания в стране "экономике знаний" и повышением спроса на высшее образование многие вузы, поменяв свою административную подчиненность, в той или иной мере поддались поветрию объявлять о своей цели "стать первыми в мире", в стране или, на худой конец, — "первыми в провинции".

Стратегические цели

Стратегические цели дальнейшего развития системы вузов, находящихся в совместном управлении центра и регионов, лежат в уже нащупанной плоскости сочетания сильных сторон выраженной отраслевой ориентации готовящихся кадров специалистов с еще более активным кадровым обслуживанием потребностей социально-экономического и научно-технического развития регионов их местонахождения. Такие вузы должны стать важной базой проведения научных исследований высокого уровня и движущей силой в практическом применении научно-технических достижений. Они должны сочетать подготовку кадров, научные исследования и служение интересам общества как в интересах конкретных отраслей, так и соответствующих регионов. При этом специфика работы вузов и особенности учебного процесса должны воплощать требования времени, своевременно меняться вслед за меняющимися условиями и потребностями общественного развития. Важно, действуя на основе анализа современных тенденций развития науки и прогнозирования будущих потребностей общества, концентрировать силы на ключевых учебных дисциплинах и специальностях с учетом имеющегося и перспективного потенциала самих вузов, проявлять разумную избирательность, не гоняться за абсолютной универсальностью. Даже ведущие университеты мира не могут претендовать на то, чтобы находиться на передовом уровне науки и образования по всем существующим научным и учебным дисциплинам.

Жизненно важным фактором для всех вузов является качество обучения. Общественный престиж вузов зависит от качества подготовки студентов, а, в конечном счете, от того вклада, который могут внести специалисты, подготавливаемые в этих вузах, в общественный прогресс и развитие. Поэтому не-

обходимо повышать качество обучения путем реформы преподавания. Основываясь на тенденциях развития современной науки и техники, активно адаптируясь к актуальным потребностям реформы высшего образования, используя позитивные наработки, которые появились в результате реформы вузов, делая акцент на развитии новых технических и прикладных дисциплин, следует проводить всестороннее упорядочение структуры специальных дисциплин, создавать междисциплинарные и междисциплинарные исследовательские центры, развивать зарождающиеся и пересекающиеся специальные дисциплины. В то же время, учитывая конкретное состояние каждого вуза, необходимо полностью использовать преимущества, сохранять и поддерживать специфику.

Важной составной частью престижного вуза является первоклассный преподавательский состав. Причем превосходство в области общих и специальных дисциплин вузов, находящихся в совместном управлении, может поддерживаться, главным образом, за счет ученых-лидеров и возглавляемых ими научных школ. Профессор Мартин Троу, директор Института по изучению высшего образования Университета Беркли в Калифорнии, считает, что для повышения статуса вуза в первую очередь нужны известные преподаватели, выдающиеся молодые преподаватели, средства для научных исследований, талантливые студенты и аспиранты⁷. При формировании преподавательского состава можно, во-первых, использовать принципы спортивных соревнований с отбором лучших и отсевом проигравших; во-вторых, стимулировать переход известных преподавателей в свои вузы путем создания условий для развития их научной и творческой активности; в-третьих, применять современные методы управления кадровыми ресурсами, ориентироваться не на место жительства кандидата, а на его способность решать определенные творческие задачи.

1. Чжунго цзяюй бао. 2000. 28 декабря.
2. Решение ЦК КПК о реформе системы образования. Свод действующих правовых актов КНР в области просвещения (1949—1989). Пекин: Народное просвещение, 1991. С. 1—10.
3. Чжунго цзяюй бао. 2000. 25 сентября.
4. Ли Цинган. Об эволюции реформы системы управления высшего образования после создания КНР // Дандай чжунго ши яньцзю. 2001. № 5. С. 55—63.
5. Чжоу Юаньцин. Важная реформа и новаторство в системе высшего образования // Чжунго гаодэн цзяюй. 2001. № 1. С. 4—11.
6. <http://www.moe.gov.cn/2002>. 10 мая.
7. Цит. по: Чжунго дичжи цзяюй. 2006. № 2. С. 37—40.

Культура

Своеобразие историко-философской парадигмы "Восток — Запад" в творчестве Б.А. Пильняка

© 2007

Е. Бабкина

Парадигма Восток — Запад представляет собой принципиально отличные друг от друга, а во многом и противоположные модели культурной идентичности. Они взаимополагают друг друга и одновременно взаимоисключают, воплощая диалектику единства культуры как сложного целого.

К обозначенной проблеме на протяжении длительного времени обращался широкий круг исследователей. Среди дискуссий, развернувшихся в XIX—XX вв., выделяется обширный спектр суждений таких ученых, деятелей культуры, литераторов, как В. Хлебников, И. Стравинский, О. Шпенглер, П. Гоген, А. Матис, А. Камю, Т. Манн, Г. Гессе, К.Г. Юнг, Дж. Селинджер, И. Бродский. Каждый из них попытался расставить свои акценты, стремясь воплотить заявленную позицию в своем творческом видении. Вопрос о соотношении этих культур волнует творческие умы до сих пор.

Применительно к русской культуре особенно актуальна проблема взаимоотношения Востока и Запада. Промежуточное положение России между Востоком и Западом, связанные с этим обстоятельством внутренние противоречия русского национального характера, менталитет, непредсказуемость социокультурной истории явились источником многовековых споров западников и славянофилов, либералов и консерваторов.

При традиционности и прочных корнях восточной тематики и проблематики в русской литературе вышеуказанный аспект по-разному трансформировался в разные периоды истории, он требует осмысления на различных уровнях: историческом, философском, а также литературном.

В XX в. появляются исследователи с новым историческим видением, предлагающие своеобразное осмысление этого вопроса. Одним из них стал Борис Андреевич Пильняк, популярный в 20—30-е годы XX в. писатель. Современники ценили в нем не только новизну художественных форм, но и остроту, оригинальность исследовательской мысли.

Круг проблем, волновавших Б. Пильняка, многогранен, но в центре его эстетической и философской системы стоит человек, познать которого возмож-

но, лишь проникнув в его внутренний мир, подсознание, определив особенности его ментальности. К реализации задуманного Б. Пильняк шел через исследование русского национального характера, непознаваемость и главную сложность которого видел в неразрывной взаимосвязи культур Запада и Востока.

Р. Киплинг писал: "Запад есть Запад, Восток есть Восток, им не сойтись никогда". Б. А. Пильняк своим творчеством судит о том же под собственным углом зрения.

Первая встреча Б. Пильняка с восточной культурой состоялась в 1925 г., во время поездки на Ближний Восток. Он путешествовал по Мраморному, Эгейскому, Средиземному морям, посещал Константинополь, Пирей, Порт-Саид. В марте 1926 г. проездом в Японию пробыл несколько дней в Харбине. Позднее, в 1930-е гг., его поездки в Харбин стали регулярными. Поддерживая творческие связи с русской эмиграцией Харбина, писатель помогал ей преодолевать оторванность от европейской культуры и литературы метрополии. Но прежде чем побывать на Востоке, он познакомился с Западом. В 1922 г. посетил Германию, в 1923 г. — Англию. Европа увлекла его своей индустриальной мощью, "машинностью", индивидуалистичностью образа жизни. Впечатления о встрече с новой, малознакомой культурой нашли свое отражение в произведениях Б. Пильняка.

Путешествие на Восток, судя по всему, затронуло душу писателя еще сильнее. После посещения Японии Пильняк отметил необычайную духовную близость двух культур: русской и японской. В одном из писем он вспоминает: "Вы просите меня поделиться впечатлениями от вечера 20-го апреля, проведенного мною с японскими писателями Кано-сан, Танизаки-сан, Миками-сан, Катоками-сан? ...тогда вечером я никак не чувствовал, что мы "разноязычны" — я был в компании писателей, моих братьев по труду. И мне было очень хорошо" [3: 304].

Это путешествие благоприятно отразилось на творческой продуктивности писателя. С 1925—1928 гг. появляются повести "Китайский дневник", "Китайская судьба человека", роман "Корни японского солнца", рассказы "Человеческий ветер", "Рассказ о том, как создаются рассказы", "Олений город Нара", статья "Японская литература".

Б. Пильняка в азиатской культуре более всего привлекали нежная красота, интимность, мистицизм буквально во всем, гармоничные отношения японцев с окружающим миром, достигаемые посредством медитации, стабильность, подчиненность традициям, приверженность ритуалу.

В названных рассказах чувствуется стилизация под Восток, следование определенным канонам восточной литературы. Большинство восточных расказов основано на каком-либо древнем восточном изречении, которое служит тематическим ядром произведения, определяет его символику. Именно с Востока в прозу Б. Пильняка входят образы Луны и ветра: "На стене того ресторана, где мы были, было изречение о том, что "ветер и Луна друг друга знают" [3: 304]. Случайно увиденная фраза обретет свою новую жизнь в рассказе "Олений город Нара", написанном по возвращении из Японии. В этом небольшом произведении автор своеобразно, в присущей ему оригинальной и самобытной манере переосмысливает традиционное противопоставление исторического Запада и природного Востока. У Б. Пильняка не цивилизация как таковая выступает против природы, он отмечает наличие двух цивилизаций, одна из которых, восточная, росла не насильем над природой, а внутри нее. Подобно древней столице — городу Нара, который теперь "состоит не из домов, а из древнейшего парка — и населен, кроме богов, памяти и людей — теснее всего населен священными оленями" [1:466]. Этим рассказом писатель открывает другой, прекрасный, но чужой мир. Чужой не только для Западной Европы, но

и для России, русского сознания, которое, как будто вжившись в него, вдруг осознает, что принять его, сделать своей жизнью не может.

В восточных рассказах присутствуют разнообразные сведения о стране, представленные писателем с разных позиций (исторической, этнографической, социальной), пропускаемые писателем через свое личное восприятие. Исследуя восточную культуру, Б. Пильняк обращается к особенностям азиатского сознания, которое навсегда останется загадкой для русского человека. Эту мысль автор проводит в своем произведении "Рассказ о том, как создаются рассказы". Это повествование о Софье Васильевне Гнедых, которая вышла замуж за японца Тагаки и стала объектом его поминутного наблюдения, материалом для его романа. О содержании его Софья Васильевна узнала лишь после смерти мужа: "Японская мораль не стыдится обнаженного тела, естественных человеческих отправлений, полового акта: с клиническими подробностями был написан роман Тагаки..." [1:339]. То, что для азиата вполне естественно, что определяет гармонию человека с самим собой и окружающим миром, для русского сознания аномально, отвратительно и пошло: "Она узнала, что все, вся ее жизнь была материалом для наблюдений, муж шпионил за ней каждую минуту ее жизни: — с этого начиналось ее страшное, это было жестоким предательством всего, что было у нее" [1:340]. Из этих несоответствий у автора рождается образ, ставший ключевым: "Лиса — бог хитростей и предательства; если дух лисы вселился в человека, род этого человека проклят. Лиса — писательский бог" [1:342]. Образ лисы заимствован Б. Пильняком из японской культуры.

Книга японского поэта Рубоко Шо (980—1020?) "Ночи комнаты, или время цикад" представляет собой сборник произведений такого редкого и до последнего времени неизвестного в средневековой японской литературе жанра, как эротическая танка. В пергаменте X в. встречается фраза: "Да, я три года давал себя обманывать лисице". Образ лисицы часто встречается в этой книге и других восточных текстах. Вряд ли Б. Пильняк был лично знаком с книгой Р. Шо. Важно то, что божество хитрости и предательства пришло в его прозу из японской культуры, сыграв значительную и, увы, трагическую роль. Согласно Пильняку, жизнь настоящего художника трагична, так как писатель всегда находится между ложью и правдой, и выбор зависит от него самого. Осуществить выбор для писателя мучительно трудно, иногда выбор пути оборачивается трагедией, когда писателю надо с пути лжи выйти на путь правды. Борьба Б. Пильняка с писательским божеством завершилась победным торжеством художника, которому страстно хотелось, чтобы в его творениях владычествовала правда. Так и не познав до конца загадки Востока, а также не приняв индивидуалистского духа западной культуры, Б.А. Пильняк проникся уважением к ним, попытался перенести их на русскую почву, за что заслужил репутацию "евразийца" в русской литературе.

Достаточно скоро Б. Пильняк понял всю искусственность своих попыток. По мере ознакомления с культурой Востока, историей его взаимоотношений с Западом Пильняк осознал, что их единение, создание некоего гармоничного синтетического единства невозможно. В "Повести о ключах и глине" Б. Пильняк, воссоздавая художественные картины своего путешествия по Палестине, затрагивает одну из ее важнейших проблем, очень актуальную для первой трети XX в., не утратившую своей остроты и сегодня: проблему противостояния арабов и евреев. Вникая в историю конфликта, писатель приходит к умозаключению, что ответственность за него несут именно колониальный Запад, Европа, которые исторически искусственно создавали условия для разрушения исконной культуры Палестины. Изображая народ, измученный погромами, гонениями и кровопролитиями, Пильняк отмечает, что на этой земле

“...столкнулись святилища трех великих религий: мечеть Омара, где Магомет ушел из земли к Аллаху, — гроб Иисуса Христа в темном подземелье — и развалины Иерусалимской стены еврейского плача; каждая из этих религий, пока она не умерла, не отдаст своих святилищ” [2:288]. Таким образом, писатель констатирует, что данный конфликт фактически неразрешим. То есть прозорливо рассмотрел суть проблемы, не решенной до сегодняшнего дня.

Проблема взаимоотношений Запада и Востока в творчестве Б. Пильняка выходит за границы лишь этих культур и находит свое воплощение в размышлениях о судьбах России, ее прошлом, настоящем и будущем. Русский путь для писателя пролегает не на Восток и не на Запад, а в допетровскую, домонгольскую Русь: к самой себе, в старообрядческие скиты, в скифские курганы, из которых должна явиться новая Россия. Последовательным и закономерным в подобном взгляде на культуру России является обращение к национальным истокам русской культуры — фольклору. В произведениях Б. Пильняка фольклорный пласт органично сочетается с новой революционной моралью времени, корректирует ее, выводит современного человека на правильный и праведный путь. При этом приоритет вечного (фольклорного) над сиюминутным очевиден, поскольку данная доминанта не только вскрывает основы русского национального характера, формировавшегося веками и потому неподвластного социальным катаклизмам, но и заявляет о значимой в творчестве Б. Пильняка оппозиции Старое — Новое (большое внимание этой проблеме в творчестве Б. Пильняка уделяет исследователь-литературовед Д. Кассек).

Обращение к прошлому есть попытка осмыслить настоящее, в котором писатель обнаружил огромный пласт проблем. Противопоставление Старого и Нового не только констатирует разобщенность на ценностном уровне, но и фиксирует полнейшую разнородность (культурную, нравственную, идеологическую) между Востоком и Западом. На данном этапе творчества (1929—1934 гг.) Б. Пильняк по-новому освещает эту проблему. В отличие от ранних произведений, где предмет пристального внимания автора были две части света, две разнородные культуры, в произведениях более зрелого периода Россия (СССР) предстает страной, противостоящей капиталистическому Западу. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. оппозиция Восток — Запад интересует Б. Пильняка уже не столько в культурном, сколько в идеологическом аспекте.

В сборнике малой прозы “Рождение человека” Б. Пильняк дает возможность своим персонажам поразмышлять об идеологических позициях. В рассказе “Христианское рождество” (1934 г.) земский врач, уехавший в 1914 г. в Америку, рассказывает о своей встрече с родиной, с оставшимся там сыном и его семьей. В рамках этой ситуации и происходит противопоставление старых и новых ценностей. Б. Пильняк для этого выбирает по одной безэквивалентной ситуации старого и нового времени. Так, его персонаж прибывает на родину в сочельник и уже на следующее утро сталкивается с обычаями новой системы. “Разве сегодня учатся?” — спрашивает он внучек, собирающихся в школу. Ответ двенадцатилетней девочки мгновенно обозначает пропасть между старым и новым: “Ах да, ... я слышала об этих религиозных предрассудках” [1:43]. Данный его персонаж типичен для рассказов тех лет: земский врач “не был революционером, ни контрреволюционером, он был интеллигентом...” [1:43]. В этом самом месте словесно включается оппозиция Восток — Запад, связанная с оппозицией Старое — Новое; земский врач надеялся, “что все положительное американское теперь развивается в СССР” и “все отрицательное китайское уничтожается теперь в СССР” [1:43]. Но разочарован первыми впечатлениями: “Его поразила российская бедность, черно-бурый цвет российских костюмов” [1:44]. Только ответ внучки дал ощущение, которое впоследствии сравнивается с явлением природы: “Глетчер христианства треснул, хрякнул и

зашумел гренландским обвалом" [1: 44]. С одной стороны, данное сравнение указывает на масштаб ценностных изменений, с другой стороны — на то, что процессы развиваются как бы без участия человека.

Судя по широте взглядов Пильняка на данную проблему, оппозиция Восток — Запад является значимой в его творчестве, причем на протяжении творческого пути она претерпевала существенные изменения.

Первоначальный, естественный интерес к незнакомой культуре сменился у Б. Пильняка пристальным вниманием к философскому, эстетическому, культурному и литературному наследию стран Запада и Востока. Б. Пильняк — самостоятельный, оригинальный исследователь и художник — пытался осмыслить, проследить и обосновать культурное и историческое развитие России вне какой-либо из заявленных культурных традиций. Образ России в художественной концепции Б.А. Пильняка органично сочетает в себе национальные (фольклорные) традиции и революционную мораль начала XX в. Своеобразный синтез взаимоисключающих явлений повлек возникновение в творчестве Б. Пильняка оппозиции Старое — Новое, которая рассматривается автором не только как конфликт времен и поколений, но и как культурная разобщенность двух чуждых друг другу культур: Востока и Запада. Своеобразие историко-философской парадигмы Б. Пильняка позволяет проследить, как Старое, с одной стороны, противостоит, а с другой, содействует становлению Нового, а культура Востока, противостоя, все же включается в противоречивое взаимодействие с Западом. Самобытный авторский взгляд Б. Пильняка на проблему взаимоотношения взаимоисключающих культур позволяет понять глубины Нового, осмыслить и осознать современное состояние и последующее развитие России.

Взаимополагание и взаимоисключение двух культурных моделей рассматривается Пильняком на различных уровнях художественного текста: смысловом, образном, идеологическом, а иногда и на политическом. Самобытность и оригинальность освещения рассматриваемой проблемы, широкий культурологический контекст, привлечение материалов биографического и собственно литературного характера — все это позволяет говорить о самостоятельности и неординарности авторского видения данной парадигмы.

Использованная литература:

1. Пильняк, Б. Повести и рассказы. М.: Современник, 1991. 687с.
2. Пильняк, Б. Повесть непогашенной луны: рассказы, повести, роман / [сост. Б.Б. Андроникашвили-Пильняк]. М.: Правда, 1990. 480с.
3. Пильняк, Б. Мне выпала горькая слава...: письма 1915—1937 / [вступ. ст., подгот. текста и коммент. Б.Б. Андроникашвили-Пильняк]. М.: Аграф, 2002. 400с.
4. Восток любви / сост. Г. Шадевская. М.: Яуза, 1997. 208с.
5. Кассек, Д. Сборник Б. Пильняка "Рождение человека:" (о малой прозе 30-х годов) // Пильняк. Исследования и материалы: межвузовский сборник научных трудов. Коломна, 1997. Вып. 2. С. 59—83.

Источниковедение и историография манихейства в Китае

(обзор западных и китайских исследований)

© 2007

А. Алексанян

История адаптации в Китае так называемых пришлых религий (*вай цзяо*) представляет собой весьма интересную и актуальную в научном плане тему. Ее разработка позволяет расширить и уточнить наши представления о механизмах и условиях укоренения новых идей и мировоззренческих систем на китайской культурной почве в разные исторические эпохи.

В последнее столетие интерес как китайских, так и зарубежных ученых к названной теме неуклонно возрастал. Существуют специальные монографии, посвященные проблемам ислама и иудаизма в Китае, отдельную, постоянно развивающуюся отрасль исследований представляет собой изучение феномена христианства в этой стране (от несторианства до современного состояния различных христианских конфессий). Множество научных трудов написано о "китаизации" буддизма. А вот исторические судьбы, процессы аккультурации и эволюции в Китае манихейства изучены в значительно меньшей степени.

Между тем это дуалистическое учение о борьбе света и тьмы, зародившееся в III в. в Иране, оказало заметное влияние на идеологию мистических и оккультных течений разного толка (подчас политически активных) не только в Западной Азии и Европе, но и, как показывают результаты имеющихся исследований, в Центральной и Восточной Азии, в том числе в Китае. Однако если западная и ближневосточная версии данного синкретического религиозно-философского направления в работах российских ученых представлены в более или менее полной форме, то китайская ветвь манихейства в целом остается для отечественного религиоведения вообще и синологии в частности *terra incognita*. Как представляется, очерк изучения этого интереснейшего религиозно-философского и культурного явления в его китайском варианте западными, китайскими и японскими исследователями будет полезен для определения уровня современных знаний о данном предмете, выявления наиболее перспективных направлений его научной разработки.

Изучение собственно китайского манихейства (*моницзяо*) началось в начале XX в. благодаря открытиям в Дуньхуане (пров. Ганьсу), в пещерных буддийских храмах. Там были обнаружены фрагменты трех манихейских сочине-

ний: “Краткого изложения учения и обрядов Мани, Будды света” (*Мони гуан-фо цзяофа шлюэ*); “Манихейский фрагментарный канон” (*Моницзяо цань цзин*); “Гимны второй части” (*Сябу цзань*). Второй из них в западной науке принято называть “Трактатом Пельо” — по имени первооткрывателя и публикатора, французского сиолога П. Пельо, а третий — по общей композиции и содержательной специфике текста (в западной науке закрепилось название “Свиток с гимнами” — *Hymnscroll* [англ.] и *Hymnenrolle* [нем.]). Все тексты были открыты в 1907—1911 гг. Немалая заслуга в этом принадлежит английскому археологу М. А. Стейну.

Текст “Краткого изложения учения и обрядов Мани, Будды света” состоит из двух частей: одна, открытая в 1907 г. Стейном, хранится в Британском музее под инвентарным номером № 3969 (MS Stein); другая, обнаруженная в 1908 г. Пельо, находится в парижской Национальной библиотеке, под инвентарным номером № 3884 (Collection Pelliot). В результате исследований, проведенных японским ученым Исида Микиносукэ, самим Пельо и китайским историком Ло Чжэньюем, было установлено, что часть, обнаруженная Стейном, является началом отрывка, открытого Пельо.

Памятник представляет собой последовательное изложение вероучения манихеев, разбитое на шесть (далее текст обрывается) разделов, посвященных личности Мани, каноническим книгам манихейства, его священной иерархии, особенностям монастырского устройства и кратким сведениям по манихейской космологии.

Западные исследователи, в частности немецкие (Г. Халоун и В. Хеннинг), датируют рукопись первой половиной XI в.¹, тогда как китайские ученые (Линь Ушу) и некоторые европейские (Э. Шаванн, П. Пельо, Г.А. Джайлз) относят ее соответственно к 731 г. н.э. и к VIII в. без указания точной даты.²

Относительно предполагаемого авторства мнения также расходятся. Западные исследователи склонны видеть в тексте перевод на китайский язык некоего несохранившегося произведения на пехлеви или на одном из тюркских языков. Видный современный специалист по манихейству Линь Ушу считает текст авторским произведением, отличающимся, к тому же, весьма индивидуальным стилем. Он полагает, в частности, что упоминаемый там манихейский епископ (кит. *фудодань*) был, скорее всего, китайцем.

Так называемый “Трактат Пельо” (в западной науке он именуется по-французски — “*Traite*”) в настоящее время хранится в Пекинской библиотеке под инвентарным номером № 506. Точное название текста неизвестно, так как начало утрачено, а излагается уже продолжение некоего диалога, в ходе которого Посланник Света (т.е. сам Мани) сообщает основы своего учения. Ло Чжэньюй, с издания которого Пельо и Шаванн и перевели и опубликовали в 1911—1913 гг. текст на французском языке, озаглавил произведение как “Фрагментарный трактат персидского учения” (*Босы цзяо цань цзин*). В 1923 г. видный китайский историк, специалист по неавтохтонным религиям в Китае Чэнь Юань выдвинул гипотезу о том, что “Трактат” может быть фрагментом легендарной “Сутры о двух началах” (*Эр цзун цзин*), китайского варианта книги “Шапуракан” (единственного труда Мани, написанного на среднеперсидском языке и содержащего краткое изложение вероучения, предназначенное для шаха Шапура). Идею о том, что “Трактат” представляет собой перевод неизвестного парфянского или согдийского текста, выдвигает немецкий исследователь В. Зундерманн (1983), приводя вслед за А. фон Ле Коком (1922), Э. Вальдшмидтом и В. Ленцем (1926) многочисленные параллели из отрывков тюркских манихейских источников. Пельо и Шаванн полагают временем создания текста, которому принадлежит данный фрагмент, приблизительно 900 г. н.э., а Линь Ушу — примерно 700 г.³

Следующее сочинение, "Гимны", было открыто в 1907 г. М.А. Стейном и хранилось в Лондонской публичной библиотеке за номером 2659, однако в 1916 г. в японском издании "Трипитака годов Тайсё" (*Тайсё синсю Дайдзюкё*) в 54-м томе под номером 2140 был обнаружен практически идентичный текст. Исследования Э. Вальдшмидта и В. Ленца (1926), Цуй Цзи (1943—1946), В. Хеннинга (1952), Э. Морано (1982), Линь Ушу (1984), П. Брюдера (1985), Х. Шмидт-Глинцера (1987) подтвердили манихейскую принадлежность "Гимнов", показав, что они, по всей видимости, представляют собой перевод с парфянского, о чем свидетельствует неоднократная транслитерация китайскими иероглифами явно персидских слов. Западные исследователи (в первую очередь Вальдшмидт и Ленц) датируют текст периодом между VIII и IX вв. н.э. Линь Ушу, опираясь на особенности лексики, считает возможным "с определенной долей уверенности" определить время создания (вернее, перевода) "Гимнов" как 768 либо 842 г. н.э.⁴

Что касается изучения самого феномена манихейства в Китае и постановки проблем, связанных с проблемой его акультурации в Китае, то в целом представляется разумным выделить ряд этапов в соответствии с годом изучения.

А. Начало XX в. — 1940-е гг. Первой ласточкой в исследовании китайского манихейства обычно считают статью Цзян Фу "Краткий очерк распространения манихейства в Китае" (*Мони цзяо люсин Чжунго каолюэ*), опубликованную в 1909 г.⁵ Тем не менее у него был предшественник — Ян Жунчжи, автор вышедшей в 1895 г. работы "Исследование несторианских надписей на каменной стеле" (*Цзинцзяо бэйвэнь цзиши каочжэн*). Один из ее разделов посвящен манихейству. Как отмечает современный тайваньский исследователь Ван Цзяньчуань, еще задолго до дуньхуанских открытий и капитального исследования Э. Шаванна и П. Пельо Ян Жунчжи поставил такие вопросы, как изучение манихейства с компаративистской точки зрения, необходимость отхода от узкого взгляда на это религиозно-философское течение как на одну из христианских ересей и т.д.⁶

Идею создания данной работы Цзян Фу подал Ло Чжэньюй, написавший послесловие к опубликованному им в 1909 г. "Манихейскому фрагментарному канону". В общем придерживаясь точки зрения Цзян Фу, Ло Чжэньюй в то же время допустил ряд ошибок, в частности отождествив найденный в Дуньхуане текст "Канона [о том, как] Лао-цзы просвещал варваров" (*Лао-цзы хуаху цзин*) с текстом "Канона о просвещении варваров" (*Хуаху цзин*), сфабрикованном в IV в. н.э. даосом Ван Фу⁷. Несмотря на это, Ло Чжэньюй с полным правом может считаться пионером китайского манихееледения, поскольку он не только написал послесловие к работе Цзян Фу, но и, как отмечалось выше, издал текст "Трактата Пельо".

В 1912 г. в Японии, в журнале "Тоё гакухо", появилась статья Ханэда Тору "О фрагменте трактата персидского учения", в которой он предпринял попытку соотнести данный отрывок с манихейством⁸. Примерно в то же время Э. Шаванн и П. Пельо осуществили перевод фрагмента на французский язык и подробное исследование, которые последовательно были опубликованы в "Азиатском журнале" (*Journal Asiatique*) в 1911 г. (отдельным оттиском — в 1912), а в 1913 г. издали серьезную статью "Манихейство в Китае"⁹.

В 1921 г. выдающийся китайский филолог, историк и деятель культуры Ван Говэй опубликовал статью "Исследование распространения манихейства в Китае", в которой использовал собранные им сведения из пяти исторических источников, посвященных манихейству, и добавил к упоминавшимся у Пельо вторичным источникам еще одиннадцать¹⁰. В их число вошли также источники, касающиеся в той или иной мере так называемых *чицай-шимо* ("вкушающих постное и поклоняющихся демонам"), — народных синкретических сект, кото-

рые Ван Говэй идентифицировал с манихеями. Кроме того, он высказал три гипотезы: относительно датировки начала манихейской деятельности в Китае (694 г. н.э.); о том, что манихейское влияние, несмотря на все гонения, проявилось в народном восстании в Чэньчжоу в период правления Пяти династий (907—960 гг.) под предводительством У И; по поводу некитайского происхождения фуцзяньских манихеев¹¹. Исследователи отмечают зависимость Ван Говэя в этих догадках от идей, выдвинутых тандемом Шаванн — Пельо¹².

В 1923 г. Чэнь Юань опубликовал в журнале “Госюз цзикань” статью, озаглавленную “Исследование проникновения манихейства в Китай”. Он предпринял попытку рассмотреть манихейство в ранний период правления династии Мин (1368 — 1644), опираясь, в частности, на сведения из произведения автора минской эпохи Хэ Цяюаня “Записи о Фуцзяни” (*Минь шу*)¹³.

Вскоре после опубликования статьи Чэнь Юаня вышло исследование П. Пельо “Манихейские традиции в Фуцзяни”¹⁴, где автор предпринял попытку исследовать феномен манихейства в Китае в период с XI—XII до XIV в. (т.е. с династии Сун до династии Юань). Китайские ученые не очень высоко оценивают качество и новизну данной статьи, поскольку в ней Пельо опирается на упоминавшиеся в работах Чэнь Юаня “Записи о Фуцзяни” Хэ Цяюаня и мало что добавляет к уже известным сведениям. По вполне резонному замечанию одного из исследователей, Пельо “наверяд ли можно назвать пионером в области изучения фуцзяньского манихейства”¹⁵.

Появление перевода статьи Пельо на китайский язык вызвало реакцию японского исследователя Сигэмацу Тосиаки (Сюнсэ), опубликовавшего в 1936 г. статью “К вопросу о манихействе и религии демонов (*моцзяо*) при династиях Тан и Сун”, где исследуется вопрос о характере и происхождении *чицай-шимо*¹⁶. Сигэмацу коснулся также темы проникновения манихейства в Китай, а конкретнее — датировки начальных этапов этого процесса. Критически относясь к идеям Чэнь Юаня и его последователей, японский ученый более всего склонялся к гипотезе Цзян Фу, выдвинув следующее предположение: вероятнее всего, время “официального” пришествия манихейства в Китай — это период правления императрицы У Цзэтянь (684—705 гг.), однако среди народа учение Мани стало распространяться в конце периода Шести династий (222—589 гг.)¹⁷.

В 1938 г. китайский исследователь Моу Жуньсунь, разделявший некоторые идеи Сигэмацу Тосиаки, опубликовал статью “Манихейство сунского периода”¹⁸. Моу Жуньсунь обратился к двум новым для китайского манихееведения источникам, освещавшим существование манихейства в эпоху Сун (960 — 1279). Первый из них — текст сунского ученого Хун Ши “Собрание записей из округа Паньсянь” (*Паньчжоу вэньцзи*), где описываются несколько случаев, связанных с манихеями (в частности, дело о доносе на некоего богатого манихея из Тайчжоу по фамилии Ли, якобы хранившего у себя копию “Трактата о двух началах и трех периодах” — *Эр цзун сань цзи цзин* и устраивавшего ночные сборища). Второй источник — записи из раздела “Уголовные законы” (*Синфа*) многотомных “Черновых набросков важнейших документов династии Сун” (*Сун хэуйяо цзи гао*), составленных Сюй Суном (1781—1848), в которых восстание Фан Ла и появление сект наподобие *чицай-шимо* (их характерными особенностями были ночные собрания и вегетарианство) связывались, так или иначе, с влиянием манихейства¹⁹. Некоторые китайские ученые полагают, что Моу Жуньсунь сделал больше в подборе материала по *чицай-шимо* и различным даосским сектам субверсивного (подрывного) характера, нежели в области фактологии, касающейся напрямую манихейства²⁰.

Б. 40 — 70-е годы XX в. Начало этого этапа в изучении манихейства условно знаменует статья китайского специалиста по истории периода правления династии Мин и тайным обществам У Ханя (1909—1969) “Манихейство и

империя Великая Мин", опубликованная в 1941 г.²¹ Китайское манихейство указанного в заглавии периода У Хань, как и авторы большинства других работ по данной тематике, отождествляет с "учением Света" — *минцзяо*, распространенным в средние века религиозным течением, носившем оккультный характер и причислявшемся властями к "ересям", или "вредоносным учениям" — *се цзяо*. Помимо гипотез о связи манихейства с движениями "майтрея-сект" (т.е. синкретических объединений буддийского толка, эсхатология которых предусматривает схождение на землю будды грядущего Майтреи для утверждения царства истины), в статье рассматривается происхождение наименования династии Мин, которое связывается с сакральным титулом *Мин-вана* (Просвещенного Правителя). Этот титул восходит к тексту "Сутры о пришествии в мир Великого и Малого Просвещенных Правителей" (*Дасяо Минван чуши цзин*), который автор считает каноническим текстом "учения Света" (*минцзяо*). Отождествление "Сутры о пришествии..." с манихейским каноном легко опровергнуть тем фактом, что это произведение является искаженной версией "Сутры о пришествии в мир Малого и Великого Просвещенных Правителей" (*Сяода Минван чуши цзин*), бывшего канонической книгой сект буддийского толка, таких как Байфо хуэй (Союз белого будды), Милэфо хуэй (Союз будды Майтреи) и т.п., никак не связанных с манихейством²². Однако это исследование ценно тем, что помимо освещения деятельности приверженцев *минцзяо* (идентифицируемых автором как манихеи) в области Вэньчжоу и выявления ложности отождествления имени династии Мин с *минцзяо* (которое сложилось под влиянием манихейства или являлось его китайским вариантом), оно дало повод для размышлений тем ученым, которые полагают, что после династии Сун (т.е. после XIII в.) манихейство в Китае перестало существовать. В целом же современные исследователи полагают, что работа У Ханя, несмотря на упомянутые достоинства, не внесла ничего существенно нового в изучение феномена китайского манихейства²³.

Что касается манихейства в Китае при династии Юань (1279—1368 гг.), то этот вопрос был затронут швейцарским исследователем Л. Ольшки в 1951 г. в статье "Манихейство, буддизм и христианство в Китае времен Марко Поло"²⁴. Анализируя "Записки Марко Поло", Ольшки приводит интересный фрагмент, связанный с приездом итальянского путешественника в провинцию Фуцзянь, где он встретился с представителями странной секты. Побеседовав с ними и посетив их кумирни, Поло сделал вывод о том, что это, вероятно, христиане. Скорее всего, предполагает Ольшки, то были манихеи, маскировавшиеся под христиан при довольно неразборчивом контроле со стороны монгольского хана.

В 1956 г. китайский ученый Чжуан Вэйцзи опубликовал статью "Поговорим о недавно обнаруженных в Цюаньчжоу исторических следах китайско-иностранной коммуникации", представляющую собой описание археологических исследований в Цюаньчжоу, в которых ее автор в 1954 г. принимал участие²⁵. В ней Чжуан Вэйцзи упоминает два эпиграфических материала, касающихся *минцзяо*: во-первых, китайскую надпись на надгробном камне, посвященную несторианскому епископу Мар Соломону, курировавшему в Цяннане как несториан, так и манихеев (дата посвящения в самой надписи — 5 сентября 1313 г.); во-вторых — обнаруженные в храме на холме Хуабяо изображение "Будды Света Мани" и две посвященные ему надписи на каменных стелах.

В появившейся вскоре после этого, в 1957 г., книге У Вэньляна "Религиозные надписи на камне в Цюаньчжоу" (*Цюаньчжоу цзунцзяо шикэ*)²⁶ рассматривалась в том числе надпись на надгробном камне, которую автор идентифицировал как манихейскую. Позднее Линь Ушу опроверг это предположение, атрибутировав данную стелу как несторианскую, с чем согласно большинство исследователей²⁷. Несмотря на ошибочный вывод, работа У Вэньляна важна

тем, что обратила внимание исследователей на феномен манихейского храма на холме Хуабяо²⁸.

Наряду с исследованиями, связанными с материальными памятниками, ученые КНР проводят изыскания, направленные на выяснение роли и влияния манихейства в народных восстаниях. В 1959 г. Син Юэ опубликовал небольшую статью под названием "Манихейство сунского периода и крестьянские восстания". Суть ее сводится к следующему: при Танах (618 -- 906 гг.) манихейство известно как *моницзяо*, затем оно переименовывается в *минцзяо*, а в позднесунское время (XII — XIII вв.), впитав в себя большую часть идеологии буддийских и даосских сект, вливается в необозримое море "тайных религий" (*мими цзунцзяо*) и впоследствии играет существенную роль в восстании Фан Ла (1120-1122 гг.) и в позднейших бунтах *чицай-шимо*²⁹.

Подобные идеи не были точкой зрения только одного исследователя, но, как отмечает Ван Цзяньчуань, представляли целое направление (преимущественно в науке КНР), где движение во главе с Фан Ла, манихейство и *чицай-шимо* рассматривались как некое единство³⁰. Впрочем, в 1974 г. вышла работа японского ученого Тикуса Масааки, в которой предпринимается попытка исследовать природу *чицай-шимо* под иным, нежели у китайских ученых, углом зрения³¹. Тикуса приходит к заключению, что, во-первых, наименование *чицай-шимо* не было самоназванием, а являлось скорее неологизмом, использованным чиновниками (поскольку "почитание демонов" — *ши мо* — считалось уголовно наказуемым деянием), и бранным обозначением, имевшим хождение среди простого народа; во-вторых — что *чицай-шимо* представляли собой конгломерат различных даосских и буддийских "еретических" сект, так что навряд ли их можно считать видоизменившимися остатками манихеев.

Вторая статья Тикуса Масааки "Восстание Фан Ла и *чицай-шимо*"³², появившаяся в том же году, рассматривала два существенных для данной темы вопроса: 1) был ли Фан Ла манихеем; 2) имел ли он какое-либо отношение к *чицай-шимо*? Отвечая отрицательно на первый из поставленных вопросов, в отношении второго японский ученый выдвигает два предположения. Во-первых, наряду с *чицай-шимо* и разного рода даосскими и буддийскими "еретиками" в рядах повстанцев вполне могло находиться большое число манихеев. Во-вторых, те религиозные элементы, которые Фан Ла заимствовал для своего учения, были отнюдь не "религией *чицай-шимо*", а скорее всего представляли те или иные аспекты манихейской доктрины (тем более что, согласно первой гипотезе, манихеи составляли если не большинство повстанцев, то немалую их часть). Аналогичные заключения были сделаны в 1979 г. китайским исследователем Чжу Жуйси в статье "О связи восстания Фан Ла с манихейством"³³. По мнению же Ван Цзяньчуаня, вывод о наличии манихейских элементов в движении Фан Ла довольно сомнителен, особенно если учесть тот факт, что оба исследователя — и японский, и китайский, — опирались на один и тот же источник — заметки сунского чиновника Чжуан Чо. Хотя там содержатся довольно подробные сведения о *чицай-шимо*, их ритуалах и верованиях, но этот источник вряд ли является настолько объективным и точным, чтобы на его основе можно было выдвигать подобного рода гипотезы³⁴.

Заметки Чжуана Чо как источник по истории *чицай-шимо* и их отношении к манихейству довольно критически рассмотрены в опубликованном в 1982 г. исследовании Чэнь Гаохуа "Чицай-шимо и манихейство"³⁵. Опираясь на записи чиновника Ван Чжи, в которых *чицай-шимо* описаны довольно подробно, включая их канонические книги, а также на труд буддийского историографа Чжи Паня "Хроники буддийских патриархов" (*Фоцзу тунцзи*), Чэнь Гаохуа отмечает, что *чицай-шимо* позаимствовали многие элементы из доктрины и памятников манихейства, включая "Сутру о двух началах" (*Эр цзунь цзин*)³⁶.

Из этого факта китайский ученый делает вывод о наличии манихейского элемента в учении *чицай-шимо*, который, впрочем, можно поставить под сомнение. Как резонно замечает Ван Цзяньчуань, автор не поясняет, почему именно “Сутра о двух началах” является манихейским произведением, а отделяется заявлением, что это — “общеизвестный факт”, тогда как “Сутра” вполне могла быть сочинением какой-либо секты буддийского толка³⁷.

Другим исследованием, посвященным проблеме проникновения иноземных религий (и манихейства в частности) в Китай до эпохи Тан, стала работа Лю Цуньжэня “Следы зороастризма и манихейства в до-танский период”, опубликованная на китайском языке в 1973 г. и появившаяся на английском в 1976 г.³⁸ Основные положения этого исследования сводятся к тому, что автор 1) опровергает гипотезу Чэнь Юаня о проникновении зороастризма в Китай в VI в. и о том, что эта религия занимала незначительное место в Китае; 2) предлагает новую датировку появления манихейства в Китае, подвергнув старую (время правления У Цзэтянь) критике. Лю Цуньян считает, что коль скоро официальные хроники, повествующие о ряде явно религиозно индоктринированных восстаний V — первой половины VII в., упоминают об участии “майтрея-сект” (“учений о Майтрее” — *млэцзяо*), которые властями нередко смешивались с манихейством, то это может служить основанием для гипотезы о том, что манихеи были движущей силой таких восстаний или как минимум инспирировали их. В целом исследование Лю Цуньяна оценивается некоторыми учеными как довольно спорное, особенно в том, что касается датировки проникновения манихейства в Китай³⁹.

Гипотезу Лю Цуньяна подверг критике Фукуи Фумимаса в статье “О методике Лю Цуньяна в “Следах зороастризма и манихейства в до-танский период””⁴⁰. Японский автор критически оценил метод Лю Цуньяна, в частности, признал сомнительным отождествление секты “Белых одеяний” (Бай и) с манихейством. К критике идей китайского исследователя в 1985 г. присоединился шведский специалист П. Брюдер в своей монографии “Китайская трансформация манихейства: исследования китайской манихейской терминологии”⁴¹. А Ван Цзяньчуань задает справедливый вопрос: почему вообще Лю Цуньян считает, что эти восстания как-то связаны с манихейством? И если это так, то исходили ли они от манихеев изначально, или те включались с какого-то определенного момента? На подобные вопросы ответа пока не получено⁴².

Тема уйгурского манихейства в связи с проникновением этой религии в Китай долгое время оставалась белым пятном, пока, наконец, в 1978 г. исследователь из КНР Гэн Шиминь не опубликовал статью “Начальные сведения о манихейский церковных текстах на уйгурском языке”⁴³. Там на основе анализа обнаруженных в 1954 г. китайским археологом Хуан Вэньби фрагментов манихейских монастырских и храмовых текстов, содержащих описание монастырского хозяйства, предпринята попытка уточнить место манихейства в уйгурском обществе и его влияние на соседний Китай⁴⁴.

В. 70-80-е годы XX в. Наиболее плодотворными в плане изучения уйгурского манихейства и его проникновения в Китай оказались 80-е годы прошлого столетия. В 1981 -- 1988 гг. появилось пять статей китайских авторов, посвященных данной проблеме: работы Ай Шанляня, Линь Ушу, Ян Шэнминя, Чэнь Цзюньмоу и совместное исследование Ян Фусюэ и Ню Жужзи⁴⁵.

По оценкам ряда современных ученых-манихееведов, исследование Ай Шанляня, в целом выдерживая линию Шаванна — Пельо и Чэнь Юаня, не дает новой информации, а, опираясь на уже известные источники, обрисовывает положение манихейства в Уйгурском каганате и при династии Тан⁴⁶. В четырех остальных работах рассматривается проблема обращения уйгуров, в частности одного из правителей — Бёгю-хана (VIII в.), в манихейство и результаты

манихейской проповеди среди них. Все четыре автора сходятся в том, что важную роль в принятии Бёгю-ханом манихейства играл тот факт, что проповедники были согдийцами, т.е. теми, кто являлся важным посредником на Великом Шелковом пути. Ян Шэнминь, кроме того, полагает, что манихейство, попав в достаточно молодой каганат (в отечественной науке датой его образования принято считать 745 г.), должно было занять место отжившего шаманизма, ибо с формированием нового общества требовалась и новая идеология⁴⁷. Ян Фусюэ и Ню Жуцзи, опираясь на фрагменты "Записи об обращении Бегю-кагана", делают вывод о том, что принятие манихейства уйгурским государем было делом его личной симпатии к этой религиозно-философской системе⁴⁸. По Ян Шэнминю, несмотря на сильное сопротивление шаманизма новой вере удалось добиться серьезного прогресса, не без помощи покровительствовавшего ей кагана⁴⁹. Линь Ушу, Чэнь Цзюньмоу и тандем Ян Фусюэ — Ню Жуцзи, наоборот, полагают, что манихейство не просто встречало на своем пути преграды, но даже испытало своего рода гонения (об этом свидетельствует, в частности, запись о преследованиях манихеев со стороны одного из тарканов — министров-советников кагана)⁵⁰.

Идею о гонениях на манихейство у уйгуров высказал еще в 1940 г. японский ученый Тасака Ко:до⁵¹. Современные исследователи считают, однако, что факт конфликта уйгуров с манихеями не стоит преувеличивать, превращая его в гонения: по свидетельствам китайских летописей, манихейство в тот период (вторая половина VIII в.) переживало свой расцвет в каганате⁵².

В публикациях неоднократно упоминавшегося выше китайского специалиста по манихейству Линь Ушу, начавших активно выходить с 1982 г., охватываются проблемы, связанные как с уйгурским манихейством, так и с китайской версией этой религии⁵³. Он впервые ввел в научный оборот ряд материалов по данной тематике и предложил по-новому взглянуть на старые источники⁵⁴. В частности, Линь Ушу критически подходит к выводам своих предшественников в вопросе датировки проникновения манихейства в Китай, обнаружив в источнике, на который опирались как Шаванн и Пельо, так и Чэнь Юань, текстологическую ошибку⁵⁵.

Западные и китайские исследователи оценивают работы Линь Ушу весьма противоречиво. Например, П. Брюдер называет его выдающимся представителем нового китайского течения в современном манихееведении⁵⁶. Однако тайванец Ван Цзяньчуань резонно замечает определенную зависимость выводов Линь Ушу от работ как "восточного блока" исследователей, в частности, Лю Цуньяня, Тасака Ко:до, Сигэмацу Тосиаки, Тикуса Масааки, Чэнь Гаохуа, Исида Микиносукэ, так и западных ученых — М. Бойс, Г. Халоуна, В.Б. Хеннинга⁵⁷. Впрочем, Ван признает за Линь Ушу и оригинальные исследования, в том числе те, что связаны с идентификацией обнаруженных в Дуньхуане манихейских фрагментов⁵⁸.

Предельно схематизируя, ядро исследований Линь Ушу можно свести к постановке следующих трех вопросов: 1. Кем и когда была написана (вернее — фальсифицирована) манихейская вставка в найденный в Дуньхуане текст *Лао-цзы хуаху цзин* и какова его связь с сунским "учением Света"? 2. Каков характер сунского *минцзяо*? 3. Каковы даты написания трех обнаруженных в Дуньхуане манихейских текстов и их характер?

Отвечая на первый из этих вопросов, Линь Ушу отвергает установленные Шаванном и Пельо временные границы написания текста *Лао-цзы хуаху цзина* (начало VIII в.), а также гипотезу Фукуи Кодзюна о датировке манихейской вставки временем правления танского Сюань-цзуна (712 — 755 гг.) и считает, что манихейский фрагмент был уже в предшествующих редакциях текста. Что же касается предполагаемого автора всего текста, то он, по мнению

Линь Ушу, был скорее всего даосом (а не “камуфлирующимся” под даоса манихеем, как считал Чэнь Юань). Буддийскую лексику он использовал для придания большего веса своему труду, а превращение Лао-цзы в Мани (в дуньхуанской версии и в “Кратком изложении вероучения и обрядов Мани, Будды Света”) было делом рук манихеев более позднего периода⁵⁹. С этой точкой зрения не согласны некоторые современные исследователи, считающие, в частности, что датировка текста “Сутры” до-танским периодом не вполне обоснованна⁶⁰.

Что касается идентификации сунского “учения Света” с манихейством, то Линь Ушу в общем согласен с этой концепцией⁶¹, хотя и полагает, что между танским манихейством и сунским *минцзяо* имеются существенные отличия. Их он усматривает в а) степени даосского влияния (в случае с *минцзяо* большей), б) связи с крестьянскими повстанческими движениями⁶². В результате гонений внутри манихейства произошел раскол. Высшее духовенство, бежав в уединенные места, со временем создало монастырскую систему, которая практически не оказывала никакого влияния на религиозную жизнь Китая, тогда как низшие слои верующих, “лаики”, стали активно вливаться в крестьянские движения. Гипотеза эта, впрочем, некоторыми учеными оспаривается⁶³.

Наиболее оригинальными Ван Цзяньчуань и другие специалисты, как уже отмечалось, признают выводы Линь Ушу по поводу датировки написания обнаруженных в Дуньхуане манихейских текстов и их характера⁶⁴. Так, Линь Ушу выдвигает идею о том, что текст, известный как “Трактат Пельо”, написан в период правления императрицы У Цзэтянь и, скорее всего, представлял собой вольное переложение одной из семи канонических манихейских книг, а именно “Прагматейа” (греч. Πραγματεια — букв. “трактат, труд”), упоминающейся в тексте “Краткого изложения вероучения и обрядов Мани, Будды света” как *Боцзямадие* (т.е. собственно “Прагматейа”), или “Канон изъяснения и доказательства прошлых воплощений” (*Чжэньмин гоцью цзяоцзин*)⁶⁵. Китайский исследователь, сопоставив текст “Гимнов” с опубликованными Мэри Бойс в 60-х годах парфянскими манихейскими гимнами, пришел к выводу, что “Сябу цзань” вполне могут быть переводом на китайский парфянского “Хувидагмана” (Huwidagman), датировка которого колеблется между 786 и 842 гг.⁶⁶

Изучая текст “Краткого изложения вероучения и обрядов Мани, Будды Света”, Линь Ушу сопоставил фрагменты Стейна (MS Stein № 3969) и Пельо (Collection Pelliot № 3884) и вслед за Исида Микиносукэ, Полем Пельо и Ло Чжэньюем пришел к выводу об их принадлежности к одному произведению (стейновский фрагмент — начало, фрагмент Пельо — продолжение)⁶⁷. Он также подверг сомнению написанное в подзаголовке указанного текста сообщение о том, что манихейский епископ получил повеление от императора сделать перевод данного произведения на китайский язык⁶⁸. Вряд ли танский император Сюань-цзун мог отдать такой приказ; скорее всего, чтобы разобраться в сути нового вероучения, он повелел сделать краткую выкладку основных доктринальных положений. Анализируя текст “Краткого изложения...”, исследователь отмечает, что предполагаемый автор всячески старался угодить вкусам августейшего “заказчика”. Вывод, сделанный Линь Ушу, таков: “Краткое изложения вероучения и обрядов Мани, Будды Света” — не перевод с парфянского, а самостоятельное произведение, написанное по-китайски, причем демонстрирующее авторский личный стиль⁶⁹.

Линь Ушу считает, что автор “Краткого изложения...”, учитывая господствующие позиции буддизма и даосизма, попытался показать соответствие манихейства двум идейным “столпам”, для чего прибегнул к кон-

цепции “единства [учений] трех совершенномудрых” (*сань шэн тунъи*), заявив в тексте, что манихейство, учение Будды Шакьямуни и учение Лао-цзы суть единое и нераздельное целое⁷⁰.

С конца 70-х гг. XX в. начинается подъем интереса к китайскому манихейству и на Западе. Наиболее видным западным исследователем данной проблематики является английский исследователь китайского происхождения Сэмюэл Н.Ц. Лю (Лю Наньцян). Занимаясь проблемами позднеантичной истории и контактов поздней Римской империи с Востоком, Сэмюэл Лю посвятил несколько статей и монографий также феномену манихейства в Китае⁷¹.

Наиболее характерными в плане методологии и гипотез являются две его монографии: “Религия Света: введение в историю манихейства в Китае” (Гонконг, 1979) и “Манихейство в поздней Римской империи и в средневековом Китае: исторический очерк” (Манчестер, 1985). В первой из них Сэмюэл Лю выдвигает три концепции. Во-первых, проанализировав согдийскую переписку, Лю приходит к выводу, что до появления степных народов Согдиана была торговой артерией, важным связующим звеном в торговле с Китаем. Степняки перерезали эту артерию, взяв на себя прерогативы хозяев Великого пути, отеснили согдийцев, и, следовательно, манихейские священники никак не могли сопровождать торговые караваны, а значит, и попасть в Китай именно данным путем⁷². Во-вторых, поименование сунского манихейства “учением Света” было превентивной мерой, направленной на предотвращение недовольства китайцев названием *минцзяо* (где имя *Мони*, т.е. Мани, часто передавалось — особенно в конфуцианской литературе — сочетанием знаков “демон-монахиня” и, разумеется, вызывало самую негативную реакцию). В то же время переименование учения знаменовало определенную ступень китаизации манихейства⁷³. В-третьих, обнаруженная У Вэньляном манихейская стела с надписью подтверждает идентичность упоминаемой в “Записках Марко Поло” фуцзяньской секты религии Света [=манихейству] (*минцзяо*)⁷⁴.

С середины 80-х гг. прошлого столетия появился ряд статей, посвященных исследованию манихейства в пров. Фуцзянь. Так, в статье Чжуан Вэйцзи “Начальное исследование манихейства в Цюаньчжоу”⁷⁵ рассматриваются корни цюаньчжоуского манихейства и условия его существования. Исходя из фактов активного торгового морского обмена в Фуцзяни в танский период и наличия манихейского храма на холме Хуабяо, Чжуан Вэйцзи сделал вывод, что в Цюаньчжоу манихейство могло прийти морским путем⁷⁶. В 1985 г. Хуан Шичунь в статье “Обнаруженная в цзиньцзянском храме в Фуцзяни черная глазурованная тарелка [с надписью] “Общество учения Света”” предположил, что данный предмет имеет непосредственное отношение к столовым приборам манихеев сунского периода. Следовательно, цзиньцзянский храм мог быть цитаделью (*цзюйдянь*) последователей *минцзяо* в эпоху Сун. Коль скоро у них была целая мастерская по изготовлению посуды, по всей видимости, их было немало⁷⁷. Чэнь Чанчэн в статье “Манихейская стела с надписью, обнаруженная в Ханьцзяне, Фуцзянь” (1988) сообщил об обнаруженной в июне того же года каменной стеле с текстом: “Чистый Свет, всемогущая мудрость, непревзойденная совершенная истинность, Мани — Будда Света” (*Цинцзин гуанмин, дали чжихуй, ушан чжичжэнь, Мони Гуанфо*). Чэнь Чанчэн предположил, что стела изготовлена не раньше 1315 г. и не позднее 1369.⁷⁸

Г. 90-е годы XX в. — настоящее время. Из работ, появившихся в 90-е годы, в первую очередь следует отметить монографию Ван Цзяньчуаня “От манихейства к учению Света”. Автор не только дает критический обзор предшествующих исследований, но и предлагает по-новому взглянуть на уйгурское манихейство, его влияние на проникновение этой религии в Китай, период гонений на нее в Китае, связь манихейства с повстан-

ческими движениями, отношение к нему текста *Лаоцзы хуаху цзина*, положение данного учения при династиях Юань и Мин; поднимается также вопрос об адаптации манихейства в Поднебесной⁹⁰.

Сэмюэл Лю в 1998 г. издал собрание своих статей о китайском и центральноазиатском манихействе под заглавием "Манихейство в Центральной Азии и Китае", куда помимо уже публиковавшихся работ вошли исторический очерк изучения манихейства на Великом шелковом пути — Турфанские экспедиции, находки в Дуньхуане, статьи по манихейской архитектуре в Алчи (деревня в Северных Гималаях) — и в Фуцзяни, а также рабочий каталог опубликованных манихейских рукописей⁹¹.

В КНР в 1992 г. была опубликована капитальная (почти полторы тысячи страниц) работа религиоведов Ма Сиша и Хань Бинфана "История китайских народных религий", в которой манихейству посвящено более 70 страниц. В целом авторы разделяют позицию Линь Ушу, в частности в том, что касается времени проникновения в Китай этого религиозно-философского учения и его последующего влияния на народные религии⁹². В 1997 г. переиздан (в дополненном варианте) сборник статей Линь Ушу "Манихейство и его распространение на Восток". Туда дополнительно включены издания трех основных манихейских памятников с подробным текстологическим анализом, учитывающим последние исследования как китайского манихейства, так и восточных (согдийские, парфянские, коптские тексты) и западных версий этого учения⁹³. Кроме того, в 90-е годы вышли статья Юй Ваньли по хронологии манихейских китайских текстов, историко-культурологический обзор Гун Фанчжэня, а также цикл статей Жуй Чуаньмина и Ма Сяохэ⁹⁴.

Помимо упомянутых работ о китайском манихействе написано множество энциклопедических статей, перечисление которых излишне, так поскольку найти их не представляет труда (особенно после выхода в 1997 г. "Полной библиографии по манихейству до 1996 г." Г. Миккельсона⁹⁵ и с учетом возможностей сети Интернет). Назовем лишь весьма интересную работу Х. Зайверта и Ма Сиша "Народные религиозные движения и еретические секты в китайской истории", вышедшую в нидерландском издательстве "Brill Academic Publishers" (2003). В монографии уделено внимание проблемам истории манихейства в Китае, датировки его проникновения, места в социуме и влияния на народные секты⁹⁶.

В конце XX в. стал заметен отход от обобщающих исследований китайского манихейства и повышение интереса к изучению терминологических параллелей, к разработке новых источников, к компаративистским исследованиям, в которых сопоставляются китайские версии манихейства и его центральноазиатские и западные (преимущественно эллинизированные) варианты.

В концептуальном и методологическом плане изыскания, осуществляемые учеными КНР, с одной стороны, и специалистами за пределами материкового Китая, с другой, отчетливо дифференцируются. Однако по сравнению с предыдущим этапом наблюдается меньшая разобщенность исследователей, особенно с учреждением в 1990 г. Международной ассоциации манихейских исследований (International Association of Manichean Studies, IAMS) и появлением журнала по данной дисциплине (Manichean Studies Newsletter).

В России единственное целостное и достаточно информативное для неспециализированной публикации описание манихейства в Китае, отношений официальных китайских властей к учению Мани с учетом достижений европейских и китайских исследователей представлено в написанной В.В. Малявиным главе "Духовная культура" в коллективной монографии "Китайский этнос в средние века (VII—XIII)" (1984)⁹⁷. Специального исследования, посвященного китайскому манихейству, пока не появилось. Однако научная актуальность те-

мы и накопленный зарубежными учеными опыт ее разработки позволяют рассчитывать и на успехи отечественной науки в данном направлении религиозно-ведческих и культурологических исследований.

1. Haloun G., Henning W.B. The Compendium of the Doctrines and Styles of the Teaching of Mani, the Buddha of Light // *Asia Major*. N.S. 1952. III. P. 189.
2. Chavannes E., Pelliot P. Un traite manicheen retrouvй en Chine // *Journal Asiatique*. 1911. P. 503; 1913. P. 105; Giles L. Six Centuries at Tunhuang. L., 1944. P. 11; *Линь Ушу*. Моницзяо цзи ци дун цзянь (Манихейство и его распространение на Востоке). Тайбэй, 1997. С. 233.
3. Chavannes E., Pelliot P. *Op. cit.* P. 504; *Линь Ушу*. Указ. соч. С. 235.
4. Waldschmidt E., Lentz W. A Chinese Manichean Hymnal from Tunhuang. Preliminary Note // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1926. P. 8; Tsui Chi. Mo Ni Chiao Hsia Pu Tsan // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 1943. XI. P.174—219; Henning W.B. A fragment of the Manichaeen hymn-cycle in Old-Turkish // *Asia Major*. New Series. 1959. VII. P. 122—124; Morano E. The Sogdian Hymns of Stellung Jesu // *East and West*. New Series. 1982. Vol. 32, № № 1—4. P. 9—44; *Линь Ушу*. Мони цзяо “Сябу цзянь” хань и няндай чжи во цзянь [Моя точка зрения на датировку перевода манихеских “Гимнов второй половины” на китайский язык]// *Вэнь ши* 1984. № 22. 1984. С. 91—96 (переизд.: *Линь Ушу*. Моницзяо цзи ци дун цзянь [Манихейство и его распространение на Востоке]) Тайбэй, 1997. С. 227—238; Bryder P. The Chinese Transformation of Manichaeism: A Study of Chinese Manichaeen Terminology. Lund. 1985; Schmidt-Glitzner H. Die chinesischen Manichaica. Wiesbaden. 1987; *Линь Ушу*. Указ. соч. С. 236—237.
5. Ван Цзяньчуань. Цун Мони цзяо дао минцзяо [От манихейства к религии света] Тайбэй. 1991. С. 3.
6. Там же.
7. Более подробно см.: Lieu S.N.C. *Manichaeism in the Later Roman Empire and Medieval China*. A Historical Survey. Manchester, 1985. P. 214.
8. Ханэда Тору. Пэруся кё дзан кё: ни цуйтэ [О фрагменте трактата персидского учения] // Ханэда хакуси сигаку ромбунсю: (Собрание статей по историографии д-ра Ханэда). Ч. 2. Киото, 1983. С. 215—216, 230—234.
9. Chavannes E., Pelliot P. *Op. cit.* 1911; Chavannes E., Pelliot P. Le Manicheisme en Chine // *Journal Asiatique*. 1913. P. 261—394.
10. Ван Говэй. Моницзяо люсин Чжунго као [Исследование распространения манихейства в Китае] // Ван Гуаньтан сяньшэн цюань цзи [Полное собрание сочинение доктора Ван Гуаньтана]. Тайбэй, 1968. С. 1291.
11. Там же.
12. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 10.
13. Чэнь Юань. Моницзяо жу Чжунго као [Исследование проникновения манихейства в Китай] // Госюэ цикань. 1923. № 1/ 2. С. 203—239 (репринт: Чэнь Юань сюэшу луньвэньцзи [Собрание статей Чэнь Юаня по истории]. Т. I. Пекин, 1980. С. 329—374).
14. Pelliot P. Les traditions manicheennes au Fou-Kien xМанихейские традиции в Фуцзянь // T'oung Pao. 1923. XXII. 1923. P. 193—208.
15. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 9.
16. Сигэмацу Тосиаки (Сюнсё). То:Со: дзидай-но Маникё то Макё мондай [К вопросу о манихействе и религии демонов при династиях Тан и Сун]// *Сизэн*. 1936. XII. С. 85—143.
17. Там же. С. 97—98.
18. Моу Жуньсунь. Сундай Моницзяо [Манихейство сунского периода] // *Фужэнь сюэчжи*. 1938. VII (1, 2). С. 125—146 (репринт: Сунши яньцзю цзи [Собрание исследований по сунской истории]. Т. I. Тайбэй. С. 79—100).
19. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 21; Lieu S.N.C. *Op. cit.* P. 226, 228—236.
20. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 21.
21. У Хань. Минцзяо юй да Мин диго [Манихейство и империя Великая Мин] // *Цинхуа сюэбао*. 1941. XIII. С. 49—85 (репринт: Души чжацзи [Антология материалов для чтения по истории]. Пекин, 1956. С. 235—270).

22. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 22—23.
23. См., напр.: Там же. С. 23; *Lieu S.N.C.* Op. cit. P. 260—261; *Линь Ушу*. Указ. соч. С. 166—179.
24. *Olschki L.* Manichaeism, Buddhism and Christianity in Marco Polo's China // *Zeitschrift der schweizerischen Gesellschaft fur Asienkunde*. 1951. V. P. 1—21.
25. Чжуан Вэйцзи. Тань цзуйцзинь фасяньдэ Цюаньчжоу Чжунвай цзэотундэ шицзи [Поговорим о недавно обнаруженных в Цюаньчжоу исторических следах китайско-иностранной коммуникации] // *Каогу тунсюнь*. 1956. III. С. 43—48.
26. У Вэньлянь. Цюаньчжоу цзунцзяо шикэ [Религиозные надписи на камне в Цюаньчжоу]. Пекин. 1957.
27. *Линь Ушу*. Цюаньчжоу “моницзяо мубэй ши” вэй цзинцзяо мубэй ши бянь [Дискуссия о том, что обнаруженный в Цюаньчжоу “манихейский надгробный камень с надписью” является несторианским] // *Вэнь у*. 1988. № 8. С. 82—85; Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 25.
28. Там же. С. 24—25.
29. Син Юэ. Сундай минцзяо юй нунминь ции [Манихейство сунского периода и крестьянские восстания] // *Лиши цзяосюэ*. 1959. VI. С. 41—42.
30. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 27.
31. *Тихуса Масааки*. Кицусайдзима-ни цуйтэ (О *чицай-шимо*) // Аояма хакуси коки кинэн Со:дайси ронсо: [Сборник статей по истории сунского периода в честь 70-летия д-ра Аояма]. Токио, 1974. С. 239—262.
32. Он же. Хо: Ро: но ран то кицусадзима [Восстание Фан Ла и *чицай-шим*] // *То:ёси кэю*. 1973—1974. XXXII, 4. С. 455—477.
33. Чжу Жуйси. Лунь Фан Ла ции юй моницзяо дэ гуаньси [О связи восстания Фан Ла с манихейством] // *Лиши яньцзю*. 1979. № 9. С. 67—84.
34. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 29.
35. Чэнь Гаохуа. Чицай-шимо юй моницзяо [*Чицай-шимо* и манихейство] // *Чжунго нунминь чжаньчжэн шилунь цун* [Собрание статей по истории китайских крестьянских войн]. Хайнань, 1982. Вып. 4. С. 97—106.
36. Там же. С. 103.
37. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 30.
38. Лю Цуньжэнь. Моницзяо хэ хосяньцзяо цзай Тан ицянь жу Чжунго дэ синь каочжэн [Новые исследования манихейства и зороастризма в до-танском Китае] // *Минбао*. 1973. № 12. С. 72—76; *Liu Ts'un-yun*. Traces of Zoroastrian and Manichean Activities in Pre-Tang China // *Selected Papers from Hall of Harmonious Wind*. Leiden, 1976. P. 3—55.
39. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 31—34.
40. Фукуи Фумимаса. Рюсондзин “То: идзэн-но сороасутакэ то маннике-но кацудо:-но кэйсэки”-ни цуйтэ-но хо:хо:рон [О методике Лю Цуньяна в “Следах зороастризма и манихейства в до-танский период”] // *Икэда Суэтоси хакуси коки кинэн То:ё: гаку ронсю*: [Сборник статей по востоковедению в честь 70-летия д-ра Икэда Суэтоси]. Токио, 1977. С. 771—785.
41. *Bryder P.* The Chinese Transformation of Manichaeism: A Study of Chinese Manichaeism Terminology. Lund, 1985. P. 2.
42. Ван Цзяньчуань. Указ. соч. С. 34—35.
43. Гэн Шиминь. Хуэйгувэнь моницзяо сыюань вэньшу чуши [Начальные сведения о манихейский церковных текстах на уйгурском языке] // *Каогу сюэбао*. 1978, № 4. С. 497—516.
44. Там же. С. 497, 498, 505—509.
45. Ай Шанлянь. Шилунь Моницзяо юй Хуэйгу дэ гуаньси цзи та цзай Танчао дэ фацжань [О связи манихейства с уйгурами и о его развитии при танской династии] // *Сибэй шиди*. 1981, № 1. С. 34—40; *Линь Ушу*. Хуэйгу фэн Моницзяо дэ шэхуэй лиши гэньюань [Социально-исторические корни принятия уйгурами манихейства] // *Шицзе цзунцзяо яньцзю*. 1985. № 1. С. 87—99; *Ян Шэнминь*. Шилунь Хуэйгу цзунцзяо сысян дэ яньбянь юй гайцзун моницзяо [О трансформации религиозной идеологии уйгуров и о проповеди манихейства] // *Сибэй шиди*. 1985. № 3. С. 73—79; Чэнь Цзюньмоу. Шилунь моницзяо цзай Хуэйгу чжун дэ чуаньбо цзи ци инсян [О распространении манихейства среди уйгуров и о его влиянии] // *Чжунъян миньцзю*

- сюэюань сюэбао. 1986. № 1. С. 37—42; Ян Фусюэ, Ню Жуцзи. Моуоу кэхань юй мо-
ницзяо [Бёгю-хан и манихейство] // Дуньхуансюэ цзикань. 1987. № 2. С. 86—93.
46. Ван Цзяньчунань. Указ. соч. С. 36.
47. Ян Шэнминь. Указ. соч. С. 77.
48. Ян Фусюэ, Ню Жуцзи. Указ. соч. С. 89.
49. Ян Шэнминь. Указ. соч. С. 79.
50. Линь Ушу. Сун-Юань шидай Чжунго дуннань яньхайдэ сыюаньши монницзяо
[Манихейство монашеского типа на юго-восточном побережье Китая в периоды
правления династий Сун и Юань] // Шицзе цзунцзяо яньцзю. 1985. № 3. С. 95—97;
Чэнь Цзюньмоу. Указ. соч. С. 39; Ян Фусюэ, Ню Жуцзи. Указ. соч. С. 90.
51. Тасака Ко:до. Уйгуру-ни окэру Маникё хакугай ундо [О гонениях на манихейство у
уйгуров] // То:хо: гакухо. Токио, 1940. № 11. С. 223—232.
52. Ван Цзяньчунань. Указ. соч. С. 38.
53. Большинство работ Линь Ушу, вышедших в 80-е годы XX в., изданы в его же сбор-
нике в 1987 г., переизданном с дополнениями в 1997 г. (см. сноску 2, а также пассаж,
предшествующий сноске 82).
54. Ван Цзяньчунань. Указ. соч. С. 40.
55. Линь Ушу. Монницзяо цзи ци дун цзянь. С. 93—95. Это мнение Линь Ушу некоторы-
ми исследователями оспаривается. См. напр: Ван Цзяньчунань. Указ. соч. 1991. С. 39.
56. Bryder P. Op. cit. P. 17—19.
57. Ван Цзяньчунань. Указ. соч. С. 50.
58. Там же. С. 51.
59. Линь Ушу. Монницзяо цзи ци дун цзянь. С. 77—81.
60. Ван Цзяньчунань. Указ. соч. С. 52.
61. См.: Кубо Норитада. Со:дай-ни окэру докё то маникё [Даосизм и манихейство во
времена династии Сун] // Вада хакуси коки кинэн то:ёси ронсо: ([борник статей по
востоковедению в честь 70-летия д-ра Вада]. Токио, 1961. С. 361—371.
62. Линь Ушу. Монницзяо цзи ци дун цзянь. С. 150.
63. Ван Цзяньчунань. Указ. соч. С. 53.
64. Там же. Указ. соч. С. 54.
65. Линь Ушу. Монницзяо цзи ци дун цзянь. С. 211—226.
66. Там же. С. 227—238
67. Там же. С. 198—203. .
68. “В восьмой день шестого месяца девятнадцатого года правления под девизом Кай-
юань благочестивый епископ получил высочайшее повеление сделать перевод [сего
произведения] в Павильоне Собрании мудрецов” [Краткос изложение... перевод по:
Schmidt-Glantz 1987. P. 69 (нем. перев.) и см. Приложение К79 (воспроизведение
текста); см. также: Линь Ушу. Монницзяо цзи ци дун цзянь. С. 283].
69. Линь Ушу. Монницзяо цзи ци дун цзянь. С. 189—197.
70. Там же. С. 204—210.
71. См.: A Lapsed Chinese Manichean Correspondence with a Confucian office in the late
Sung Dynasty (1264): a study of the Ch'ung-shou-kung chi by Huang Chen // Bulletin
of the John Ryland's University Library of Manchester. 1977. LXI/2. P. 397—425; Po-
lemics against Manichaeism as Subversive Cult in Sung China // Ibid. 1979. LXII. 1979.
P. 151—167; The Religion of Light: an Introduction to the History of Manichaeism in
China. Hong Kong, 1979; Nestorians and Manicheans on the South China Coast // *Vigiliae Christianae*. 1980. XXXIV. P. 71—88; Manichaeism in the Later Roman Empire
and Medieval China: a Historical Survey. Manchester, 1985 etc. Более подробно см:
Линь Ушу. Монницзяо цзи ци дун цзянь. С. 377—378; также: Mikkelsen G. Bibliog-
raphia manichaica: A Comprehensive Bibliography of Manichaeism through 1996.
Turnhout, 1997.
72. Lieu S.N.C. The Religion of Light: an Introduction to the History of Manichaeism in
China. Hong Kong, 1979. P. 14—15.
73. Ibid. P. 27.
74. Ibid. P. 33.
75. Чжуан Вэйцзи. Цюаньчжоу монницзяо чутань [Начальное исследование манихейства
в Цюаньчжоу] // Шицзе цзунцзяо яньцзю. 1983. № 3. С. 77—82.

76. Там же. С. 78—79. Эта гипотеза сразу вызвала критику со стороны Линь Ушу, а также Сэмюэла Лю (*Линь Ушу*. Моницзяо цзи ци дун цзянь. С. 141—155; *Lieu S.N.C. Manichaeism in the Later Roman Empire...* P. 257).
77. *Хуан Шичунь*. Фуцзянь Цзиньцзян цаоань фасянь “минцзяо хуй” хэй ю вань [Обнаруженная в цзиньцзянском храме в Фуцзяни черная глазурованная тарелка (с надписью) “Общество учения Света”] // Хайцзяо ши яньцзяо. 1985. № 1. С. 73.
78. *Чэнь Чанчэн*. Фуцзянь Ханьцзян фасянь моницзяо бэйкэ [Манихейская стела с надписью, обнаруженная в Ханьцзяне, Фуцзянь] // Хайцзяо ши яньцзяо. 1988, № 2. С. 117—118.
79. *Ван Цзяньчуань*. Указ. соч.
80. *Lieu S.N.C. Manichaeism in Central Asia and China*. Leiden, 1998.
81. *Ма Сиша, Хань Бинфан*. Чжунго миньцзянь цзунцзяо ши [История китайских народных религий]. Шанхай, 1992. С. 70—102.
82. *Линь Ушу*. Моницзяо цзи ци дун цзянь.
83. *Юй Ваньли*. Дуньхуан моницзяо “Сябу цзань” себэнь няньдай синь тань [Новое исследование даты написания дуньхуанских манихейских “Гимнов”] // Дуньхуан Тулуфань яньцзяо. 1995. № 1; *Гун Фанчжэнь*. Моницзяо чуаньжу содайлай дэ Илан вэньхуа [Иранская культура, привнесенная с распространением манихейства] // Ячжоу вэньмин. 1995. № 3; *Жуй Чуаньмин*. Тандай моницзяо чуаньбо гочэн бяньси [Анализ процесса распространения манихейства в эпоху Тан] // Шилинь. 1998. № 3; *Лунь Сундай Цзяннань* “чицай-шимо” синьян [О верованиях цзяннаньских *чицай-шимо* эпохи Сун] // Там же. 1999. № 3; Моницзяо “фосин” таньтао [Исследование термина “природа Будды” в манихействе] // Чжунхуа вэньши луньцун. 1999. № 59; Моницзяо вэньсянь соцзянь “чуань” юй “чуаньчжу” каоши [Филологический анализ обнаруженных в манихейской литературе [терминов] “корабль” и “кормчий”] // Оуя сюэ кань. 1999. № 1; *Ма Сяохэ*. Мони гуанфо као [Исследование [термина] “Мани, Будда Света”] // Шилинь. 1999. № 1; Моницзяо, цзидуцзяо, фоцзяо дэ “даи ван” яньцзяо [Исследование термина “князь великого врачевства” в манихействе, христианстве и буддизме] // Оуя сюэ кань. 1999. № 1; Моницзяо цзунцзяо фухао дэ “дафа яо” яньцзяо [Исследование понятия “врачевство великого закона” в манихействе] // Дуньхуан Тулуфань яньцзяо. 1999. № 4; Моницзяо цзунцзяо фухао дэ “мяо и” яньцзяо [Исследование понятия “чудесные ризы” в манихействе] // Чжунхуа вэньши луньцун, 1999. № 59; а также в соавторстве с Жуй Чуаньмином — Моницзяо “чаобай жи е бай юэ” яньцзяо [Исследование манихейского [термина] “воздавать почести солнцу, а ночью почитать луну”] // Сюэшу цзилинь, 1999. № № 15, 16.
84. *Mikkelsen G.* Op. cit.
85. *Seiwert H.M.* Popular Religious Movements and Heterodox Sects in Chinese History. Leiden, 2003. P. 153, 167, 189—190, 192, 195—196, 210.
86. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII—XIII). М., 1984. С. 183—184.

Памятные места Китая

Под сенью древних храмов (заметки о современной духовной жизни китайцев)

© 2007

В. Кузнецов

Эти ощущения похожи на встречу со старым знакомым, которого давно не видел. Он, понятно, изменился. Время дает о себе знать. Другим предстает и Пекин, где я не был несколько лет. Только он не постарел, а наоборот, стал более современным. Тон задают новые высотные дома, на которых пестрят разноязычные названия банков, фирм и отелей.

Город растет и ввысь и вширь. К гостинице "Саньюань цзиньань", где я жил, вплотную примыкает каменная стена минских времен, которая ограждала некогда столицу. А теперь за этой стеной не знающая передышки от транспорта кольцевая дорога отделяет былую престольную от массива высотных построек. Они наступают на старый Пекин, однако олицетворением его обыденной жизни все-таки был и остается хутун, переулок.

Хутун — сколок старого традиционного Китая. В нем отражение повседневного быта, психологии рядового обитателя столицы, которому не доступно современное комфортабельное жилье. Хутун еще держится: куда девать его обитателей? Это не то, что старые городские арки, которые некогда украшали Пекин. В отличие от бытовых построек они не имели утилитарной значимости, к тому же занимали много места и не соответствовали духу времени. Поэтому они были снесены в годы приснопамятной "культурной революции", как напоминание о старом феодальном Китае.

Изображения их можно видеть в залах музея Сюй Бэйхуна, где выставлены полотна этого яркого и самобытного художника. Учеба во Франции не оторвала его от традиций китайской живописи. Сюда привела меня передача по местному телевидению с участием вдовы Сюй Бэйхуна. Захотелось посмотреть оригиналы, а не копии. Палитра его впечатляет. Как сейчас вижу дымчато-зеленоватый глаз тигра. За кажущимся безмятежным равнодушием — напряженное выжидание... Не учуял ли он мудреца Лао-цзы, что восседает на быке, не ведая о соседстве с тигром? Их разделяет лишь пространство между полотнами на стене.

Так же соседствует хутун с массивами современных зданий.

Хутун сосуществует с ними и в отличие от них более открыт постороннему взгляду. Жизнь здесь предстает простой и безыскусной. Вот хутун, что в

нескольких десятках метров от величественной гостиницы, с другой стороны он соседствует со станцией метро “Цзяньго мэнь”. Поблизости проходит центральная городская магистраль Чанъяньцзе.

По обе стороны немощенного проезда лепятся друг к другу мастерские (в окне одной из них объявление “Требуются подсобные работники”), лавочки, заполненные всякой всячиной. На углу впритык к одной из них пристроился лоточник с фруктами. Тянет запахом кипящего масла: рядом в небольшом строении жарят лепешки. Другие заведения привлекают внимание своими вывесками, предлагая блюда на разный вкус: “Сычуаньская кухня”, “Мусульманская еда”, “Вегетарианская пища”, “Пельменная”. Прислуга, стоя у входа в заведение, приглашает зайти. Пестрит в глазах от перечня блюд и цен на щитах у входа в харчевни. В них жив местный колорит и в традиционном оформлении, и в приготовлении пищи.

Что и как готовят — об этом можно составить представление и не заходя в помещение. Вот несколько молодежков прямо на улице чистят овощи. А недалеко при тебе жарят на раскаленном масле лепешки. Берут их с пылу — жару.

Хутун — хранитель народных верований и представлений. Наглядное свидетельство тому — двери и окна жилищ. За дверями строений, в сумеречности проходов — своя, недоступная чужим жизнь. Технический прогресс, открытость новшествам извне — это все там, за пределами извечного уклада жизни.

На стенах и оградах хутуна расклеены разного рода уведомления и распоряжения, фотографии отличников по охране общественного порядка.

А вот на дверях жилых строений покой их обитателей стерегут цветистые обереги — заклинания или изображения двух стражей ворот. Но, хранители дома все же не всемогущи. Они не могут уберечь постройку от разрушения. На продырявившуюся крышу брошен кусок толя. Для надежности, чтобы не унесло ветром, сверху положен камень, который напоминает о проказах нечисти, которые пресекали стражи ворот. Это исторические личности. Как гласит легенда, танский государь Тай-цзун однажды проснулся от шума. За стенами его опочивальни кто-то швырял кирпичи и черепицу, и слышались голоса чертей и духов. Его величество и все близкие переполошились. Известили царедворцев. Воевода Цинь Шубао выступил вперед и обратился к государю с такими словами: “Ваш слуга всю свою жизнь запросто убивал людей, как если бы он разрубал тыкву, и валил трупы, как муравьев. Чего же мне бояться нечисти? Дозвольте Вашему слуге вместе с Юй Цзиндэ вооружиться и стоять на страже”. Государь разрешил, и всю ночь нечисть его не тревожила. Довольный, он по утру изрек: “Эти два человека всю ночь бдили, не спавши”. Тайцзун приказал живописцу нарисовать два изображения этих людей в полном вооружении: в руках у них секиры, украшенные драгоценными камнями, на поясе колчаны и лук, хлысты, цепи. Эти картины были наклеены на дверях дворца справа и слева, и злые духи, говорят, угомонились. Со временем победители чертей Цинь и Юй стали божествами дверей. Прошли века, но и сейчас в Пекине на воротах жилищ красуются божества—привратники Цинь и Юй.

Под их негласным надзором разгуливает малец с прорезами на штанах спереди и сзади для надежности: доверия он не вызывает. Женщины, собравшись кучкой, судачат о чем-то. В закоулке сбор вторичного сырья: взвешивают металлические банки, увязывают картон от коробок.

Жизнь заставляет быть рачительными. Этого требует и экология. Далеко не все, однако, сознают это. С учетом данного обстоятельства соответствующие учреждения пытаются воздействовать на несознательных. В занимаемом мною номере отеля “Саньюань цзиньянь” на тумбочке в изголовье кровати лежат две карточки. Они уведомляют, что в интересах экологии важно экономить воду. Поэтому обращаются к гостю с просьбой положить на кровать одну

из этих карточек, если есть потребность сменить постельное белье. Не припомню, чтобы во время моих прежних приездов в отелях встречались подобные уведомления. Одними ими вряд ли решить экологические проблемы. Потоки автомашин на улицах, конечно же, не облегчают их. В отличие от хутонов на улицах интенсивное движение транспорта, и сопутствующие ему пробки. От заторов не спасают и развязки.

Автомобиль не вытеснил рикш. Приноравливаясь к техническому прогрессу, они с велосипедов пересели на мотоциклы. Приспособили к ним такие фургончики. Правда, ездить на таком виде транспорта, особенно на дальнее расстояние, знакомые мне не рекомендовали — не безопасно. Можно воспользоваться такси (за рулем нередко женщина-водитель, неизменно в белых перчатках, как и официанты в ресторанах), автобусом или метро. На его станциях похвальная чистота, под ноги не попадают жестянки из-под пива или бутылки. На стенах и стеклах вагонов не увидишь наклеек и плакатов, объявлений и автографов одуревших от вседозволенности типов.

Поездки в общественном транспорте наводят на мысль, что конфуцианская этика традиционного Китая, исходным постулатом которой было уважение к старшим, лишь на страницах литературы и в мемуарах. Пожилые стоят, молодые сидят. Это — обычное явление в общественном транспорте. Впрочем, без внимания остаются не только лица в возрасте. Кто-то в вагоне метро попробовал было убедить вольготно рассеявшегося парня уступить место стоявшей беременной женщине. На это последовал ответ: “Пусть ее муж заработает деньги на такси”.

Открытость Китая внешнему миру проявляет себя в обилии иностранных визитеров. Они выделяются своей непринужденной манерой поведения, вольностью в одежде, почти неизменным заплечным мешком. Из него торчат какие-то палки и чтобы не напороться на них, приходится сторониться, накладывая себе еду с общего стола в гостиничном ресторане. Но до этого обладателю мешка дела нет: так удобнее. Нередко кто-то из молодых китайцев обращается на улице с возгласом “Хэлло”. Это же приветствие произносит нищий на подходе к столичному вокзалу.

Человека неазиатской наружности зачастую воспринимают как весьма состоятельную персону. За час массажа в оздоровительном центре гостиницы с меня запросили 170 юаней. А года три назад за такой же сеанс взималось 20 юаней. “170 юаней — это дорого”, — говорю знакомым китайцам. “Да, — соглашаются они, — но Вас, видно, приняли за европейца или американца и соответственно особу с толстым кошельком. Есть где-то артель слепых массажистов, у них это будет гораздо дешевле”.

Новый музей истории Пекина в деталях воссоздает многовековое прошлое города. Но две его достопримечательности — Запретный город и площадь Тяньаньмэнь имеют культовую значимость для всего Китая. Запретный город — это монархический Китай, он олицетворяет самодержавность, времена, когда в Запретный город, где обитали государи, не имел доступа простой люд. А Тяньаньмэнь свидетельствует рождение нового народного Китая, и человек, провозгласивший его, взирает с цветного полотнища на площадь. А тело его — в памятном мемориале на этой же площади.

В отличие от прошлого раза, когда я посетил мемориал Мао Цзэдуна, люди не толпились перед ним в длинной очереди. Не заметил я и стойки с красными гвоздиками для подношения председателю. Его изображения неизменно встречаются в повседневном обиходе: на ассигнациях, на сувенирах. Идеи Мао Цзэдуна в обязательном порядке изучаются в вузах. На территории Ланьчжоуского университета в развале книг, которые уже не нужны выпускникам, попалось на глаза учебное пособие об основах учения Мао Цзэдуна. На

отдельных его страницах пометки: кто-то основательно штудировал, выделяя наиболее важные места. Но является ли Мао Цзэдун единственным духовным авторитетом, которому китайский народ поверяет самые сокровенные чаяния?

Поезд подземки уносил нас в сторону гор Сишань в окрестностях Пекина. От конечной остановки добираемся до каменной ограды, опоясывающей комплекс "Фо я та", (Пагода зуба Будды). Как бы овальной формы громаду (так кажется издали) словно выдавило из лона земли и взметнуло над окрестными горами и лесными зарослями. А на подступах к пагоде — молельня. В воздухе распространяется терпкий запах курений. Среди тех, кто, поднимая над головой пучок курительных палочек, простирается ниц перед изваянием Будды, немало молодых. Они и в числе тех, кто слушает в особом зале пояснения монашек из местного монастыря по вопросам веры. Бритые головы и коричневые халаты отличают монашек от мирян.

В расположенном рядом павильоне, где наряду с культовыми принадлежностями продается религиозная литература, тоже можно видеть юношей и девушек, просматривающих книги.

На подступах к храму не прекращается движение, одни спускаются по ребристым ступенькам, другие, наоборот, поднимаются. Не все, правда, идут своим ходом, есть инвалиды на колясках. На их лицах не видно ни скорби, ни утомления. Глаза живо блестят, они довольно улыбаются. В густоте деревьев звучат птичьи голоса, словно состязаясь с негромкими звуками духовной музыки. В многочисленных святилищах созерцательно восседают божества, вроде бы безразличные к вниманию посетителей. По темным водам прудов чинно проплывают рыбки. Если внимательно присмотреться, то ближе к поверхности воды иная засветится алым в лучах солнца и снова погаснет.

Неподвижные, без возраста лица и застывшие без движения тела изваяний контрастируют с молодыми лицами людей, что легко сгибаются в поклонах, мысленно взывая к высшим силам. Тонкая девичья фигурка в черной юбке и белой блузке, потом еще одна замаячили в показавшемся поначалу пустынном дворе буддийского монастыря "Чжи хуа сы", что неприметно расположился неподалеку от гостиницы "Саньюань цзиньань", которая соседствует с Пекинским железнодорожным вокзалом.

Приземистый, то ли от бремени веков, то ли уступая тяготению земли, на которой стоит, он издали ничем себя не выдает. У ворот ограды, окружающей его, два льва. От времени их цвет поблек. Глазницы темные пусты и пасты, щеря зубы, немые. Звери словно бы изумлены при виде такого визитера: иностранцы здесь не бывают. Да и среди пекинцев храм не очень известен. Минувя львов, проходим за ограду. Здесь, как при входе в парк или в музей, служащий за плату вручает билет. Платить за вход в храмы и монастыри в Пекине — это правило. К примеру, билет для посетителя ламаистского храма "Юн хэ гун" стоит 25 юаней. За эти деньги в харчевне среднего разряда можно сносно пообедать.

Развеселое мощное дерево посреди монастырского двора вызывает в памяти священное древо бодхи, под сенью которого сидел Шакьямуни, обретая состояние просветления. Это дерево всем своим видом наглядно напоминает о том, сколь глубоко и крепко укоренилось учение Шакьямуни на китайской земле. И вот еще свидетельство тому: стройная девушка у входа в дьянь (молитвенный зал). Еще подходят люди. Их голосов не слышно. Но тишина не устоялась — ее отогнали звуки музыки. Она несется из бокового придела, где расположен центр распространения буддийской музыкальной культуры.

Заглядываю туда. В полутемном помещении несколько музыкантов самозабвенно, не обращая внимания на вторжение постороннего, извлекают звуки из своих инструментов. Звучание их своеобразно. То слышится мажор,

словно кто-то прибавил шаг, и что есть сил устремился к цели, то этот бодрящий настрой гаснет и звучит умиротворяющий покой. Эти мотивы лишены отупляющего однообразия. Они словно будят мысли о преходящем, приглушенные звуки, как негромкое звучание ручья, смягчают напряжение, извлекают из глубин сознания что-то затаенное, что не может вырваться наружу в житейской суете.

Что находится за пределами этой жизни, наглядно показывают немые сцены, изображаемые целым сонмом скульптур. Подземное царство, или преисподняя, воспроизводит жизнь земную. Ее сцены тематически представлены в соответствующих нишах, где присутствуют надлежащие фигуранты — скульптуры. То, что действие происходит в загробном мире, передается цветом: бескровность плоти изваяний оттеняет бледно-лиловая окраска. В то же время ваятели умело передали гамму чувств, которую испытывают фигуранты в той или иной ситуации. Немые сцены наглядно говорят сами за себя. Злодей всем своим обличем являет преступную натуру. Бесстрастны судьи, держащие в руках доклады для верховного владыки преисподней, за которым остается последнее слово.

Тех, же кто заслужил кары, уже поджидают с нетерпением два существа с козлиной головой на теле человека. Тот, что слева, закинув голову и скаля зубы, держит наизготовку двурогие вилы, другой опирается на некое подобие кола.

А белый конь во дворе рядом с молельней призван поощрять праведность живущих на земле. Он унесет душу достойного на небеса, мгновенно миная наказания ада.

Яркий солнечный свет заливают все вокруг. От 30-градусной жары не спасает даже густая листва деревьев. Но здесь в “Жулай дяне”, в главной храмине монастыря “Чжихуа сы”, самом большом его строении, держится стойкий полумрак. Глаза не сразу различают фигуру Будды. Он сидит вальяжно и кажется отрешенным от всего окружающего, не замечая ни входящих людей, ни разложенных перед ним подношений. Выражение лица такое, словно испытывает не то огорчение, не то озабоченность. Прежде дянь украшало 9999 небольших изображений будд. В 30-х гг. XX в., как гласит табличка на стене, это убранство зала было увезено в Америку.

Впрочем, и сейчас памятники культуры Китая уходят за границу.

Названию храма “Чжихуа сы” (Храм Становления мудрым) подстать и цветовая гамма. Здесь не рябит в глазах от ярких тонов. Они не уместны для проникновения в глубины сознания.

После обстановки эмоциональной сдержанности, которая отличает буддийскую обитель “Чжихуа сы”, по-иному чувствуешь себя, вступая за ограду даосского храма “Дун юе мяо”.

Среди многообразия красок его убранства, чему способствует яркий солнечный день, тон задает красный цвет. Его тепло побуждает глубже прочувствовать смысл знаков, обозначающих небольшой участок “Дороги счастья”, и поймать себя на мысли, что шагаешь не просто по безликой и безучастной земной тверди, но именно по “Дороге счастья”. С нее переходишь на мостик, по обе стороны которого как ограда свисают красные таблички с благопожеланиями. Руки неведомых людей этими знаками внимания выражают участие и к тебе, наглядно дают знать, что ты не один, о тебе, и о других пекутся высшие силы. Прежде всего, бог горы Тайшань. Это он восседает в особом дяне. Перед нишей, где разместился бог, алтарь с подношениями, справа и слева — внушительные стражи. Но они, видно, больше для проформы. Раз есть владыка, то должна быть и челядь. Само призвание бога горы Тайшань таково, что врагов у него быть не должно. Согласно даосским авторитетам, он отвечает за всех живых, включая престарелых, больных, богатых и бедных.

Сегодня — “дуань у”, 5 мая по лунному календарю ханьцев (этнических китайцев). Потому так людно в монастыре — все присутствующие справляют поминки по праведнику, знаменитому поэту Цюй Юаню. Не вынеся призола князя, у которого состоял на службе, он в знак протеста утопился.

Стало давним обычаем в день поминовения Цюй Юаня есть чуньцзы. Это — вроде клецок из клейкого риса, завернутых в бамбуковые листья.

Сегодняшнее многолюдье во дворе храма “Дун юе мяо” (большое столпотворение довелось видеть и в монастыре “Юн хэ гун”) вызвано и тем, что здесь проводится конкурс на сноровку в изготовлении чуньцзы. По обеим сторонам длинного стола выстроились женщины. Они состязаются в том, кто быстрее и лучше приготовит чуньцзы под наблюдением членов жюри. Руки проворно снуют, забирая комочек риса из большой посуды. Ловкое движение рук — и он уже в оболочке из бамбуковых листьев.

Признанные лучшими с красными лентами через плечо выстраиваются в ряд. Звучат поздравления, вручаются призы.

Не знаю, каковы на вкус чуньцзы, изготовленные победительницами, но те, что с вечера приготовила жена моего доброго знакомого Чэнь Чуньхуа, мне очень понравились. Как он сказал, готовить для семьи “чуньцзы” в канун “дуань у” дня поминовения Цюй Юаня. — давний обычай. Передаваемое из поколения в поколение предание питает историческую память народа и не дает кануть в безвестности поступку достойного мужа.

Это — не абстракция, но персонификация в соответствии с представлениями даосов. 60-летние циклы, на которые китайская хронологическая традиция делит круговорот времени, олицетворяют фигуры божеств. Каждое из них отвечает за определенный 60-летний цикл, как бы сдавая вахту сменщику. Они все выстроились у подножия пьедестала, на котором величественно восседает белолицая Доуму-Матушка Доу. Желтый шарф свободно ниспадает с ее шеи, напоминая о ее женском естестве. Восемь рук, третий глаз во лбу, как отметина, вызывают в памяти образ божества индийского пантеона. Но существенные отличия бросаются в глаза: в одной руке Доуму держит лук со стрелой, в другой — счеты. Эти приметы — символ предельности земного бытия и фатальной предопределенности. Доуму — верховная распорядительница сроков жизни. Сколько кому положит, как считают, так оно и будет.

За долгое время своего существования храм “Дун юе мяо” пережил немало перемен. Властители страны решали, что и как построить, кому распоряжаться этим изначально культовым центром. До недавнего времени в монастыре находилось училище по подготовке административных кадров. Исконных хозяев, служителей даосов, естественно, лишили местопребывания и возможностей отправлять культ. Училище по подготовке администраторов перевели в другое место, но священнослужителей — даосов в монастыре по-прежнему нет. В соседстве с обителями божеств теперь разместились экспонаты Музея народных обычаев. Один из них — изготовление чуньцзы в день поминовения праведного мужа Цюй Юаня. Незамысловатый комочек риса в обертке из листьев бамбука питает не столько тело, сколько душу. Чуньцзы — средство сохранения исторической памяти ханьцев, средство единения. Поедая чуньцзы, они осознают, что все они ханьцы.

Что же до того, чтобы просто поесть, напитать плоть, то в Китае это не проблема. Были бы деньги. Впрочем, они не нужны, чтобы удовлетворить и другие естественные потребности. Общественные туалеты решением правительства стали сравнительно недавно бесплатными. Прецедент, положенный одним из императоров Рима, не прижился в Китае. Это, возможно, мелочь, но из мелочей складывается значительное. В данном случае это проявление забо-

ты власти о людях и о сохранении окружающей среды. Так это и понимают рядовые пекинцы.

...Оказавшись в многолюдной толчее на одной из площадей г. Ланьчжоу, испытываешь такое впечатление, словно попал на импровизированную выставку народных промыслов. В глазах пестрит от разноцветья изделий и поделок. На лотках груды амулетов и оберегов, украшений, сверху свисают пестрые гирлянды, маленькие, словно хвостатые подушечки с благопожеланиями счастья. Тут же на тележке — шляпы, они же грудятся на земле. “Сколько за эту?”, — справляюсь у сухопарой старушки, — “5 юаней”.

“За такую цену в Пекине на Ванфуцзине (улица респектабельных магазинов) не купить”, — говорю сопровождающему.

“Да, — соглашается он. — Но это бедная провинция. Поэтому цены низкие. Им лишь бы продать”.

За торговыми рядами и развалами, словно сторонясь их, магазины. На вывесках многих из них “Предметы буддийского культа”. Это вроде наших церковных лавок, но больше размера. В них тесно от бесчисленных изваяний разного размера, штабелями разложены коробки с разнообразными куреньями, со стен гроздьями свисают колокольчики.

И над всем этим торжищем, на склоне горы в зарослях деревьев, как в гроте, величественно отчужденно от всей этой мирской суеты, высится буддийский храм цинского времени, один из крупнейших в Ланьчжоу. Идти к нему надо по тропе, и восхождение требует известных усилий. Внизу остается торговая площадь, а наверху ждут изваяния божеств, бесстрастно смотрящие куда-то поверх голов людей и внешне равнодушные как к их подношениям, так и к молитвам.

Вновь проталкиваясь через толчею на рыночной площади, наткнулся на стайку женщин, рассеявшихся в ряд на каких-то небольших сиденьях. У той, что ближе, призывно—участливо блестят глаза, и она радостно улыбается. “Неужто поздравляет с восхождением в монастырь?” — пришло было на ум. Подтверждением тому были четки, одетые на шею. Но все оказалось прозаичнее, — это была команда чистильщиц обуви, и одна из них выражала готовность за соответствующую плату навести блеск на мои ботинки. Разные сцены можно увидеть в храмах. Вот несколько парней сгрудились в одном из помещений храма “Байюань гуань” (одноименный даосский храм есть в Пекине). Даос с манерами разбитного приказчика (“Лучшего товара, чем у нас, нигде не сыскать!”) гадает. Склонив голову на бок, даос пытливо всматривается в лица, пытаясь понять, как воспринимает предсказания на бумажках, которыми он торгует. Судя по поведению покупателей, реакция у них не одинаковая. Они словно мысленно сверяют услышанное с тем, что им известно. “Как тут сказано, так и должно быть”, — убежденно звучит голос даоса. А в соседней молельне, где отрешенно глядит на входящих Яшмовый владыка, девушка в белой кофте, склонив колени на подставку, усердно молится, вздымая руки и кланяясь. Тлеет, разнося аромат, куча пепла от курений... — наглядное свидетельство религиозного рвения безымянных посетителей. Да что там пучок курительных палочек. В 1988 г. местные прихожане собственными силами отремонтировали передний дянь храма. С 1986 г., когда городские власти Ланьчжоу открыли храм, здесь ежемесячно служат молебны 20 с лишним даоши (даосский священнослужитель).

Выйдя из прохладного полумрака храма, сразу попадаешь в пекло: температура воздуха +33°. Инстинктивно тянет туда, откуда веет влажной свежестью — к водам великой реки Хуанхэ.

На берегу — скульптурное изображение Хуанхэ в виде обнаженной женщины, изваянное из розоватого гранита. На ее животе сидит ребенок, до-

вольно улыбаясь во весь свой беззубый рот. На пьедестале начертано “Хуанхэ му”, “Матушка Хуанхэ”. Эта река питает живительной влагой лессовые земли Северного Китая. Изваяние, творение рук женщины—скульптора, передает целую гамму ощущений, связанных с таинствами жизни и материнства.

Цвет камня, из которого высечены мать и ребенок, подстать самой воде реки: она желта. И вид ее вызывает в памяти Сырдарью Центральной Азии, тоже, как и эта, желтую реку.

Возникает мысль, порожденная бытующей в КНР установкой: “Одна семья — один ребенок”. Улыбающийся человечек на животе “Хуанхэ му”, не исключено, тоже образчик программы регулирования семьи. Вроде тех плакатов и транспарантов, где улыбающаяся счастливая чета с одним ребенком подает всем пример для подражания.

Правда, правило “одна семья — один ребенок”, как мне говорили в Пекине во время встречи с руководителями Китайского исламского общества, не распространяется на мусульман. Им дозволяется иметь 2—3 ребенка.

“Хуанхэ му” и ее ребенку привычен вид реки, и она их, видно, не занимает. Мне же, впервые здесь оказавшемуся, трудно отвести взгляд и объять им все сразу, запечатлеть мысленным взором. Это непосильно. Перед глазами мельтешат лишь мгновенные видения. Река порывиста и своенравна. Местами потоки завихряются, и образуют воронки, а дальше обманчиво блестит спокойная гладь. Старейший мост через реку — наглядное напоминание о “заморских чертях” (так в обиходе именовали китайцы европейцев), которые объявились в Поднебесной в XIX в. Мост этот возвели по проекту немецкого инженера. Постройки в традиционном ханьском стиле сейчас возводятся у подножия гор, на вершине одной из них — многоцветное строение храма, а рядом растут современные дома, создаваемые по нормам нынешней инженерно-строительной техники.

Своенравные воды Хуанхэ бороздят юркие нарядные суда (такие можно видеть в буклетах европейских туристических фирм). А на берегу разместились обширная выставка водозаборных приспособлений, которые использовались в традиционном Китае. Это собрание разнообразной техники — наглядное свидетельство трудолюбия и творческого поиска безымянных умельцев, крестьян и ремесленников. А вот в признание заслуг сановника, доставившего с юга Китая на север эффективное приспособление для водоснабжения, благодарные люди поставили памятник! Помня немецкого создателя моста, не предают забвению и своих умельцев!

Дюжий загорелый молодец с металлической цепочкой на шее приглашает прокатиться по реке на надутой воздухом козлиной шкуре. Заманчиво, но сопровождающий меня преподаватель Ланьчжоуского университета предлагает перейти на ту сторону по мосту и не спеша полюбоваться на окрестности. На другом берегу во многих видах представлен Его Величество Дракон, владыка водной стихии, на земле и в небесах. Вот на высоком пьедестале (приходится смотреть вверх, задрав голову), он взметнулся ввысь, изогнув свое гибкое сильное тело, напоминая, что ему подвластны воды, тверди земной и зыбких небес.

Повседневное почтение к Дракону люди выразили и тем, что отвели на берегу специальный участок, создав на нем своего рода “Царство Дракона”. Здесь во множестве размещены его изображения в окружении любовно выращенных цветов. Невольно приходит на ум библейский змей, что таилась в райских куцах.

Баллюстраду, выполняющую роль внешней ограды “Драконова царства”, составляют каменные цилиндры, на которых выгравировали свившийся

кольцами дракон. И на каждом камне-цилиндре начертаны имя и фамилия тех, на чьи средства он поставлен.

Иная, неханьская цивилизация, напоминает о себе на каждом шагу на берегах Хуанхэ и на улицах Ланьчжоу. Северо-Западная провинция Ганьсу, столицей которой является Ланьчжоу, неоднородна в национально-религиозном отношении. Это бросилось в глаза уже в аэропорту, куда прибыл самолет из Пекина. Среди собравшихся в аэропорту выделялась, державшаяся отдельно, группа людей в характерных белых шапочках. Это были хуэйминь (полное название "хуэйминь хуэйцзу", народность исламского вероисповедания).

В стороне от шоссе, связывающем аэропорт с городом, привлекла внимание громада каменного куба с полусферическим куполом — мазар, мусульманское кладбище.

Из мусульманских святынь в Ланьчжоу наиболее почитаемо место захоронения (гунбэя) Ма Миньсиня, особенно почитаемого среди хуэй в провинции Ганьсу, как реформаторов традиционной мусульманской обрядности.

Гунбэй размещен в жилом районе и со всех сторон окружен домами. Служитель в белой шапочке проводит к воротам, проделанным в ограде. Снимаем обувь, как при входе в мечеть, и по зеленой дорожке входим внутрь двора. Черного мрамора доска с арабской вязью, кусты роз с обеих сторон напоминают о райских кущах.

Появился смотритель гунбэя ахун Мао Шишань. На нем светло-серая на все пуговицы застегнутая одежда вроде сюртука, на голове белая шапочка. Телом сух, держится прямо, несмотря на свои 85 лет.

Бытует мнение, что тело Ма Миньсиня, погибшего в схватке с правительственными войсками, не было найдено, земле предали лишь его вещи. Над ними и возвели гунбэй.

Память о Ма Миньсине, говорит ахун, чтят не только местные мусульмане. Могилу его посещают мусульмане из-за рубежа "Вы, из России, — разжимаются бескровные тонкие губы в слабой улыбке, — первый"

Мое внимание привлек боковой придел гунбэя.

— Это — молитвенный зал. Сюда приходят на пятничную молитву.

— И много бывает людей?

— Человек 200.

Конечно, это не сравнимо с тем, сколько собирается в зале величественной Большой мечети Сигуань, самой большой в Ланьчжоу. Громадное здание с минаретом, купол со шпилем, увенчанным полумесяцем, горделиво возвышаются над окружающими строениями. Все это — наглядное олицетворение религиозного рвения местных мусульман. А о том, что они не только члены всемирной мусульманской общины, уммы, но прежде всего граждане КНР, напоминает сентенция президента Ху Цзиньтао об обязанностях подданных КНР, воспроизведенная на одной из стен во дворе мечети.

...Неумолимый ход времени приближает время отъезда, вот и последние частицы-виденья в пестром калейдоскопе впечатлений о пребывании в Китае. О том, что еще находишься здесь, напоминает облицованный позолотой брюхатый истукан у входа в гостиничный ресторан. Он встречает и провожает всех с неизменной, навсегда застывшей улыбкой. Бесшумно движется как маятник голубоватая рыбина в аквариуме в зале ресторана. Но вот остановилась и смотрит через стекло с таким видом, как будто спрашивает: Клубни лотоса пришлись по вкусу? Не пора ли уж ехать?" Да, верно. И скоростная автотрасса уводит в аэропорт.

Научная жизнь

Защита диссертаций в Институте Дальнего Востока РАН в 2006 году

В 2006 г. в Институте Дальнего Востока РАН продолжали работать два диссертационных совета — Д 002.217.01, рассматривающий диссертации по экономическим наукам, специальность 08.00.14 — мировая экономика (председатель совета — главный научный сотрудник Института, доктор экономических наук, профессор Э.П. Пивоварова) и Д 002.217.02, рассматривающий диссертации по историческим и политическим наукам, специальность 07.00.03 — всеобщая история и 23.00.04 — политические проблемы международных отношений и глобального развития (председатель совета — директор Института, академик РАН М.Л. Титаренко). Всего было защищено 6 диссертаций — одна на соискание ученой степени доктора наук и пять — на соискание ученой степени кандидата наук. Среди них:

Нгуен Ван Бинь, гражданин СРВ, исполняющий обязанности председателя Правления Международного инвестиционного банка (г. Москва), кандидат экономических наук, автор 15 опубликованных работ по тематике диссертации, в том числе изданных в России трех авторских монографий, четырех брошюр и ряда статей в научных журналах успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему: **“Торгово-экономические отношения Социалистической Республики Вьетнам с США и странами ЕС в конце XX — начале XXI вв.”**. (Научный консультант — член-корреспондент РАН В.И. Ишаев).

Фундаментальное исследование вьетнамского ученого Нгуен Ван Биня посвящено актуальной и еще слабо разработанной в теоретическом и практическом плане проблеме открытия внешнему миру развивающейся страны с относительно низким исходным экономическим потенциалом, выявлению закономерностей и специфики нарождающегося сотрудничества развивающихся стран с высокоразвитыми государствами, влияния этих контактов на мировую экономику, в том числе на регион Юго-Восточной Азии.

Сближение Запада и Востока, ставшее одним из важнейших признаков современного этапа глобализации, дало СРВ шанс ускорить темпы развития экономики, получить выход на западные рынки, привлекать иностранные капиталы, технологии, опыт современного менеджмента и т.д. В работе вскрыты внутренние стимулы развития многообразных аспектов торгово-экономических отношений между Вьетнамом и западными странами, выявлена их связь с политическими отношениями сторон, рассмотрены противоречия и трудности их развития. Показаны изменения в экономической политике СРВ, произошедшие на рубеже веков, в том числе демократизация принципов управления национальной экономикой, либерализация внешней торговли, открытость и прозрачность политики; исследованы ее механизмы и основные формы, включая мето-

ды привлечения иностранного капитала и организацию свободных экономических и промышленных зон, индустриальных парков и центров высоких технологий. Впервые в научный оборот введены тщательно проанализированные правовые акты, регулирующие отношения СРВ со странами Запада. Оценен опыт и перспективы участия страны в международном региональном и глобальном разделении труда, показаны проблемы в развитии внешнеполитических связей Вьетнама и России, обусловленные такими факторами, как неразвитость финансово-кредитных отношений, отсутствие необходимой информации о состоянии вьетнамской экономики и возможных сферах приложения иностранного капитала и т.д. Научно-практическое значение исследования заключается в выработке диссертантом конкретных рекомендаций для формирования многовекторной внешнеэкономической политики СРВ, которые могут быть востребованы при разработке Россией своей концепции участия в глобальных и региональных процессах.

Ба Цзиньсинь, гражданин КНР, в 2006 г. окончил аспирантуру с отрывом от производства в Институте Дальнего Востока РАН и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: **“Проблемы формирования в КНР транснациональных компаний с китайским капиталом”**. (Научный руководитель — доктор экономических наук В.Я. Портяков).

Данное исследование представляет собой первую в российской науке попытку комплексного анализа проблем зарубежного инвестирования китайских предприятий в контексте реализации стратегии “выхода за границу”, выдвинутой правительством КНР в конце XX в. Актуальность темы обусловлена теоретической и практической важностью проблемы формирования транснациональных корпораций (ТНК) в Китае, ее значимостью для анализа места и роли страны в международном разделении труда и в мировой экономике в целом.

Автором рассмотрены место и роль государства в стимулировании транснационального развития предприятий в период политики реформ, динамика, географическая и отраслевая структура, масштабы и особенности прямого зарубежного инвестирования китайских предприятий на современном этапе; выделены основные разновидности типов зарубежного инвестирования, применяемых китайскими компаниями; спрогнозированы возможные пути дальнейшего формирования и развития китайских ТНК; проведено экономическое сравнение крупнейших компаний мира и Китая. Особое место уделено анализу причин успехов и неудач инвестиционной деятельности китайских компаний в России и разработке конкретных предложений, касающихся инвестиционного сотрудничества между КНР и РФ, в частности, выделены потенциальные его сферы: развитие инфраструктуры, разработка энергетических и природных ресурсов, перерабатывающая промышленность, машиностроение и высокотехнологичные отрасли.

Мамаев Александр Владимирович, ведущий специалист по маркетингу в ООО “Синьчжитунь”, КНР, г. Пекин (в 2005 г. окончил аспирантуру с отрывом от производства в Институте Дальнего Востока РАН), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: **“Развитие наукоемких и высокотехнологичных производств в Китае (на примере информационных технологий)”**. (Научный руководитель — доктор экономических наук А.В. Островский).

Диссертация А.В. Мамаева затрагивает одну из наиболее актуальных современных экономических проблем — роль наукоемких и высокотехнологичных производств в современной мировой экономике и экономике отдельных стран. В работе впервые в отечественной науке осуществлен всесторонний анализ развития наукоемких и высокотехнологичных производств в Китае, поскольку именно с этой сферой связаны перспективы развития КНР и ее место в мировой системе хозяйства в XXI в. Развитие современных технологий является сегодня одним из приоритетных направлений проводимой руководством Китая экономической политики, важнейшим фактором повышения международной конкурентоспособности страны.

Автором показана эволюция подходов к данной проблеме в КНР, рассмотрены основные факторы, оказывающие воздействие на развитие высокотехнологического сектора экономики и дальнейшее изменение структуры наукоемких производств в Китае, в том числе: государственные программы, направленные на развитие науки и техники, создание зон развития новых и высоких технологий, а также положительная динамика роста иностранных инвестиций, значительная часть которых направляется на реализацию проектов в сфере высоких технологий, процесс подготовки кадров для работы в этих сферах. В качестве наиболее значимых сегментов новой экономики в целом, и индустрии информационно-коммуникационных технологий, в частности, выделяется производство персональных компьютеров и электронных компонентов, программного обеспечения, создание и расширение информационных сетей и интернета как наиболее динамично развивающихся отраслей, темпы роста которых существенно опережают мировые показатели.

Практический интерес представляет вывод автора о том, что современное состояние и перспективы развития высокотехнологических отраслей позволяют рассматривать КНР в качестве важного субъекта сотрудничества с Россией в области науки и техники, а успешный китайский опыт стимулирования развития передовых технологий может быть полезен при разработке конкретных мер, направленных на развитие наукоемких и высокотехнологических производств в РФ.

Осипян Гарри Владимирович, гражданин Республики Армения, в 2005 г. окончил аспирантуру с отрывом от производства в Московском институте международных экономических отношений и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: **“Международные финансовые центры Восточной Азии в системе мировой экономики”**. (Научный руководитель — доктор экономических наук, профессор Е.Ф. Авдокушин).

В работе впервые в российской науке на базе комплексного анализа международных финансовых центров (МФЦ) проанализирован процесс формирования и особенности развития новых финансовых центров в Восточной Азии, выявлены их роль в мировой финансовой глобализации и степень влияния на региональную и мировую экономику. Изучение эволюции и механизма функционирования традиционных и новых МФЦ является важным элементом в определении особенностей развития современного финансового рынка.

Автором прослежена эволюция МФЦ и предложена собственная периодизация процесса их формирования, выявлены тенденции развития новых азиатских финансовых центров, особенности их включения в конкурентную борьбу на уже освоенном международными корпорациями финансовом рынке. Показано, что быстрый рост финансовой глобализации отразился на росте влияния региональных финансовых центров Восточной Азии — Гонконга, Сингапура и др., оказывающих свое воздействие не только на региональную экономику, но и на распределение международных потоков капитала. Особую значимость представляет анализ развития китайского финансового рынка в связке Гонконг—Шанхай (Пудун), а также исследование возможностей такого финансового рынка в рамках “большого Китая”: КНР—Тайвань—Сингапур и перспектив его интеграции в мировую экономику. Выдвинуто и обосновано научное положение, определяющее позиции Москвы не только как финансового центра России, но и финансового центра в рамках стран СНГ, поскольку Москва обладает высокой инвестиционной привлекательностью, развитой финансовой системой, наличием валютной и фондовой бирж и рядом других необходимых факторов.

Цыренов Доржо Гунденович, младший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (в 2005 г. окончил аспирантуру с отрывом от производства в ИДВ РАН), защитил диссертацию на тему: **“Проблемы создания системы современных предприятий в КНР”** на соискание ученой степени кандидата экономических наук. (Научный руководитель — доктор экономических наук И.Н. Наумов).

Проблема создания системы современных предприятий (ССП), способных развить технологичные наукоемкие производства внутри страны, ускорить переход к информационной экономике знаний и конкурировать с ТНК на мировой арене — одна из центральных и стратегических проблем в деле дальнейшего реформирования экономики Китая. В диссертации впервые в отечественной экономической науке проведено системно-комплексное исследование теории и практики формирования в КНР системы современных предприятий, рассмотрены объективные условия этого процесса и роль в нем государства, проанализирована организационная структура современных предприятий, основные аспекты их деятельности и правовые основы функционирования; выявлено стимулирующее влияние создания ССП на формирование экономики, основанной на знаниях, информатизацию экономики, ее техническое и технологическое обновление, создание собственной инновационной системы КНР.

Опираясь на многочисленные источники, автор показал, что целью создания системы современных предприятий в Китае является образование группы высокоэффективных высокотехнологичных транснациональных корпораций, имеющих в своем составе современную производственную базу, собственные научно-исследовательские центры и опытно-конструкторские бюро, ведущие разработки на современном мировом уровне и внедряющие их в технологическую цепь производства товаров и услуг; основу ССП в условиях многоукладной экономики составят предприятия и компании, находящиеся под контролем и управлением государства; главной формой преобразования государственной собственности КНР на современном этапе является акционирование, которое позволило ускорить формирование ССП в условиях рынка. Обобщенный в работе опыт создания системы современных предприятий в КНР может быть использован в практике государственного управления как в развивающихся странах, так и в странах с переходной экономикой, в том числе и в России.

Беляков Андрей Викторович в 2005 г. окончил очную аспирантуру

ИДВ РАН защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — всеобщая история (нового и новейшего периода) на тему "Борьба с коррупцией и организованной преступностью в КНР в период реформ и открытости (1978 — 2005)". (Научный руководитель — доктор исторических наук Н.Л.Мамаева).

Диссертация А.В. Белякова посвящена одной из наиболее актуальных проблем внутривосточной и социальной жизни современного Китая.

В ходе реализации политики реформ и модернизации в Китае происходит быстрый рост явлений коррупции и организованной преступности, представляющих сегодня серьезную опасность для реализации планов китайского руководства по "мирному возвышению" страны, ее превращению в одну из развитых держав мира.

Диссертант поставил перед собой серьезную задачу — всесторонне подойти к анализу коррупции и организованной преступности, показать динамику их теоретического осмысления в руководящих и академических кругах страны, исследовать систему мер по пресечению противоправной деятельности на разных этапах социально-экономических и политических преобразований в Китае. Такого рода исследование китайского опыта имеет сегодня немаловажное значение и для других стран, где решаются аналогичные задачи.

Рецензии

Киреев Г.В. Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 416 с.

Многовековая история становления и развития отношений между Россией и Китаем неразрывно связана с 300-летним процессом их территориального сближения и постепенного размежевания.

По мере освоения новых земель на востоке обе стороны стремились закрепить их за собой путем переговоров и заключения договоров и соглашений по установлению границ. Об истории формирования российско-китайской границы опубликовано в разное время немалое количество капитальных трудов и научных исследований как в России и Китае, так и в других странах.¹

Эта тема вызывает постоянный интерес не только ученых-востоковедов, но и широких кругов политиков и общественности.

Автор рецензируемого издания Г.В. Киреев — известный российский дипломат, который в течение 35 лет работал на китайском направлении. В 80-х — 90-х годах прошедшего века он активно участвовал в подготовке соглашений о восточной и западной частях российско-китайской границы и соглашения о пограничном режиме. В течение 10 лет он возглавлял российскую делегацию в Совместной российско-китайской демаркационной комиссии, непосредственно участвовал в работе по демаркации границы на местности и установке пограничных знаков, в налаживании более тесного сотрудничества между погранвойсками России и Китая.

Его наблюдения и размышления как участника переговорного процесса, документальные свидетельства и факты, приведенные в книге, помогают читателю лучше понять ход урегулирования границы России с Китаем.

В рецензируемой книге автор кратко излагает историю формирования границы

России с Китаем, ее установления и уточнения различными договорами, соглашениями и протоколами. Юридическим началом этого процесса принято считать Нерчинский договор 1689 г., подписанный Ф.А. Головиным в трудных для России условиях под военным давлением со стороны Китая. Нерчинский договор по существу не отражал реального размежевания двух стран, которое происходило в этом регионе в период его активного заселения и освоения русскими людьми. По этому договору не заселенные маньчжурами и никогда им не принадлежавшие земли отводились Китаю. Несовершенство договора проявилось в неточном определении географических ориентиров, указывающих прохождение российско-китайской границы, которая устанавливалась в документах условно, без демаркации на местности по реке Аргунь и далее "по Каменным горам до моря протяженным" (без точного указания направления гор Станового хребта). Кроме того, договор не был ратифицирован обеими сторонами, т.е. не закреплен юридически.

После заключения Нерчинского договора в 1689 г. стороны еще не раз возвращались к вопросу уточнения и урегулирования границы и подписывали в результате переговоров соответствующие договорные акты: Буринский и Кяхтинский трактаты 1727 г., Айгуньский договор 1858 г., Тяньцзиньский договор 1858 г., Пекинский дополнительный договор 1860 г., Новокиевский и Хабаровский протоколы 1886 г., Цицикарский договорный акт 1911 г. и др. Специалисты насчитывают около 35 договорных актов, заключенных в XIX веке и касающихся установления прохождения границы между Россией и Китаем. Таким образом, к началу XX в. русско-китайская граница исторически

определилась в итоге сложных процессов постепенного сближения и территориального разграничения двух государств. Граница на всем ее протяжении оформлялась юридически договорами, протоколами и другими документами, что в принципе не давало повода сомневаться в ее договорно-правовой основе.

Разумеется, в процессе фактического установления границы на местности обеим сторонам пришлось корректировать и вносить небольшие уточнения с учетом различных (в том числе природных) изменений, происходивших на границе. Однако редемаркация и уточнения границы всегда проводились на основе ранее заключенных договоров и соглашений, т.е. юридически обоснованно по международному праву своего времени, что способствовало поддержанию мирных, добрососедских отношений между двумя странами в течение всей истории их сосуществования.

После Октябрьской революции 1917 г. вопрос о границе неожиданно обострился на советско-китайской конференции 1925—1926 гг. Спекулируя на декларациях советского правительства 1919 и 1920 гг. об аннулировании всех тайных договоров и соглашений России с Японией, касающихся Китая, и отказе РСФСР от завоеваний и привилегий, полученных царской Россией в сношениях с Японией, китайская делегация выступила с заявлением о том, что следует считать аннулированными и все пограничные договоры России с Китаем как неравноправные, и предложила свой "Проект договора о проведении пограничной линии между Китайской Республикой и СССР", предусматривающий восстановление "восточной границы" в "согласии" с текстом только Нерчинского договора 1689 г. Фактически это означало бы согласие на отделение от Советского Союза в пользу Китая огромных Амурского и Приморского краев с целым рядом крупных городов и центров с преимущественно русским населением. Позиция китайской стороны была отвергнута советской делегацией как несостоятельная, т.к. согласно международному праву, уточнение границы могло быть только на основе всего комплекса договорных документов о пограничном размежевании. Разгоревшаяся в Китае гражданская война и борьба различных группировок милитаристов не позволили завершить сов-

местную конференцию, предусмотренную соглашением от 31 мая 1924 г., и принять какое-либо решение о границе.

Суммируя итоги незавершенных советско-китайских переговоров 1924—1926 гг., автор делает вывод, что стороны условились лишь о проверке, передемаркации границы без ревизии пограничных договоров. До завершения указанной проверки стороны согласились поддерживать статус-кво на существующих границах. Тем самым обеими сторонами официально было признано, что все действующие русско-китайские договоры о границе сохраняют свою силу.

После 1925—1926 гг. вопрос о границе СССР не поднимался официально в Китае вплоть до 1960 г., хотя 30-е годы изобиловали вооруженными конфликтами в связи с постоянными нарушениями границы войсками Японии и Маньчжоу-го, что выливалось порой в военные столкновения. В результате конфликта на КВЖД в июле 1929 г. были даже прерваны дипломатические отношения между СССР и Китаем, которые удалось восстановить только 12 декабря 1932 г.

Внедрение в сознание китайского общества домыслов об "исторической несправедливости" территориального размежевания Китая с соседними странами и необходимости "возвращения отторгнутых территорий" не прекращалось и после образования КНР в 1949 г. Эта тема являлась частью школьного и вузовского образования, музейных экспонатов, специальных научных работ. Публиковались так называемые "карты позора", на которых указывались "утраченные территории" Китая. На недоуменные вопросы советских представителей по этому поводу китайские официальные лица отвечали, что это лишь личная точка зрения отдельных ученых и выпады "правых элементов", на которые не следует обращать внимания, что курс на дружбу и союз Китая с СССР остается неизменным. Действительно, в первое десятилетие КНР на советско-китайской границе не возникало каких-либо конфликтов.

Первым серьезным инцидентом стало преднамеренное нарушение границы большой группой (около 100 человек) китайских скотоводов в районе перевала Буз-Айгыр (бывшая Киргизская ССР) в июне 1960 г. Вслед за этим участились

выходы китайских граждан на охранявшиеся советскими пограничниками острова на реках Амур и Уссури. В ходе обмена нотами по этим случаям обнаружилось различие толкования территориальной принадлежности этих участков, которые позднее китайская сторона стала называть "спорными". Усиление напряженности во взаимоотношениях диктовало необходимость вести дело к пограничному урегулированию и уточнению линии границы. Для ведения переговоров по этому вопросу были определены основания. На некоторых участках граница вообще не была точно определена на картах договорами, на других участках произошло изменение русел рек, по которым устанавливалась граница. Кроме того, на реках Амур и Уссури в середине 1930-х гг. СССР в одностороннем порядке взял под свой контроль многие острова под китайским берегом, установив таким образом "фактически охраняемую линию границы". В некоторых местах были произвольно смещены пограничные знаки. Кроме того, у сторон не было соглашения о режиме границы и порядке урегулирования пограничных вопросов и т.п. Чтобы предотвратить нарастание конфликтов и вооруженных столкновений необходимо было установить единое понимание прохождения линии границы на всем ее протяжении, уточнить и зафиксировать ее в новых договорных документах и путем демаркации на местности заключить договор о режиме границы. Важный шаг в этом направлении стороны предприняли в напряженной обстановке обострившихся советско-китайских межгосударственных отношений.

По инициативе советской стороны с 25 февраля до 22 августа 1964 г. в Пекине были проведены консультации между правительственными делегациями СССР и КНР по уточнению линии советско-китайской государственной границы. Переговоры проходили в очень сложных и психологически трудных условиях. В самый разгар консультаций в июле 1964 г. Мао Цзэдун во время встречи с японскими социалистами неожиданно заявил, что "Советский Союз захватил слишком много территорий у других стран". "Примерно сто лет назад, — говорил Мао Цзэдун, — район к востоку от Байкала стал территорией России и с тех пор Владивосток, Хаба-

ровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не предъявляли счета по этому реестру".

Переговоры начались в форме жесткой политической полемики, в ходе которой китайская делегация, цитируя Мао Цзэдун и утверждая, что "Советский Союз захватил у Китая около 1,5 млн кв. км его территории", настаивала на том, чтобы в новом договоре о границе принять формулировку о неравноправности прежних договоров, якобы навязанных Китаю царской Россией. Вскоре, однако, сторонам удалось преодолеть острую ситуацию и делегации перешли к конкретной практической работе. Состоялся обмен топографическими картами с обозначением границы, как она понималась сторонами. В результате сопоставления выявились расхождения в нанесении на картах линии границы на 22 участках. Общая площадь таких "спорных" участков составляла примерно 35 тыс. кв. км, в том числе около 28 тыс. кв. км на Памире. На восточной части границы китайцы оспаривали 987 кв. км. В ходе кропотливой и трудной работы делегации в рабочем порядке согласовали и уточнили линию советско-китайской границы на ее восточной части протяженностью около 4200 км, составили описание прохождения линии границы, отработали карты и подготовили проекты соответствующих соглашений. Однако сторонам не удалось парафировать эти соглашения и подписать общий протокол. Отсутствие договоренности о прохождении линии границы по протоке Казакевича (в районе островов близ Хабаровска) явилось основной формальной причиной того, что 1964 г. стал, по определению автора книги, "годом упущенных возможностей" в деле пограничного урегулирования.

Но были другие, более серьезные политические причины создавшегося тупика и отказа от юридического оформления достигнутых договоренностей, на которые также указывает автор, отмечая резко ухудшавшуюся атмосферу в советско-китайских межгосударственных отношениях. Об этом свидетельствуют события, происходившие в Москве и Пекине (смещение Н.С. Хрущева на октябрьском пленуме ЦК КПСС, безрезультатные визиты Чжоу Эньлая в Москву в 1964 г. и А.Н. Косыгина в Пекин в 1965 г., развертывание "культурной революции" в

1966 г., нападение хунвэйбинов на советское посольство в Пекине в августе 1967 г. и, наконец, вооруженный конфликт на о. Даманский в 1969 г.) Создавшаяся реальная угроза войны привела обе стороны к пониманию необходимости возобновления переговоров об урегулировании границы и недопущения на ней впредь опасных вооруженных столкновений, грозивших войной. Почти девятилетние переговоры 1969—1978 гг. к сожалению, также не дали практических результатов. Стороны не смогли достичь ни соглашения о сохранении статус-кво на границе, ни соглашения о прохождении линии границы. Автор убедительно и аргументированно раскрывает причины неудачи переговоров, связывая это, главным образом, с отсутствием в то время у Мао Цзэдуна намерений и желания к улучшению отношений с СССР и, в частности, к пограничному урегулированию. Только нормализация межгосударственных отношений СССР и КНР в целом могла содействовать эффективности переговоров о границе.

Однако в 1979—1981 гг. еще наблюдалась стагнация напряженных отношений между двумя странами. 3 апреля 1979 г. МИД КНР уведомил советскую сторону нотой о решении Китая не продлевать срока действия советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. В том же году Китай установил дипломатические отношения с США и начал военные действия против Вьетнама. В связи с прекращением срока действия договора 1950 г. советская сторона предложила провести переговоры о нормализации межгосударственных отношений на принципах мирного сосуществования. В ответ на это китайская сторона выступила с новым требованием устранения так называемых “трех препятствий” — сокращение советских войск на советско-китайской границе до уровня 1964 г., вывод советских войск из Монголии, прекращение советской поддержки Вьетнама. А после ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. китайская сторона вообще сочла “неуместным” дальнейшее ведение переговоров.

Трудный путь к нормализации двусторонних отношений в дальнейшем прокладывался на политических консультациях 1982—1986 гг. Этот процесс в изве-

стной степени завершился советско-китайской встречей на высшем уровне в мае 1989 г., в ходе которой Дэн Сяопин предложил М.С. Горбачеву “закрывать прошлое, открывать будущее”, т.е. официально объявить о том, что китайско-советские отношения нормализованы. Г.В. Киреев, как свидетель и участник этих событий, приводит интересные подробности переговоров и делает свои выводы об ответственности сторон за горькие страницы истории отношений двух государств.

Реальный сдвиг произошел лишь в ходе сложных и трудных переговоров 1987—1991 гг. Автор подробно излагает советскую концепцию переговоров, анализирует конкретные проблемы, возникавшие в ходе переговоров, в том числе о прохождении границы в районе островов у Хабаровска и на Памире, аргументированно отвечает на критику со стороны оппонентов.

Закономерным итогом труднейших переговоров стало подписание 16 мая 1991 г. “Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части”, ратифицированного Верховным Советом РФ и вступившего в действие 16 марта 1992 г. после обмена с Китаем ратификационными грамотами.

Автор приводит выдержки из письма участников пограничных переговоров в разные годы (Тихвинский С.Л., Мясников В.С., Нешумов Ю.А., Верещагин Б.Н. и др.), направленного политическому руководству России 31 марта 1997 г.: “Оппоненты Соглашения наивно думают, что вырабатывалось оно без квалифицированной проработки компетентными специалистами, без согласования с заинтересованными ведомствами и с руководством граничных с Китаем краев и областей. Мы можем засвидетельствовать: в выработке решений по пограничным вопросам с Китаем принимали участие люди, полностью владеющие данной тематикой... Все эти люди, естественно, стремились найти решение пограничных вопросов на основе, соответствующей интересам нашей страны... Невероятными усилиями удалось юридически оформить Восточную часть российско-китайской границы. Соглашение 1991 года — не простой документ. Это гарант стабильности и спокойствия на наших дальневосточных рубежах”.

Соглашение по Западной части границы России с Китаем (ее протя-

женность около 55 км) было подписано министрами иностранных дел РФ и КНР 3 сентября 1994 г. и вступило в силу после обмена ратификационным грамотами в Пекине 17 октября 1995 г.

Народная мудрость гласит: "Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить". Впереди предстояла весьма трудная и ответственная работа — установление линии госграницы на местности. Стороны еще в ходе переговоров, задолго до начала практических работ изготовили демаркационные топографические карты. В соответствии с постановлением правительства РФ была сформирована российская делегация во главе с Г.В. Киреевым для работы в Совместной российско-китайской демаркационной комиссии.

Автор детально рассказывает о проблемах и трудностях, возникших в ходе работы демаркационной комиссии, о том, как согласовывались с китайской стороной и решались сложные вопросы в процессе совместных топографических, геодезических и гидрографических работ, связанных с демаркацией границы и установкой пограничных знаков как на реках, так и на земле. Поскольку четкое обозначение границы проводилось по основной местным населением территории, в состав российской делегации были включены представители граничащих с Китаем Приморского и Хабаровского краев, Еврейской автономной, Амурской и Читинской областей на уровне заместителей глав администраций. В состав совместных демаркационных рабочих групп, которые действовали на самой границе, также входили руководители администраций районов и городов, непосредственно граничащих с Китаем.

В итоге совместной демаркации была обозначена на местности пограничными знаками вся линия Восточной части госграницы протяженностью 4195 км, за исключением двух участков (в районе острова Большой на р. Аргунь и в районе островов на р. Амур вблизи Хабаровска). Определена принадлежность почти 2,5 тысяч островов и отмелей на Амуре, Уссури и других пограничных реках. Отнесенные к России или к Китаю острова по количеству и площади примерно равны. Установлено более 1 тыс. пограничных столбов и знаков. Был подготовлен межправительственный протокол-описание рос-

сийско-китайской государственной границы с приложением карты и других совместных документов. Такая же работа проводилась и на Западной части российско-китайской границы.

Во время визита президента России в Китай 9 декабря 1999 г. министры иностранных дел России И.С. Иванов и Китая Тан Цзясюань подписали от имени правительств своих стран протоколы-описания и карты на Восточную и Западную части российско-китайской границы. Эти документы, устанавливающие впрямь точное положение демаркированной линии государственной границы между РФ и КНР, вступили в законную силу после обмена соответствующими нотами МИД обоих государств 19 января 2000 г.

С Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, ставшими к 1992 г. после распада СССР самостоятельными государствами, Китай провел переговоры отдельно, заключив соответствующие соглашения о границах.

Большое внимание пограничной проблеме уделялось и на самом высоком уровне. 26 апреля 1996 г. в Шанхае главы пяти государств: Казахстана — Н.А. Назарбаев, Киргизии — А.А. Акаев, России — Б.Н. Ельцин, Таджикистана — Э.Ш. Рахмонов и Китая — Цзян Цзэмин подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Эта встреча положила начало процессу создания Шанхайской организации сотрудничества, способствовавшей укреплению и развитию добрососедских отношений Китая с Россией и другими соседними странами. А 24 апреля 1997 г. главы этих же пяти государств подписали в Москве Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Урегулирование пограничного вопроса — заключает автор — это закономерный итог коренного изменения российско-китайских отношений, наращивания и углубления всестороннего сотрудничества между Россией и Китаем во всех областях и направлениях, установления отношений равноправного партнерства и стратегического взаимодействия. Автор подчеркивает, что урегулирование вопроса о границе стало возможным только в процессе нормализации отношений между двумя государствами, их дальнейшего

развития и провозглашения курса на равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие в XXI в.

Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный 16 июля 2001 г., констатировал стремление обеих сторон превратить разделяющую их границу в границу мира, добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. Принципиально важной является статья 6 Договора, которая гласит: "Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдая государственную границу между ними". Этой же статьей подтверждалось, что стороны "продолжат переговоры для разрешения вопросов о прохождении ли-

нии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках. До разрешения этих вопросов они соблюдают статус-кво на еще не согласованных участках границы между ними".

Дополнительное соглашение, заключенное в октябре 2004 г. и ратифицированное сторонами в мае 2005 г., позволило завершить делимитацию границы между Россией и Китаем по компромиссному принципу раздела речных островов примерно поровну. При этом остров Большой на реке Аргунь был поделен пополам, остров Тарабаров на реке Амур целиком передан Китаю, а остров Большой Уссурийский у г. Хабаровска площадью 320 кв. км поделен таким образом, что все постройки, включая православную церковь, остались на территории России.

Книга Г.В. Киреева, написанная в форме мемуаров, на основе документов, личных наблюдений и многочисленных, в том числе малоизвестных фактов, несомненно вызовет интерес широкого круга читателей, желающих лучше познать прошлое, настоящее и будущее российско-китайских отношений.

© 2007

Ю. Песков, с.н.с. ИДВ РАН

1. См., например: Границы Китая: история формирования под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова). М., 2001. 470 с.; Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы, XVIII–XX вв. М.: 1996; Советско-китайские отношения, 1917–1957: Сб. документов. М., 1959; Русско-китайские отношения. М., 1958; Верещагин Б.Н. В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999; Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М.: Изограф, 2001; Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М.: 2006.

Paltemaa L. In the vanguard of history — the Beijing Democracy Wall movement 1978—1981 and social mobilisation of former red guard dissent. [Л. Палтемаа. В авангарде истории. Движение Стены демократии (1978-1981) и социальная мобилизация диссидентства бывших хунвэйбинов] Turun yliopisto. Turku, 2005. 390 P.

В заголовке рецензируемой книги суммарно отражены не только предмет исследования — "Движение Стены демократии" и его хронологические рамки, но также и его притязания на роль авангарда мировой истории, проистекающие из идейного опыта предшественников и одновременно основных участников движения — хунвэйбинов.

Методологически автор диссертации, положенной в основу публикации, использует для своего анализа т.н. "новый подход к социальным движениям", развиваемый рядом западных исследователей. Основным смыслом этого подхода сводится к тому, что "социальные движения создают себя сами, а не просто появляются, когда возникают некоторые благоприятные для них социальные условия" (С. 15). Значение таких условий не отрицается, но акцент переносится на их восприятие, а в некоторых случаях — на формирование идентичности социального движения, которая открывает возможность для коллективных действий. В основе такой идентичности лежат некие новые знания о мире и социальных отношениях.

Использование этого метода, однако, не сковывает автора в его историографических изысканиях, и в этом смысле книга представляет собой добротное историческое сочинение, где анализируемые процессы включены в широкий социальный и политический контекст своего времени. При этом важно отметить, что этот контекст, как и сам предмет исследования, понимаются автором в подавляющем большинстве случаев вполне адекватно, с хорошим знанием внутренней подоплеку и механизмов развития явлений, без навязывания умозрительных интерпретаций, свойственных обычно непрофессионалам, пытающимся судить о Китае с точки зрения не приложимых к нему, чужеродных моделей.

В книге подробно освещаются эво-

люция движения, его основные формы, идеология и, возможно, главное: его соотношение с развертывавшимся в то самое время поистине эпохальным процессом кардинального пересмотра курса правящей Коммунистической партии Китая. Можно сказать, что это последнее обстоятельство придает книге дополнительный интерес.

Как отмечает автор, поначалу существовала определенная идейная связь между реформистскими силами в КПК и основным направлением демократического движения. Автор даже полагает, что движение помогло Дэн Сяопину одержать победу на 3-м Пленуме ЦК КПК 11-го созыва в конце 1978 г. Близость позиций наглядно обнаружилась в ходе кампании за освобождение сознания, которая проходила с 18 января по 3 апреля 1979 г. На Сощещании по идеологической работе, проходившем под председательством Ху Яобана, многие выступавшие признавали недостаток демократических институтов в Китае. Некоторые заходили еще дальше, утверждая, что народ не располагает реальными возможностями управлять делами в государстве. Поэтому тогда движение, использовавшее аналогичную риторику, воспринималось достаточно позитивно. Однако впоследствии отношения становились более напряженными, а затем с завершением кампании началось его волнообразное подавление. В конце 1980 г., когда расстановка сил в руководстве изменилась, а ситуация в стране и в мире продолжала накаляться, был дан старт ликвидации движения. Многие его активисты были арестованы, другие эмигрировали или затаились.

Участники демократического движения, как подчеркивает автор, не имели общей интеллектуальной платформы, но сходились в убеждении, что корнем всех бед в Китае является бюрократизм, который при господстве "левых", установлен-

ном в результате "культурной революции", превратился в "феодално-фашистскую диктатуру". Такое понимание в принципе не отличалось от трактовки, принятой в то время в реформистских ориентированных партийных кругах. Разграничительная линия проходила, скорее, не между КПК и демократическим движением, а внутри самого движения. Большинство относительно умеренных его активистов было убеждено, что бюрократы составляют социальную прослойку, а не класс общества, тогда как радикалы рассматривали чуть не всю партию как противостоящий народу антагонистический класс, сближаясь тем самым с левацкой доктриной перманентной классовой борьбы. Менее однозначным было отношение активистов движения и партийных реформаторов к личности и роли Мао Цзэдуна: последние были существенно более ограничены и осторожны в его критике.

Участники демократического движения, согласно выводам автора, идентифицировали себя в трех основных ипостасях: в качестве революционного авангарда, просветителей и социалистических граждан. Свою деятельность они хотели осуществлять с согласия партии, хотя и претендовали на определенную самостоятельность. Активисты стремились улучшить отношения между партией и народом, действуя в качестве посредников в этих отношениях. Они добивались мирных институциональных изменений политической системы, которые бы способствовали достижению этих целей, обеспечивали бы реализацию прав на свободу выбора, свободу слова, печати, собраний в соответствии с программными положениями марксистской теории.

Автор убежден, что участники демократического движения действовали как социалистические граждане, своим примером стремясь способствовать движению в этом направлении всего общества. Быть социалистическими гражданами в их представлении означало принимать руководство партии и диктатуру пролетариата и выступать против контрреволюционных элементов, но исключительно в ограниченных, законодательно определенных рамках.

Главной причиной неудачи демократического движения автор считает его подавление и способность блокировать линии коммуникации между руководством движения и его потенциальными сторонниками. Как полагали сами активисты движения, этому содействовала, пре-

жде всего, неспособность сформулировать единый теоретический ответ на официальные догмы, которые путем образования и пропаганды контролировали сознание народа, и предложить им альтернативу.

Это определяло и организационную слабость движения. Деятельность активистов концентрировалась вокруг выпуска многочисленных печатных изданий, которые относительно слабо кооперировались между собой. Какая бы то ни была единая организация движения отсутствовала. Отдельные группы враждовали друг с другом.

По словам участников движения, оно было слишком озабочено теорией, слишком сосредоточено на трансформации надстройки и удалено от народа, от его насущных нужд и потребностей. Оно ориентировалось, прежде всего, на представителей своего поколения, на бывших хунвэйбинов, которым в ту пору было около 30 лет, пренебрегая и более молодыми, и, особенно, старшими. Негативный опыт "культурной революции" их мало чему в этом отношении научил.

Многие организационные пороки движения конца 70-х—начала 80-х годов были, как свидетельствует Л. Палтемаа, унаследованы китайскими демократами, эмигрировавшими и тогда, и позже за рубеж, прежде всего, в Соединенные Штаты. Продолжая издавать свои печатные органы и создавать объединения, они остаются столь же слабыми, сколь было движение в самом начале.

Рецензируемая книга, основные положения которой в очень сжатом виде представлены выше, является собой, таким образом, серьезное и достаточно объективное научное исследование Движения Стены демократии как важного элемента процессов, которые развертывались в Китае на заре нового реформистского курса, на который становилась страна в это судьбоносное время. Работа базируется на изучении огромного количества первичных источников, что сообщает выводам автора основательность и убедительность.

С подавляющим большинством оценок, содержащихся в работе трудно не согласиться. Пожалуй, единственно существенный дискуссионный момент, способный вызвать возражения, содержится в заключительных ремарках, которые, как представляется, носят оценочный характер, не вытекающий из всего предшествующего анализа.

Л. Палтемаа порицает партийных консерваторов, к числу которых он при-

числяет и Дэн Сяопина, за то, что они подавили альтернативные взгляды на социальное развитие, будучи убеждены в том, что Китай может стать сильной и процветающей модернизированной страной только в условиях стабильности и единства, обеспечиваемых централизованным руководством партии. "Подавив Движение Стены демократии, партия утратила историческую возможность вступить в подлинный социальный диалог, который мог бы оказаться — и еще остается — решающим для политических реформ в Китае, поскольку трудно представить, как могут случиться подлинно демократические реформы, будь то социально-демократические или либеральные, в качестве какого-либо отдельного процесса, исходящего изнутри комитета правящей партии" (С. 353).

Автор прав, когда говорит, что Китай все еще стоит перед проблемой осуществления институциональных политических реформ, но вряд ли можно принять ту точку зрения, что он находится все еще перед той дорогой, которую "закрыли для нее партийные консерваторы в конце 70-х годов" (С. 353). Во-первых, существует серьезное сомнение по поводу существования реальной возможности пойти по этому пути. Достаточно вспомнить тот крах, который постиг Советский Союз. Думается, что в Китае ситуация могла бы обернуться намного более худшим образом. Во-вторых, какими бы благими демократическими интенциями ни руководствоваться, нельзя сбрасывать со счетов, что Китай в последующие десяти-

летия, действительно, добился выдающихся успехов при сохранении единства и стабильности и именно под руководством КПК. И, в-третьих, за последние годы появилось немало новых проблем, но одновременно и новые возможности, которые, с одной стороны, требуют, а с другой — позволяют решать задачу политической трансформации Китая новыми путями, хотя, как ни сложно это кому-то признавать, это по-прежнему возможно лишь при инициативе, исходящей изнутри правящей партии и под ее руководством. Возможность диалога с внепартийными силами при этом, конечно, не исключается, хотя нелегко понять, как бы мог он выстраиваться, например, с движением бывших хунвэйбинов в том виде, каким его описывает Л. Палтемаа, или же с более поздним студенческим движением конца 90-х гг., которое, по его же свидетельству, было "еще менее организовано и теоретически развито, чем Движение Стены демократии" (С. 352).

Рецензируемая публикация — не единственное свидетельство того, что в Финляндии формируется собственная китаеведческая школа со своей спецификой и своим полем научных интересов. Об этом говорит и другое обстоятельное исследование, вышедшее в свет почти одновременно с рассматриваемой работой¹. Автору настоящих строк особенно приятно это отметить, поскольку ему посчастливилось три десятилетия назад быть очевидцем зарождения этой школы в Университете г. Турку.

*Я. М. Бергер,
доктор исторических наук*

© 2007

1. Salmenkari T. Democracy, participation, and deliberation in China, The discussion in the official Chinese press, 1978-1981. Helsinki. 2006. 736 P.

Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006. 216 с.

Известный российский кореевед, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН А.З. Жебин написал интересную монографию о Северной Корее. Прямо скажем, нечасто из-под пера наших специалистов по Корее выходят работы, посвященные Корейской Народно-Демократической Республике. Автор много лет успешно работал в КНДР, изучал эту страну, ее историю и современность. В его новом труде поднимаются очень важные, мало исследованные проблемы политической системы Северной Кореи, рассматриваются особенности ее трансформации, влияние политических традиций феодальной Кореи на современное развитие северокорейского общества.

Автор с присущей ему научной скрупулезностью обращается к теоретическим проблемам формирования тоталитарного режима, подчеркивая, что "некоторые привнесенные извне в КНДР в середине пошлого века специфические формы политических структур и их функционирования весьма успешно утвердились там как раз в силу того, что для них имелась благодатная почва, подготовленная уже существовавшей на протяжении длительного исторического периода политической практикой и многовековыми традициями конфуцианского ареала" (С. 12). Действительно, идеи конфуцианства легли на весьма благодатную политическую основу, сформировавшуюся под советским влиянием. КНДР была объявлена "большой семьей" во главе с вождем. А в корейской семье авторитет отца (в масштабе страны "вождь — отец") непререкаем. Отсюда следует, что воля отца, воля вождя, их указания являются "наивысшим указанием" для каждого члена семьи и общества.

На базе конфуцианских постулатов и идеологии чучхе (независимость, самостоятельность) в Северной Корее сформировалась политическая система, получившая высший юридический статус в Конституции страны 1972 г. Ядром политической системы являлась Трудовая партия Кореи, которая, как подметил А. З. Жебин, "постепенно стала "партией вождя" и фактически превратилась в механизм

обеспечения единоличной власти ее лидера над всем обществом" (С. 38).

И хотя формально в КНДР существует многопартийная система (кроме Трудовой партии, действуют Социал-демократическая партия и религиозная партия Чхондоге-Чхонудан), в реальной жизни в стране установлена диктатура одной партии — ТПК, одной идеологии — чучхе, одного лидера — до 1994 г. Ким Ир Сена, сегодня — Ким Чен Ира. Северокорейская пропаганда утверждает, что такая политическая система или "социализм корейского образца" отвечает национальным традициям и интересам корейского народа, является "самым превосходным социалистическим строем." И руководит народом, наслаждающимся счастливой жизнью, "великий вождь", который обладает "незаурядным умом, выдающимся искусством руководства и благородной нравственностью", разрабатывает политический курс, правильно направляет созидательную деятельность масс. От людей требуется лишь "единомыслие и тесное сплочение рядов вокруг вождя" (С. 47).

Анализируя северокорейскую политическую власть кимирсеновского периода, автор приходит, на наш взгляд, к очень точному выводу о том, что реальная власть в КНДР принадлежит клану Ким Ир Сена, который уже несколько десятилетий "рулит" страной и не собирается "никому уступать власть или даже делиться ею" (С. 47).

Наиболее интересной и насыщенной неизвестными или малоизвестными фактами и событиями является вторая глава монографии, в которой рассматривается политическая система "эпохи Ким Чен Ира", основные этапы формирования посткимирсеновской системы и ее особенности.

Автор подробно рассматривает все нюансы "наследования власти" в КНДР после смерти Ким Ир Сена. С начала 1990-х гг. страна оказалась в тяжелейшем положении. Углублялся экономический кризис, нарастало военно-политическое давление извне. Продовольственная ситуация в середине 1990-х гг. в КНДР стала критической. Стихийные бедствия, неурожай привели к массовому голоду в стра-

не. По данным международных гуманитарных организаций, в этот период от голода в Северной Корее погибло от 1 до 2,5 млн человек. В этих условиях, пишет А. З. Жебин, пришлось отложить инаугурацию Ким Чен Ира на высшие государственные и партийные посты. Согласно конфуцианским канонам, вступление на престол высшего правителя должно сопровождаться добрыми знаками Неба (С. 56). Однако таких знаков Небеса не подавали. Более того, конфуцианство утверждает, что “плохие знаки” — это проявление недовольства правящей династией, ее неспособностью решать возникающие проблемы.

Автор с большим знанием дела, опираясь на малоизвестные документы, анализирует “вхождение” Ким Чен Ира на высшие посты в армии, партии и государстве. В работе детально рассматриваются ситуация в клане Кимов, перипетии скрытой внутриклановой борьбы, а также ситуация, сложившаяся внутри политической элиты. Очень важен, на наш взгляд, вывод, сделанный А. З. Жебиным на этот счет. “Пока, — пишет он, — правящая элита сохраняет единство, основанное на общей заинтересованности в удержании власти, и тем более, в исключении такого поворота событий, который имел место в Восточной Европе, особенно с учетом судьбы постигшей восточногерманскую и румынскую высшую номенклатуру” (С. 62). Нарушение единства политической элиты, конечно же, поставит правящий режим перед трудноразрешимыми проблемами. И сигнал, свидетельствующий о неблагополучии в северокорейской элите, уже прозвучал. Секретарь ЦК ТПК Хван Чжан Об в 1997 г. покинул Северную Корею и оказался на юге Корейского полуострова.

При анализе заключительного этапа формирования “системы Ким Чен Ира” А.З. Жебин дает детальную картину внутривнутриполитической жизни КНДР, отмечая, что “корейский социализм” продолжил дрейф в сторону национализма и традиционализма с акцентом на пропаганду национальной исключительности корейцев. В стране получил широкое пропагандистское звучание лозунг “построения могущественной процветающей державы”, которая обладает наивысшей национальной мощью” (С. 64). При этом пхеньянская пропаганда утверждает, что “мощная держава” уже построена в области идеологии (осуществлена глубокая чучхеизация всего общества), военного дела

(“страна превращена в крепость”, созданы “средства ядерного сдерживания”). Третья составляющая концепции “могущественной державы” — экономика находится в стадии реализации. Однако, каким образом выбраться из экономического кризиса, авторы и пропагандисты этой концепции, судя по всему, не знают.

В 1998 г. и 2003 г. в КНДР проводятся выборы в Верховное Народное Собрание. Итоги этих выборов продемонстрировали, что новая власть во главе с Ким Чен Иром, председателем Государственного Комитета обороны (ГКО) и Генеральным секретарем ТПК, стабилизировалась. Изменения, внесенные в Конституцию КНДР в 1998 г., придали высший юридический статус этим изменениям (упразднены пост Президента, Постоянный Совет ВНС, ЦНК, Административный совет) и возвратили систему госорганов к конституции 1948 г. (Президиум ВНС, Кабинет министров). Однако в северокорейских реалиях фактическая власть находится в руках военных.

Роль же Трудовой партии сведена, как правильно замечает автор монографии, к организационному и идеологическому обеспечению решений Ким Чен Ира и возглавляемого им ГКО (С. 81).

Провозглашенная в 1995 г. политика “сонгун” (“приоритет армии”) привела к фактической милитаризации всей общественно-политической жизни в стране. А.З. Жебин подробно рассматривает деятельность различных военных структур, роль и значимость отдельных военных деятелей в политической системе Ким Чен Ира. Автор, однако, не считает, что в КНДР имеет место правление военных. По его мнению, скорее всего, это — “правление при помощи военных и при опоре на военных” (С. 94). Трудно согласиться с такой точкой зрения, ибо провозглашение стратегического курса “сонгун” (приоритет армии, приоритет винтовки), усиление армейского (силового) начала во всех сферах государственной деятельности, в экономике, политике, культуре является прямым доказательством милитаризации КНДР. Лозунг “Армия — это и партия, и народ, и государство” является, по сути своей, отражением той роли, которую играют военные в северокорейском обществе.

Роль военных в КНДР продолжает усиливаться. Корейская Народная армия (КНА), насчитывающая в своих рядах, по оценке западных экспертов, 1,2 млн человек, является одной из крупнейших по

численности армий мира. В Пхеньяне объявили, что КНА обладает ядерными средствами сдерживания. Ее роль не ограничивается выполнением чисто военных функций. Она — активный участник хозяйственного строительства.

Заслуживает внимания авторский прогноз о том, что “по мере накопления негативных последствий курса на перестройку жизни северокорейского общества по военному образцу армия может восприниматься в стране как консервативная и даже реакционная сила, препятствующая преодолению нынешнего социально-экономического кризиса” (С. 96). Этот прогноз вполне вероятен, но требуется более углубленная его проработка.

Большой научный и практический интерес представляет третья глава монографии, в которой автор с использованием редких, уникальных источников рассматривает механизмы социального контроля населения КНДР. А. З. Жебин длительное время изучает эту проблематику. Им опубликован ряд глубоких исследований роли и места массовых кампаний в поддержании стабильности в стране, мобилизации населения на выполнение партийных установок. Автор анализирует многочисленные политические кампании, проводившиеся в КНДР на протяжении многих десятилетий, начиная со “всенародного движения борьбы с контрреволюционными элементами” в 1950-е гг., движения Чхонлима (северокорейский аналог “большого скачка” в Китае) и кончая такими движениями, как “три революции” (идеологическая, техническая, культурная), “скромные герои” (люди, самоотверженно выполняющие трудовые обязанности не ради высоких постов и больших зарплат, а во имя страны, вождя и революции), “дух Канге” (центр провинции Чаган). “Идеологическая ценность “духа Канге”, считают в КНДР, состоит в том, что население провинции самостоятельно, без помощи центральных властей с успехом преодолело разного рода трудности. И не только преодолело, но и продемонстрировало “абсолютное почитание лидера страны, беспрекословно выполняло все его указания” (С. 108).

Политические кампании в КНДР имеют целью не только мобилизацию людей на преодоление экономических трудностей, “усиление борьбы с империализмом”, “буржуазным пацифизмом”, но и воспитание патриотизма, убежденности в том, что в КНДР построен “самый превос-

ходный общественно-политический строй — социализм корейского образца” (С. 112).

В последние годы в Северной Корее предпринята попытка начать новую политическую кампанию. Северокорейская пропаганда объявила, что лидер страны Ким Чен Ир выдвинул “философию белого снега”. Суть нового философского постулата состоит в следующем: “Беззвучно падая, снег тихо тает и дает живительную влагу для всего живого. Так и человек должен вести свою жизнь, совершать чистые, бескорыстные поступки и не ради славы или личной выгоды”. Пропаганда КНДР назвала этот постулат “белоснежной философией самопожертвования, самобытным взглядом на человеческую жизнь, факелом бесценной жизни, ярко осветившим путь наивысшего процветания судьбы независимого человека”. Людей призывают следовать новому “философскому учению” и всегда помнить призыв Ким Чен Ира: “Не живи сегодня ради сегодня, ради завтра живи сегодня!”.

Нельзя не согласиться с авторским положением о том, что эффективность политических компаний в КНДР невысока и продолжает снижаться. “Основная часть населения, — замечает А.З. Жебин, — с апатией воспринимает партийные установки. Бесчисленные слеты и совещания, митинги и массовые шествия уже не способны глубоко воздействовать на сознание людей, уставших от них не меньше, чем от многолетних социальных проблем” (С. 114). Это и есть правдивая характеристика северокорейской социально-политической атмосферы.

Заметное место в монографии отводится малоисследованному механизму социального контроля за умонастроениями населения КНДР — народным (соседским) группам (инминбан), которые объединяют 20—30 семей, живущих в одном доме или подъезде. В деревнях это — пятидворки (оходам), объединяющие пять дворов. Автор детально исследует роль народных групп, показывает истоки появления этого механизма, роль системы круговой поруки, созданной в Китае в VI — III вв. до н. э.

В настоящее время на народные группы возложен достаточно широкий круг обязанностей: воспитание своих членов в духе идеологии чучхе, преданности партии, лидеру страны, претворение в жизнь указаний полководца, контроль за идейной чистотой членов народных групп, выявление людей, нарушающих установленные нормы, а также мобилизация на-

селения на разного рода общественные работы, участие в многочисленных политических мероприятиях.

Автор справедливо отмечает, что роль народных групп особенно возрастает в период обострения экономических трудностей, которые приобрели в стране с начала 1990-х гг. перманентный характер (С. 134). В книге приводятся указания Министерства общественной безопасности (МОБ) о наказании лиц, незаконно потребляющих электроэнергию. В числе наказаний для тех, кто "незаконно использует электронагреватели, электроплитки и кипятильники", называются аресты, выселения, принудительные работы.

На народные группы возложена также задача борьбы со "шпионами, подрывными и нечестными элементами, которые пытаются внедриться в народные группы" (С. 139).

Как полагает автор, в современных условиях КНДР народные группы, будучи одним из важных механизмов организации населения в целях сохранения политической стабильности общества, являются препятствием на пути социально-экономических преобразований в стране.

В заключении исследования политической системы КНДР А.З. Жебин предпринимает попытку спрогнозировать социально-экономическое и политическое развитие КНДР на ближайшую перспективу с учетом начавшихся в 2002 г. робких изменений экономического механизма, названных там "государственными ме-

роприятиями". Внедрение в экономику КНДР ограниченных рыночных механизмов пока не дало ощутимых результатов, ибо командные экономические высоты по-прежнему находятся под жестким государственным контролем. Нарастающее социальное неравенство, формирующийся "слой богатых" в очень бедной стране создает, на наш взгляд, дополнительный потенциал для нестабильности. "Ядерный фактор", мощное военно-политическое давление извне не позволяют пока "задействовать" указанный потенциал, способствуют сохранению единства политической элиты по ключевым проблемам развития страны. Однако это единство, судя по всему, очень шаткое. И прав автор в том, что северокорейская элита "явно запоздала с началом реформ" (С. 162), что, конечно же, ставит естественный вопрос — как долго КНДР будет находиться в таком состоянии.

А.З. Жебин подготовил интересное и глубокое исследование. Автор поставил ряд проблем, требующих дальнейших аналитических разработок.

В монографии помещены полезные для исследователей политической системы КНДР нормативные акты, а также поименный состав высших органов власти КНДР.

Монография А.З. Жебина — содержательная и глубокая работа, которая, несомненно, займет достойное место в корееведческой литературе.

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.:Наталис: Рипол классик, 2006. 736 с.

Известный своими интересными работами по истории древней Японии доктор исторических наук А.Н. Мещеряков на этот раз, обратившись к изучению более близких к нашему времени событий, опубликовал новую большую книгу "Император и его Япония".

При жизни императора Мэйдзи Япония за короткий срок превратилась из страны, закрытой для внешнего мира, в мощное государство, ставшее активным участником международной политики. Этот период истории "страны восходящего солнца" является постоянным объектом не только японских, но и зарубежных, в том числе российских исследований. Следует отметить, что труд А.Н. Мещерякова выделяется среди них своей оригинальностью.

Автор избрал "летописный" жанр, поставив перед собой задачу проследить жизнь японского императора, начиная от его рождения и до ухода из жизни. Книга состоит из 61 главы, они разделены на две части — "Тень" и "Свет", в первой из которых показана Япония до "правления Мэйдзи", а во второй отражен процесс ее стремительной модернизации, "движения к свету". Кроме того, не уклоняясь от рассмотрения глубинных, политических, социально-экономических и прочих проблем, автор сознательно уделил большее внимание изображению бытовой и ритуальной стороны жизни, постарался ввести в книгу возможно больше изобразительного материала (с. 8—9). Наконец, автор нередко сопровождает свое повествование ремарками под рубриками "ретроспектива" и "перспектива", которые помогают читателю увидеть Японию в ее развитии вплоть до наших дней.

Оживлению и образности повествования, несомненно, способствовало включение в исследование многих малоизвестных российскому читателю свидетельств японских и иностранных, в том числе русских очевидцев описываемых событий. Это дневники святого Николая Японского, воспоминания В.В. Крестовского и т.п., опубликованные в нашей стране в последние годы. Большое внимание проявил автор и к новым публикациям российских историков (Ковальчука М.К., Подалак П.Э., Сухановой Н.А., Толстогузова А.А. и др.), основанным на изучении японских источников и касающимся российско-японских отношений.

На наш взгляд, оригинальный творческий подход к написанию истории "эпохи

Мэйдзи" открыл автору возможность аргументированно и, следует особо подчеркнуть, наглядно нарисовать объективную картину формирования Японии как единого национального государства с новой идеологией сплочения вокруг императора, с новыми своеобразными институтами, возникшими на месте традиционных. Понимание особенностей японского пути догоняющего развития приходит к читателю не через абстрактную схему, а благодаря объемному, образному показу реалий того времени.

Новым в отечественном японоведении можно назвать обращение А.Н. Мещерякова к всестороннему исследованию исторической значимости ритуалов. Японская нация, считает автор, "создавалась по ходу ритуального действия. Ее центром, вокруг которого и возводилось все здание, оказалась Мэйдзи и его династия" (с. 695).

Японские политики и в ту пору настаивали на особой важности сохранения традиции. То же делают и нынешние политики. Изучая этот вопрос, автор высказывает интересное, подтвержденное фактами наблюдение — "Япония созидала новое, которое уравновешивалось традицией. Эта традиция была во многом придуманной по ходу обновленческого дела (выделено мною — А.С.), но люди воспринимали ее как подлинность и как якорь, позволяющий не быть унесенными теми бурными волнами, которые неизбежно генерировала модернизация" (с. 692).

Книга А.Н. Мещерякова, в которой рассматриваются самые разнообразные события, происходившие во время правления Мэйдзи, помогает лучше понять смысл и увидеть истоки многих проблем современной Японии, ее внутренней и внешней политики, включая отношения с ближайшими соседями.

Читая, например, страницы об императорском "Манифесте образования", о формировании образа "истинного японца" и воспитании патриотизма, осознаешь, где следует искать корни, и чем определяется острота нынешних споров о реформе японской системы образования в той ее части, которая касается морального воспитания и жизненных ценностей молодого поколения граждан этой страны.

Тем, кто наблюдает за тенденциями в современной внешней политике, будет интересно ознакомиться с мнением А.Н. Мещерякова, который проследил процесс

сползания Японии от борьбы за сохранение независимости к внешней экспансии. Еще в 1873 г., когда император Мэйдзи только начинал свое правление, в Японии была выдвинута идея “справедливости” захвата Кореи, которая помогла бы “сплотить нацию”. “Если при сёгунате Токугава Япония всячески избегала конфликтов со своими соседями, то теперь она проявила желание стать местным дальневосточным гегемоном. Страна училась у Запада не только новому крою одежды. Главным объектом империалистических настроений стала Корея” (с. 293—294). Автор последовательно показывает, как из года в год курс японского правительства на расширение территориального пространства неуклонно утверждался, какие факторы ему способствовали.

Обширный труд А.Н. Мещерякова завершает “Эпилог”. Включенные в него суждения логически вытекают из скрупулезного описания всей жизни императора Мэйдзи и “его Японии”.

Жизнь Мэйдзи протекала как бы в двух ипостасях — как представителя своеобразного японского императорского института и как личности. Главным достоинством Мэйдзи, пишет автор, являлась “принадлежность к древнему институту императоров — тэнно. Сёгунат был устроен силой, стране объявили, что произошла “реставрация” власти императоров, находившихся в течение двух с половиной веков под пятой Сёгуна Токугава. В принятии решений, сопутствующих этим событиям, Мэйдзи никакой роли не играл... Мэйдзи неизменно присутствовал на всех совещаниях, где принимались важнейшие решения, но никогда не произносил ни слова. Зато только он (или же представлявшие его посланцы) имел право зачитывать тексты указов или обращений, адресованных синтоистским божествам. Его существование обеспечивало новому правительству поистине “божественную” легитимность” (с. 693—694).

“В Европе формирование и конструирование наций началось в тот период, когда уже начался закат монархической идеи. В Японии же формирование нации было обеспечено за счет возрождения монархической конструкции. Именно в этом ритуально-церемониальном контексте и следует понимать жизнь Мэйдзи”, — подчеркивает А.Н. Мещеряков (с. 695).

Что же касается вопроса о воздейст-

вии личности Мэйдзи на происходившие в Японии события, то, по мнению автора, ответ “будет скорее отрицательным. На протяжении 45-летнего “правления” его деятельное окружение проводило самую разную политику. От растерянной открытости западным веяниям — до неприкрытого экспансионизма, надиктованного теми же западными образцами. Осторожность и опасливость первых лет сменилась беззащитным поприемом интересов других народов. На место комплекса неполноценности приходил комплекс превосходства. И каждый раз смена курса осуществлялась от имени Мэйдзи. Его следует уподобить сосуду, который можно наполнить любым содержимым. Или же следует уподобить Мэйдзи великой пустоте, которая вмещает в себя все?” (с. 696).

Одновременно А.Н. Мещеряков отмечает, что Мэйдзи “окружали очень способные люди, а его страна действительно достигла многих из тех целей, которых добивалась правящая элита. На этом пути находившиеся у кормила власти люди совершили немало ошибок, но следует отдать им должное: они учились на промахах и исправляли их быстро” (с. 698).

Подводя итоги развития Японии при императоре Мэйдзи, подчеркивая ее большие достижения, автор счел возможным высказать и то, о чем должны помнить не только историки. “Мэйдзи умер в обществе, которое было намного более милитаризованным, чем в год его рождения. Силовая составляющая этого общества возросла многократно. И ее вектор удалось направить вовне... Стыдливость первых годов Мэйдзи, когда горячие головы предлагали японцам превратиться в клон европейцев, сменилась уверенностью, что Япония и японцы обладают рядом уникальных особенностей, которых нет ни у кого... Японский этнонационализм не был пассивным, он привел в действие громадные людские массы, которые убивали друг друга, которые умирали, считая свою смерть достойным вкладом в общенациональное дело” (с. 702 — 703).

А.Н. Мещеряков написал ценную работу, в которой интересное описание исторических событий удачно сочетается с глубоким научным содержанием. Его труд сможет стать полезным дополнением учебников по истории Японии и будет с удовольствием прочитан всеми, кто интересуется жизнью соседней с нами страны.

Наши юбиляры

Алексею Ивановичу Сенаторову — 80 лет

4 января 2007 г. исполнилось 80 лет видному российскому японоведу, специалисту по проблемам внутренней и внешней политики Японии, общественному деятелю Алексею Ивановичу Сенаторову.

А.И. Сенаторов родился в селе Ольховка Тамбовской области. Его трудовая деятельность началась в военное время — окончив 8 классов средней школы, он в течение двух лет работал трактористом машинно-тракторной станции. В 1944 г. сельский юноша был призван в Советскую Армию.

В дальнейшем А.И. Сенаторову пришлось совмещать работу с учебой: среднее образование он получил в вечерней школе, уже имея семью, а институт закончил экстерном. В 1956 г. он поступил на работу в МИД. В течение восьми лет А.И. Сенаторов работал в Посольстве СССР в Японии в качестве второго, а затем первого секретаря посольства.

С 1974 г. по 1989 г. А.И. Сенаторов работал в Международном отделе ЦК КПСС, где некоторое время исполнял обязанности референта на японском направлении, а затем — заведующего сектором стран Восточной Азии и Океании. Используя богатые практические знания, приобретенные на дипломатической службе, он включился в научно-исследовательскую деятельность. В 1971 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В круг его исследований входили как вопросы внутренней политики, политической системы, так и истории Японии, ее внешней политики.

Во время работы в Международном отделе ЦК КПСС А.И. Сенаторов активно сотрудничал с учеными-японоведами, использовал все имеющиеся возможности для содействия развитию исследований в японоведческих центрах нашей страны. Систематически публиковался в журнале "Проблемы Дальнего Востока", в течение многих лет является активным членом его редколле-

гии. С момента учреждения ежегодника “Япония” является его постоянным автором, а с 1975 г. и членом редколлегии. В качестве заместителя председателя общества “СССР—Япония” был организатором и участником контактов и встреч представителей советской и японской общественности.

Начиная с 1989 г. А.И. Сенаторов занимается исключительно научными исследованиями, работая в Институте международного рабочего движения АН СССР (позже Институт политологии РАН), а с 2001 г. — старшим научным сотрудником Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН. Его перу принадлежит более 200 научных работ, в том числе монографии “Сэн Катаяма. Научная биография” (1989 г.), “Политические партии Японии (1945-1992 гг.)” (1995 г.). Алексей Иванович принимал участие в подготовке наиболее полного на сегодняшний день двухтомного учебника “История Японии” (2002 г.). Продолжая исследование многих проблем современной Японии, в последнее десятилетие особое внимание он уделяет изучению опыта нынешних японских структурных преобразований, результаты которого нашли отражение в книге “Очерки административной реформы в Японии” (2004), остающейся наиболее полным комплексным исследованием по этому вопросу.

Специалист с огромным практическим и научным опытом, А.И. Сенаторов отличается высокой работоспособностью и целеустремленностью, служит образцом научной добросовестности, ответственности и эрудированности. Его неизменными человеческими качествами являются доброжелательность, отзывчивость, готовность прийти на помощь людям.

Мы поздравляем А.И. Сенаторова с юбилеем и желаем ему доброго здоровья, счастья и новых творческих успехов.

Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН

Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”

Игорю Алексеевичу Рогачеву 75 лет

1 марта 2007 г. исполнилось 75 лет со дня рождения видного дипломата, общественного и политического деятеля, потомственного китаеведа Игоря Алексеевича Рогачева. Окончив в 1955 г. Московский государственный институт международных отношений, И.А. Рогачев прошел путь от переводчика комплексной экспедиции Академии наук СССР на Амура до заместителя министра иностранных дел Советского Союза (1986—1991) и Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Китайской Народной Рес-

публике, который он занимал с апреля 1992 г. по июнь 2005 г.

С июня 2005 г. по настоящее время И.А. Рогачев — член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (представитель от Администрации Амурской области), член Комитета Совета Федерации по международным делам.

Родина высоко оценила заслуги И.А. Рогачева. Он награжден многими орденами и медалями, в том числе орденами Дружбы (1996 г.), Почета (1999 г.), "За заслуги перед Отечеством" IV степени (2005 г.).

Большое значение Игорь Алексеевич придает народной дипломатии, укреплению связей между общественностью двух стран. Он много делает в этих целях как заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы.

Все, кто лично знает Игоря Алексеевича, кому довелось работать и встречаться с ним, высоко оценивают его замечательные человеческие качества: доброжелательность, честность и порядочность, принципиальность и независимость суждений, твердость патриотических убеждений, широкий культурный кругозор, простоту и демократичность общения с подчиненными, чувство юмора.

Коллектив Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" искренне желают Игорю Алексеевичу Рогачеву крепкого здоровья, успехов в дальнейшей деятельности на благо нашей страны, личного благополучия и счастья.

Юбилей Валентины Петровны Журавлевой

По признанию отечественных да и многих зарубежных востоковедов главный библиограф Синологической библиотеки ИНИОН РАН Валентина Петровна Журавлева — самый авторитетный, высококвалифицированный российский специалист в области библиографии Китая.

В.П. Журавлева родилась в небольшом киргизском городке Токмак. В 1950 г. по окончании средней школы отправляется в далекий Ленинград и поступает на восточный факультет ЛГУ. В 1955 г., после окончания учебы В.П. Журавлева переезжает в Москву и поступает на работу в Сектор сети специальных библиотек при Президиуме АН СССР в отдел комплектования иностранной литературы на должность библиографа. В 1956 г. переходит

на работу в только что созданный Институт Китаеведения АН СССР. Здесь, под руководством известного китаевода П.Е. Скачкова начинается трудовая деятельность молодого библиографа В.П. Журавлевой.

В марте 1958 г. после публикации в газете "Правда" письма "Нужна центральная библиотека китаеведения", подписанного группой видных востоковедов — Н.И. Конрадом, И.М. Ошаниным, С.Л. Тихвинским и Н.Т. Федоренко, по распоряжению Президиума АН СССР была создана Синологическая библиотека Института китаеведения АН СССР. Заведующей ее была назначена к. и. н. Д.Н. Зильберг, под руководством которой стали работать В.П. Журавлева, А.С. Костяева, Л.А. Кувшинникова, Н.И. Фомина, И.Б. Волкова и высококвалифицированный специалист в области библиотечного дела Р.Г. Барышников, впоследствии сменившая Д.Н. Зильберг на посту зав. библиотекой.

Началась большая работа по формированию и обработке фонда, организации каталогов и картотек с предварительной систематизацией материала по китаеведению. Самое активное участие в этом деле принимала Валентина Петровна. Тогда же П.Е. Скачков предложил ей библиографировать всю русскую литературу о Китае для продолжения его всемирно известной "Библиографии Китая" (М.; Л., 1932; М., 1960), на что она с радостью согласилась и продолжает заниматься этой работой по сей день. Под руководством своего наставника Валентина Петровна подготовила для публикации рукопись "Библиография Китая, 1958-1962". В то же время в ежегоднике "Литература о странах Азии и Африки" был опубликован подготовленный ею раздел о Китае (1961-1964 гг.). Затем до 1988 г. В.П. Журавлева готовит Указатели литературы по Китаю на русском языке для ежегодников "Китайская Народная Республика". Затем до 1988 г. включительно В.П. Журавлева готовит ежегодники "Китайская Народная Республика: Указатель литературы на русском языке". В итоге опублико-

кованный материал составил солидное собрание информации по литературе о Китае за 25 лет.

Помимо этого Валентина Петровна опубликовала статьи, раскрывающие содержание фонда Синологической библиотеки. Совместно с другими ею были составлены и изданы в академической серии "Материалы к библиографии ученых" труды академиков М.Л. Титаренко, ЛС. Тихвинского, В.С. Мясникова, два юбилейных информационно-библиографических справочника ИДВ.

Особое место в работе В.П. Журавлевой занимает составление прикнижных библиографических списков, которые, как правило, содержат обширную и надежную информацию по той или иной теме. Так, в сборнике статей, посвященном 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова "И не распалась связь времен" (М., 1993) помещены составленные ею библиографические списки "Труды П.Е. Скачкова и литература о нем", "Русско-китайские отношения: источники и литература на русском языке за 1958--1991 гг.", "Китаеведение в России: источники и литература на русском языке за 1958--1991 гг." (свыше 600 назв.), в книге "Китай на пути модернизации и реформ, 1949--1999" (М., 1999) — список "Книги о Китае, опубликованные на русском языке в 1989--1999 г" (около 500 назв.), в первом томе пятитомной энциклопедии "Духовная культура Китая. Философия" — список "Книги по философии, опубликованные на русском языке в 1958--2005 гг." (около 350 назв.). Валентина Петровна — постоянный организатор и строитель всех тематических книжных выставок, посвященных знаменательным датам из истории и культуры Китая, жизни и деятельности государственных и партийных лидеров страны, юбилеям отечественных китаеведов.

В настоящее время Валентина Петровна трудится над проектом, поддержанным РГНФ, "Библиография Китая (продолжение труда П.Е. Скачкова).

В 2008 г. Синологическая библиотека отметит 50-летие. В.П. Журавлева — единственная из сотрудников "первого призыва" — полвека продолжает трудиться на своем посту. Она с готовностью откликается на любую просьбу, к каждому проявляет максимум доброжелательства и старается дать подробный ответ. К ней всецело можно отнести слова первого русского библиографа-профессионала В.И. Межова: она является истинным библиографом, всецело предана занятиям библиографией и с любовью заносит изо дня в день в свою летопись заглавия книг и статей.

Дирекция и все сотрудники Института Дальнего Востока РАН, коллеги Синологической библиотеки ИНИОН РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока", Общество российско-китайской дружбы желают дорогой Валентине Петровне Журавлевой дальнейших творческих успехов, доброго здоровья и неиссякаемого оптимизма.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 15.02.2007 г. Подписано к печати 19.03.2007 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 13,8 тыс. Уч.-изд. л. 14,7 Бум. л. 6,0
Тираж 871 экз. Зак. 15

Издатель: Академиздатцентр «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2007 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.